

О. Н. Сорокин

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ
ГУТТУРАЛЬНЫЕ
И ИХ РЕФЛЕКСЫ
В ГРЕЧЕСКОМ
И ЛАТИНСКОМ
ЯЗЫКАХ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА

О. Н. СОРОКИН

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГУТТУРАЛЬНЫЕ

И ИХ РЕФЛЕКСЫ

В ГРЕЧЕСКОМ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Под редакцией д-ра филол.
наук Ю. В. Откупщикова

ТОМСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

Сорокин О. Н. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — 165 с. — 300 экз. 4602030000.

В работе рассматривается развитие гуттуральных согласных в индоевропейском языке, высказывается предположение о происхождении лабиовелярных и палатальных. Оно обосновывается материалом греческого и латинского языков, в составе которых рассмотрена лексика, содержащая лабиовелярный и в конце, и в начале корня, с широким привлечением лексических данных других индоевропейских языков. В исследовании обосновывается ряд новых этимологий.

Рецензенты: канд. филол. наук Н.А.Першина,
канд. филол. наук Г. М. Шатров

ISBN 5-7511-0463-3

4602030000
С 177(012) - 93 81 - 92

© О. Н. Сорокин, 1993

Введение

Вопрос об индоевропейских гуттуральных справедливо считается одним из сложнейших вопросов сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков. Вот уже более столетия заднеязычным согласным уделяется особое внимание при изучении индоевропейского консонантизма. Проблемой индоевропейских гуттуральных занимались такие выдающиеся компаративисты, как К.Бругман, А.Мейе, Г.Хирт, В.Георгиев, В.Низани, Е.Курилович и другие. Но, несмотря на это, ясности в вопросе о заднеязычных сейчас не больше, а, пожалуй, даже меньше, чем в конце XIX века. До сих пор не решен вопрос об исконном количестве рядов индоевропейских гуттуральных, о сравнительной древности индоевропейских палатальных, велярных и лабиовелярных заднеязычных. Так как гуттуральные занимают весьма значительное место среди индоевропейских фонем ["около трети всех индоевропейских слов содержат гуттуральный смычный" (Georgiev, 1981, с.41); частотность гуттуральных в индоевропейских корнях составляет 15,9%, а губных - 8,9%, зубных - 7,9%, как следует из подсчетов Г.Жюкуа (Jusquois, 1966, с.61)], очевидной делается важность данной темы не только для сравнительно-исторической фонетики, но и для этимологических исследований в области индоевропейских языков. Поэтому ни одна сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков не обходится без рассмотрения вопроса о гуттуральных (Brugmann, 1905, с.163-185; Hirt, 1927, с.226-241; Мейе, 1938, с.118-120; Савченко, 1974, с.64-68; Семереньи, 1980, с. 161-166; Georgiev, 1981, с.41-62). Только за последние двадцать лет вышел не один десяток работ, посвященных проблеме индоевропейских гуттуральных и их трактовке в разных индоевропейских языках (Kuryłowicz, 1971; Pajares, 1971; Cabej, 1972; Gołąb, 1972; Андреев, 1973; Эдельман, 1973; Steensland, 1973; Чекман, 1974; Jahukyan, 1975; Ölberg, 1976; Джаукян, 1977; Allen, 1978; Kortlandt, 1978; Гамкредидзе, Иванов, 1980^{1,2}; Shields, 1981 и мн.др.). Все это говорит об актуальности темы данного исследования.

Прежде всего необходимо разобраться в обилии точек зрения и мнений и выработать логически непротиворечивую и не противоречащую фактам гипотезу о развитии индоевропейских заднеязычных. После критического разбора всех высказанных точек зрения в настоя-

шей работе делается вывод о том, что этим требованиям, видимо, больше всего будет отвечать мнение о развитии всех заднеязычных из одного веллярного ряда. При этом лабиовеллярные, по-видимому, возникли в раннем общеиндоевропейском праязыке, а палатальные — уже после его распада, в диалектной области языков "сатэм". Таким образом, для раннего индоевропейского надо реконструировать один ряд заднеязычных, а для индоевропейского праязыка непосредственно перед распадом — два ряда; веллярный и лабиовеллярный. Обзору литературы по теме и выработке собственной точки зрения на проблему гуттуральных и будет посвящена первая глава работы.

Содержание второй и третьей глав составит проверка и уточнение выводов, сделанных в первой главе. Поскольку гипотеза о возникновении палатального ряда в ареале языков "сатэм" из чистых веллярных благодаря палатализации перед передними гласными уже неоднократно разрабатывалась (Nirt, 1899; Георгиев, 1932; Georgiev, 1981, с.41-62 и др.) и ее можно считать в целом убедительной, в центре исследования оказываются индоевропейские лабиовеллярные. Проверка гипотезы производилась главным образом на материале греческого и латинского языков. Выбор их не случаен.

Во-первых, это одни из самых древних по времени фиксации и наиболее полно засвидетельствованных индоевропейских языков.

Во-вторых, именно в этих языках трактовка лабиовеллярных хорошо изучена. Тем более что в самых ранних памятниках греческого языка, крито-микенских табличках линейного письма Б, лабиовеллярные еще сохраняются в неприкосновенности. В латинском языке также сохранился глухой лабиовеллярный, а после носового — и звонкий.

Все это, как кажется, должно способствовать надежности сделанных выводов. Тем не менее, когда это необходимо, будут привлекаться и данные других языков.

Итак, выработать логически приемлемую и не противоречащую фактам точку зрения на проблему индоевропейских гуттуральных и проверить ее на возможно большем и надежном фактическом материале — такова цель данной работы.

Глава I. Проблема индоевропейских гуттуральных

Как известно, существуют три типа соответствий, характеризующих индоевропейские заднеязычные смычные:

- 1) лат. *c*, греч. *κ* - др.-инд. *ś*, лит. *š* ;
- 2) лат. *qu*, греч. *π* (*τ, ι*) - др.-инд. *k* (*с*), лит. *k* ;
- 3) лат. *s*, греч. *σ* - др.-инд. *k* (*с*), лит. *k*.

Интерпретация этих соответствий и реконструкция общеиндоевропейских рядов гуттуральных смычных и составляет содержание проблемы.

Для того чтобы рассмотреть всю посвященную этому вопросу литературу, понадобилась бы специальная работа. Нам придется ограничиться рассмотрением основных точек зрения на данную проблему, остановившись особо на последних по времени работах. Подробная библиография до 1892 года дана в книге Ф.Бехтеля (Bechtel, 1892, с.291-380), обзоры более новой литературы содержатся в статьях А.Б.Пахареса (Pajares, 1971) и В.С.Аллена (Allen, 1978).

Как известно, А.Шлейхер восстанавливал в общеиндоевропейском языке только один ряд заднеязычных. Конечно, он видел различие между звуками *k*, лат. *qu* и др.-инд. *ś*, но считал его обусловленным действиями некоторых, еще неизвестных звуковых законов (Schleicher, 1866, с. 163-165, 169, 208). Г.Асколи первый разделил этот единственный ряд на три: ряд палатальных, ряд лабиовелярных и ряд чисто велярных смычных. Однако два первых ряда, по его мнению, возникли из последнего еще в общеиндоевропейскую эпоху под влиянием некоторых паразитических звуков *i* и *u* (Ascoli, 1872, с.37-39, 48, 69-70). Таким образом, в раннем общеиндоевропейском должен был существовать только один ряд заднеязычных смычных.

Позднее А.Фик предположил существование в праиндоевропейском двух исконно различных рядов, *k* и *k̑*, из которых ряд *k* впоследствии раскололся на *k* и *s* в арийских языках, *k* и *kw* в южноевропейских, а ряд *k̑* был представлен спирантом в арийских и смычным *k* в южноевропейских языках (Fick, 1873, с.3-32). Л.Авэ, также принимая два ряда, отождествляет *k*₁ с *kw*, а *k*₂ с *k*, считая лабиовелярный ряд исконным, а ряд спирантов арийских и балто-славянских языков - возникшим из чистого *k* (Naveit, 1875, с.266-277). Таким образом, и у А.Фика, и у Л.Авэ при трех типах соответствий реконструируется только два ряда заднеязычных (соответствие лат. *c* др.-инд. *k* (*с*) игнорируется). Эта не-

последовательность была устранена в 1890 году, когда А.Бецценбергер и Г.Остгоф независимо друг от друга пришли к необходимости восстановить три ряда индоевропейских гуттуральных (Bezzenberger, 1890; Osthoff, 1890^I, с.63-64). За первым соответствием (лат. с - др.-инд. ś) кроется палатальный ряд k̄ (по А.Бецценбергеру - ряд спирантов c), за вторым (лат. qu- др.-инд. k(c))- - ряд лабиовелярных смычных k^h, за третьим (лат.с - др.-инд. k(c)) - ряд чистых велярных k. Это решение получило признание у большинства лингвистов и стало классическим после того, как К.Бругман изложил его во втором издании своего 'Grundriss'a (Brugmann, 1897, с.542-622).

Концепция трех рядов была и остается популярной, число ее сторонников велико (например, Pedersen, 1900; Pisani, 1933, с.550-565; Jokl, 1937; Фортунатов, 1956, с.396-397; Андреев 1957, с.6; Bräuer, 1961, с.162-163; Shevelov, 1964, с.124; Гамкрелидзе, 1964, с.49-50; Тронский, 1967, с.24-36; Гамкрелидзе, Иванов, 1980^{I,2}; Елизаренкова, 1982, с.10-11; Нерознак, 1982, с.142-146 и мн.др.), но уже с конца XIX века против нее стали выдвигаться возражения. В основном их можно свести к следующему:

1) ни в одном из индоевропейских языков не засвидетельствовано рефлексов всех трех типов артикуляции заднеязычных (Hermann, 1907, с.58; Meillet, 1908, с.66; Specht, 1944, с. 316; Kurylowicz, 1956, с.356; Georgiev, 1981, с.43 и др.);

2) при делении гуттуральных на три ряда неясна фонетическая природа палатальных (Георгиев, 1958^I, с.29; Савченко, 1974, с.64);

3) приходится предположить, что палатальные заднеязычные депалатализовались в языках группы "кентум" (Георгиев, 1958^I, с.29; Rajares, 1971, с.67; Савченко, 1974, с.65; Allen, 1978, с.101 и др.);

4) непонятны случаи "непоследовательной сатэмности", то есть появление велярного k на месте ожидаемого палатального в языках группы "сатэм" (Rajares, 1971, с.68; Савченко, 1974, с.65; Allen, 1978, с.101; Georgiev, 1981, с.43 и др.).

Итак, проблема индоевропейских гуттуральных осталась открытой. Различные попытки ее решения можно сгруппировать следующим образом:

1. Одно время А.Мейе придерживался той точки зрения, что в праиндоевропейском языке были лишь палатальные и лабиовелярные заднеязычные, а чистые велярные звуки представляли собой только позиционно обусловленные варианты палатальных, в частности в позициях перед а, г, после s, u (Meillet, 1894; 1908, с. 66). Потом, однако, А.Мейе отказался от этой гипотезы (Мейе, 1938, с. 119-120). Е.Курилович показал фонологическую невозможность противопоставления двух маркированных фонем при отсутствии немаркированной (Kuruzowicz, 1956, с. 356). После этого сторонников ранней точки зрения А.Мейе в западном языкознании не было. Но не так давно появились статьи В.Магнуссона и Ф.Кортландта, которые на основе изучения дистрибуции заднеязычных также предложили реконструировать в праиндоевропейском только палатальный и лабиовелярный ряды (Magnusson 1967; Kortlandt, 1978). Среди советских лингвистов подобного мнения придерживается О.С.Широков (Широков, 1981, с. 31-35).

2. В 1899 году Г.Хирт выдвинул гипотезу, что в индоевропейском языке было два ряда гуттуральных: велярный и лабиовелярный. В дальнейшем велярные в определенных позициях палатализовались, так возник палатальный ряд. После многочисленных аналогических выравниваний, исчезновения лабиовелярного ряда и ассимиляции палатальных языки группы "сатэм" в отношении заднеязычных стали резко отличаться от языков группы "кентум", сохранивших древнее индоевропейское состояние (Hirt, 1899; 1927, с. 226-241; 1939, с. 161-163). Эта концепция стала весьма популярной. В числе ее сторонников В.Георгиев, А.Мейе, Дж.Бонфанте, В.Махек, М.Бартоли, В.Леман, И.Майрхофер, А.В.Пахарес, Л.Стинсланд, В.С.Аллен и др. (Георгиев, 1932; Георгиев, 1958¹, с. 28-57; Georgiev, 1981, с. 41-62; Meillet, 1936; Мейе, 1938, с. 117-120; Bonfante, 1937, с. 31-33; Lehmann, 1952, с. 100-102; Mayrhofer, 1952; Pajares, 1971; Steensland, 1973; Allen, 1978; Shields, 1981 и др.). В нашей стране сторонниками этой гипотезы являются Г.В.Джаукян и А.Н.Савченко (Джаукян, 1967, с. 58-60, 155-156; 1977, с. 213-214; 1982, с. 54-57; Савченко, 1974, с. 65-68).

3. Делалось предположение, что в общеиндоевропейском языке были только велярный и палатальный ряды гуттуральных. Позднее в языках группы "кентум" палатальный ряд, утратив прежнюю палатализацию, слился с велярным, в то время как велярный ряд

расщепился на велярный и лабиовелярный ряды. В этом случае древнее состояние отражали бы языки группы "сатэм", а лабиовелярные являлись бы инновацией языков группы "кентум". У данной гипотезы сторонников значительно меньше, чем у предыдущей. Это Г. Райхельт и Е. Курилович (Reichelt, 1922; Kuryłowicz, 1935, с. I-24; 1956, с. 356-375, 401; 1962, с. 108-110; 1971; 1977, с. 190-197). Сторонниками этой же точки зрения провозгласили себя Дж. Уотмоу и З. Голомб (Whatmough, 1937, с. 46; Golab, 1972, с. 53), а среди советских лингвистов одно время ее придерживался Вяч. Вс. Иванов (Иванов 1958), считал правильным мнение Е. Куриловича Б. В. Горнунг (Горнунг, 1963, с. 14).

4. Рассматривалась и еще одна возможность. В общеиндоевропейском языке допускался только один ряд гуттуральных, то есть ряд чистых велярных. Сторонниками этого мнения, идущего еще от Г. Асколи, можно считать Ф. Рибеццо (Ribezzo, 1903; 1929), Э. Стертеванта (Sturtevant, 1930, с. 228) - для "индо-хеттского" праязыка, С. Младенова (Младенов, 1936, с. 195), Ф. Шпехта (Sprecht, 1944, с. 316-317), Я. Сафаревича (Safarewicz, 1945), Я. Отрембского (Otrębski, 1963, с. II-15), В. М. Иллича-Свитыча (Иллич-Свитыч; 1964) и О. Семереньи - для раннего общеиндоевропейского языка (Семереньи, 1980, с. 165-166).

Особняком стоит работа В. В. Мартынова, который, восстанавливая три ряда индоевропейских гуттуральных, считает, что палатальные были на самом деле палатализованными фрикативными гуттуральными (мнение, давно оставленное в индоевропейской компаративистике), и присоединяет к ним еще четвертый ряд, ряд непалатализованных фрикативных гуттуральных, тождественных индоевропейским "ларингальным" (Мартынов, 1968, с. 82-92, 169).

После этого краткого перечня представляется необходимым рассмотреть каждую концепцию в отдельности с точки зрения ее логической стройности и степени соответствия фактам.

Прежде всего, естественно, надо решить вопрос, в самом ли деле теория трех рядов индоевропейских гуттуральных является несостоятельной. Из аргументов, направленных против этой теории, первый, наиболее распространенный, является в то же время не самым сильным. Во-первых, как справедливо заметил В. Аллен, отсутствие рефлексов всех трех рядов в каком бы то ни было из индоевропейских языков теоретически вовсе не является возраже-

нием против реконструкции этих трех рядов в общеиндоевропейском (Allen, 1978, с.92-94). Во-вторых, уже давно предпринимались попытки доказать наличие следов лабиовелярных в нескольких языках группы "сатэм". Прежде всего это относится к албанскому языку. Уже в 1900 году Х.Педерсен попытался доказать, что в албанском в позиции перед гласными переднего ряда различаются рефлексы всех трех рядов заднеязычных: $*\hat{k} > th$, $*\hat{g}(h) > dh, d$; $*k > q$, $*g(h) > gj; k^u > s, *g^u(h) > z$. Например, алб. *pesë* "пять" < $*penk^u$, ср. греч. *πέντε*, лат. *quīnque* "пять"; алб. *zjarr* "жар" < $*g^uhermo-$, ср. греч. *θερμός* "горячий", но алб. *geth* "стричь" < *ker-*, ср. греч. *κείρω* "стригу"; алб. *gjej* "нахожу" < *ghend-*, ср. лат. *pre-hendō* "хватаю" (Pedersen, 1900). Этот вопрос стал предметом ожесточенного спора. Против Х.Педерсона выступили Э.Герман, Э.Чабей, В.Георгиев (Herрман, 1907, с.46-49; Çabej, 1972, с.142-145; Georgiev, 1981, с.41-42), скептически отнеслись к результатам его исследования Ф.Шпехт, Э.Швицер (Шпехт, 1956, с.30; Schwyzer, 1934, с.296), вообще не обращал внимания на исследование Х.Педерсена Е.Курилович, утверждая, что ни в одном индоевропейском языке не встречаются одновременно рефлексы палатальных и лабиовелярных гуттуральных (Kurjłowicz, 1977, с.190). Напротив, Х.Педерсена поддержали Н.Йокль, Г.Ольберг (Jokl, 1937; Ölberg, 1976), приняли результаты его работы В.Пизани, Э.Эванджелисти, Г.Зольта (Пизани, 1956, с. 138-139; Эванджелисти, 1959, с.116; Solta, 1965, с.227-279). Вообще в современной албанистике, кажется, возобладала точка зрения Х.Педерсена (Десницкая, 1966, с.12-13; Mann, 1977, с.25, 33-35; Нерознак, 1982, с.142-143; 145-146): таким образом хорошо объясняется разница в рефлексах индоевропейских гуттуральных в албанском (в *ith, z* и *dh*).

Дж.Бонфанте, а за ним В.Пизани пытались показать, что и в армянском языке палатализации подвергались только лабиовелярные. Например, арм. *ač-k^c* "глаза" < $*ok^u-ī$, ср. греч. *ὄψα* "я увидел" (перфект, 1 л., ед.ч.), лат. *oculus* "глаз"; арм. *çork^c* "четыре" < $*k^u$ etçores, ср. греч. *τέτταρες*, лат. *quattuor* "четыре" (если только арм. *çork^c* не восходит к $*k^u$ tuores (Bonfante, 1937, с.27)); арм. *ǰerm* "горячий" < $*g^uhermos$, ср. греч. *θερμός* то же, но арм. *k^cert^cem* "я режу" < $*ker-$, ср. греч. *κείρω* "стригу" (Bonfante, 1937, с.26-28; Пизани, 1956, с.138-139; Solta, 1965, с.280-282). Но, если принять во

внимание наличие исключений, таких как арм. *hing* "пять" (< *penk^ue), *kin* "жена" (< *g^uēpā) и др., а также то, что Х.Барич пытался доказать обратное, то есть что в армянском палатализировались только велярные (Барич, 1927, с.24), и что Г.Б. Джаукян приводит примеры палатализации как лабиовелярных, так и чистых велярных (Джаукян, 1967, с.165-170; 1982, с.58-60, 213), это мнение покажется не очень убедительным. Правда, Дж.Бонфанте указал еще на армянские слова *auj* "змея" и *aucanel* "мазать" (ср. лат. *anguis* "змея" и *unguis* "машу"), в которых он увидел сохранение губного придатка лабиовелярного после его антиципации, как в греческом *αὐχὴν* "шея, затылок" (ср. эол. *ἀιφην* то же), *νύξ* "ночь" (ср. хет. *nekuz* "вечера"), греч. *δνυξ* "ноготь" (ср. лат. *unguis* то же) (Bonfante, 1937, с.25; Solta 1965, с.277). С такой трактовкой этих примеров согласен и Г.Б. Джаукян (Джаукян, 1982, с.43). Но еще Х.Федерсен видел как раз в этих случаях рефлекс древней группы "гуттуральный +ц", где антиципации подвергалось ц, а не губной элемент лабиовелярного (Federsen, 1906, с.408-409). Ненадежны и другие следы губного элемента лабиовелярных в армянском, такие как *ekul* "он проглотил" (аорист 3 л.ед.ч. от *klawem* "я глотаю") - и.-е.

*g^uel-, ср. греч. *βλωμός* "кусоч", *δέλεαρ* "приманка", лат. *gula* "глотка" (Pisani, 1966, с.227; Джаукян, 1967, с.59), арм. *jag*, -и "детеныш, птенец" - и.-е. *g^hāg^uh-, ср. алб. *zog*, *zogu* "птица, птенец" (Джаукян, 1967, с.59). В арм. *ekul* -ul- может являться нерегулярным, но довольно часто встречающимся рефлексом слогового плавного *ǰ*. Реконструировать корень *g^hāg^uh- (Pokorny, 1949-1969, с.409) нет никаких оснований, так как он не представлен в языках группы "кентум", которые могут удостоверить наличие лабиовелярного. К тому же алб. *zog*, скорее всего, родственно греческому *ζῆτη* "юность" (Çabej, 1972, с.139) и, следовательно, восходит к другому корню. Таким образом, считать отражение всех трех рядов гуттуральных в армянском языке бесспорным пока, видимо, нельзя.

Вопросом о сохранении следов лабиовелярных в виде окраски слогового плавного сонанта в древнеиндийском (где $\bar{g} > \bar{u}r/\bar{i}r$, $\bar{g} > \bar{u}r/\bar{i}r$) и балто-славянских языках (где $\bar{g} > \bar{u}r/\bar{i}r$) занимался уже Г.Райхельт. Он показал, что окраска *u* появляется у соната не только после индоевропейских лабиовелярных, но

и после чистых велярных, и сделал вывод, что следов лабиовелярных гуттуральных в языках "сатэм" нет (Reichert, 1922, с.62-64). Как известно, -ir- появляется и после лабиовелярного, ср. др.-инд. girih "гора" - греч. βορέας "северный (горный) ветер", др.-инд. girāti "глотает" - греч. βιβρώσιω "я пожираю", лат. vorō то же. Однако Т.Барроу и О.Семереньи, занявшись рассмотрением этого материала, сделали прямо противоположный вывод - о сохранении следов лабиовелярных в древнеиндийском. Они утверждают, что только после лабиовелярных гуттуральных слоговой плавный выступает в виде -ur- (Barrow, 1857, с.140-143; Семереньи, 1980, с.79-80). При этом им приходится отделять др.-инд.girih от греч. βορέας, др.-инд. girāti от греч. βιβρώσιω, ст.-сл. жьрати и т.д., др.-инд. gurāte "приветствует", gūrtih "похвала" от gir "хвала, песнь". Думается, для этого все же нет достаточных оснований.

Возможно, что следы лабиовелярных наряду со следами палатальных имеются во фригийском языке (Джаукян, 1977, с.214).

Наконец, О.Семереньи вслед за А.Вайяном, говорящим и о балтийских языках (Vaillant, 1950, с.171-172), хочет видеть следы лабиовелярных даже в славянских языках. Здесь также речь идет о различной окраске слоговых сонантов (*ŕ > i/ur и т.д.). Так, в ст.-сл. г ѣ н а т и (ср. хет. kunanzi "они ударяют", греч. θεῖνω "бью") "ъ (й) может быть интерпретирован только как рефлекс лабиального элемента индоевропейского лабиовелярного звука" (Семереньи, 1980, с.80). Но, как известно, в славянских и балтийских языках u-окраска рефлекса слогового сонанта появляется после всяких согласных, а не только соответствующих индоевропейским лабиовелярным (Чекман, 1976, с.21).

Как видно, не все приведенные выше примеры сохранения следов лабиовелярных в языках "сатэм" равноценны. Относительно надежными кажутся данные албанского языка. Значительно более спорны выводы о следах лабиовелярных в армянском, древнеиндийском, славянских и балтийских языках. Но, если учесть, что, согласно данным типологии, лабиовелярные звуки имеют тенденцию исчезать почти бесследно, переходя в чистые велярные (Эдельман, 1973, с.544-546), придется согласиться с тем, что первый контраргумент против теории трех рядов индоевропейских гуттуральных в некоторой степени утратил свою силу.

Следует отвести и иногда встречающееся утверждение о не-

обычности (и даже невозможности) тройного противопоставления: $\hat{k}-k-k^h$ (Kurşowicz, 1971, с.33). Данные типологии показывают, что такое явление не редкость (Трубецкой, 1960, с.156-157; Климов, 1965, с.29; Allen, 1978, с.90) и встречается даже в одном из живых индоевропейских языков (Эдельман, 1966, с.15-17). Этим аргументом снимается и второе возражение - о неясности фонетической природы палатальных.

Третье возражение приводится чаще всего сторонниками концепции Г.Хирта. По их мнению, депалатализация палатальных гуттуральных в языках группы "кентум", предполагаемая теорией трех рядов (например, Karstien, 1936, с.302-305), противоречит фонетическому закону, сформулированному Л.Аве, согласно которому "chaque son peut descendre, aucun monter" (Navet, 1875, с.268; Георгиев, 1932, с.4) - "каждый звук может опуститься, ни один не может подняться", то есть гуттуральный может палатализоваться, но палатализованный гуттуральный депалатализоваться уже не может, он может только перейти в спирант. В самом деле, снова обратившись к данным типологии, можно увидеть, что если бесследное исчезновение губного придатка лабиовелярных является вполне обычным делом, то, напротив, "рефлексы палатализованных фонем, как правило, характеризуются сохранением палатального, то есть среднеязычного, фокуса. У "гуттуральных" это выявляется часто и продвижением основной артикуляции вперед. Поэтому, когда они уже выпадают из заднеязычного ряда, их рефлексы прослеживаются весьма четко в виде аффрикат или продвинутых вперед шелевых" (Эдельман, 1973, с.543). Тогда отсутствие таких рефлексов палатальных в области языков "кентум" действительно становится серьезным возражением против теории трех рядов индоевропейских гуттуральных. Здесь, однако, требуется небольшое отступление.

Некоторые лингвисты считают, что отдельные языки группы "кентум" различают рефлексы палатального и велярного рядов. Это относится к греческому, латинскому, анатолийским и тохарским языкам.

Многие исследователи, такие как К.Бругман, Ж.Мансьон, Х.Пердерсен, А.Вальде, В.Пизани, И.М.Тронский, Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов, считали, что в греческом и латинском языках палатальный $\hat{k}$ и велярный k различаются в позиции перед $\check{d}$. Счи-

тается, что, в то время как группа "палатальный + $\underset{\sim}{\text{u}}$ " ($\underset{\sim}{\text{ku}}$) совпадает с лабиовелярным согласным (ср. греч. $\theta\eta\rho$ "зверь", лат. *ferus* то же с и.-е. * $\text{gh}_2\text{-}$ (ст.-сл. з в Ъ р ь) и греч. $\theta\epsilon\lambda\nu\omega$ "быть", лат. *offendō* "ударяю" с и.-е. * $\text{g}^{\text{h}}\text{-}$ (ст.-сл. жнх , гънати), греч. $\acute{\iota}\pi\lambda\omicron\varsigma$ "лошадь", лат. *equus* то же с и.-е. * -ku- (др.-инд. *ásvah* "лошадь") и греч. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ "оставляю", лат. *linquō* то же с и.-е. * $\text{-k}^{\text{h}}\text{-}$ (ст.-сл. отъ-л Ъ к ь "остаток")), группа "велярный + $\underset{\sim}{\text{u}}$ " ($\underset{\sim}{\text{ku}}$) дает в начале слова в греческом и- , в латинском v- (Wiedemann, 1892; Brugmann 1897, с.313; 1900, с.43; Mansion, 1904, с.26, 31-32, 211-212; Pedersen, 1907-1908, с.354; Walde, 1910, с.391; 1916, с.181-182; Pisani, 1933, с.559-561; Иванов, 1958, с.19-20; Тронский, 1967, с.30; Гамкрелидзе, Иванов, 1980^I, с.19).

Рассмотрим сначала греческие примеры.

Греч. $\kappa\alpha\tau\upsilon\beta\omicron\varsigma$ "дым", ср. лит. *kvāras* "дыхание, пар";

греч. $\kappa\omicron\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota\kappa\iota\omega\acute{\nu}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ Нес., $\kappa\acute{\iota}\sigma\sigma\alpha$

"извращенный аппетит во время беременности", ср. лит. *kviešiu* "приглашаю";

греч. $\kappa\acute{\alpha}\lambda\eta$ "конская рысь", ср. др.-прусс. *po-quelbtōn*

"опускающийся на колени", лит. *klūpti* "спотыкаться";

греч. $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ "грудь, лоно, пазуха", ср. др.-исл. *hualf*

"свод, изгиб", нем. *wölben* "изгибаться" (Brugmann, 1900, с.43).

Прежде всего странным было бы различие индоевропейских * k^{h} и * k в греческом перед $\underset{\sim}{\text{u}}$, в то время как в других позициях они полностью совпали. Уже на этом основании многие лингвисты отказывают данному закону в праве на существование (Meillet, 1894, с.291; Persson, 1912, с.125; Sommer, 1914^I с.222; Fraenkel, 1928, с.347; Walde, Hofmann, 1937, с.714). Объяснение, предложенное А.Вальде и принятое В.Пизани, что в группе " ku " $\underset{\sim}{\text{u}}$ (u неслоговое) перешло в w (билабиальный спирант), что и вызвало потом развитие * $\text{kv-} > \text{v-}$ - в латинском и * $\text{kf-} > \text{f-}$ - в греческом (Walde, 1916, с.181; Pisani, 1933, с.561), не удовлетворяет. Почему в этой позиции $\underset{\sim}{\text{u}}$ должно было перейти в спирант, а во всех остальных сохранить свое качество?

Имеются примеры, противоречащие данному звуковому закону.

Греческое $\beta\omicron\sigma\tau\rho\upsilon\chi\omicron\varsigma$ "локон" сопоставляется с др.-в.-нем.

questa "пучок листьев, веник", нем. Quast "кисточка", лат. vespices (мн.ч.) "густой кустарник", др.-инд. *gusṛitāḥ* "переплетенный, запутанный", ст.-сл. г в о з д ь "лес", др.-польск. *gwozd* "горный лес". Корень реконструируется в виде $*gus-$ / $*guos-$ / $*gus-$ (Persson, 1912, с.125; Pokorny, 1949-1969, с.480; Walde, Hofmann 1954, с.772; Frisk, 1960, с.254). Со значительной степенью вероятности можно предположить, что $*g^u-$ $>$ $*gu-$ в греческом, так же как $*g^u-$ $>$ $*gu-$. Тогда прибавляется следующий пример: греч. *ἐπιτόμῃ* "жертвоприношение ста коров", где *-ῃ* из $*guā$ $<$ $*g^uā$, ср. др.-инд. *śatā-gūḥ* "имеющий сто коров" (Brugmann, 1897, с.313; Persson, 1912, с.126; Lejeune, 1972, с.84). Можно привести и пример с глухим веларным. Сравнение лат. *quatiō* "потрясаю" - греч. *πίσσω* "посыпаю" было предложено еще в 1890 году А.Бецценбергером и А.Фиком (Bezzenberger, 1890, с.249; Fick, 1890^I, с.282). Ф.Зольмсен посчитал эту этимологию безупречной (Solmsen, 1895, с.229-300). В дальнейшем др.-в.-нем. *scutten*, нем. *schütteln*, лит. *kuėti* "потрясать, встряхивать" заставили признать в начале корня группу $*ku-$ (Boisacq, 1923, с.749). Сейчас авторы словарей отказываются от сопоставления греч. *πίσσω* - лат. *quatiō*, видимо, из-за их семантического расхождения, так как формальных препятствий для такого сравнения нет, слова совпадают звук в звук. Все же думается, что и семантика тут вполне сопоставима. Речь может идти об обычном семантическом процессе - переносе названия действия на результат, цель или смысл его.

Ср. греч. (F) *εἶδον* - (F) *οἶδα* ("увидел - (и поэтому) знаю");

лат. *mulceō* - *mulgeō* ("поглаживаю - (и тем самым) дою");
 нем. *hauen*, лит. *kauti* - рус. ковать ("бить, рубить - (и тем самым) ковать"), ср. также лат. *cidō* "бью, толку, молочу; кую";

лат. *quatiō* - греч. *πίσσω* ("встряхиваю - (и тем самым) посыпаю").

В качестве параллели можно привести нем. *schütteln* "трясти" и *schütten* "сыпать, насыпать", демонстрирующие такое же развитие семантики, которое произошло в греческом глаголе. Так что сравнение греч. *πίσσω* - лат. *quatiō*, видимо, можно защищать.

С примерами же в пользу перехода и.-е. *k₂ > греч. и- всерьез считаться трудно. Прежде всего, сравнение, долго считавшееся безупречным, утратило свою силу: греч. κίσσα "извращенный аппетит во время беременности" - восходит не к *κίττα, как полагалось на основании сопоставления с κίττα (Solmsen, 1895, с.294-297), а является новообразованием от более древнего κίσα "иметь неестественный аппетит во время беременности", в свою очередь образованного от κίσα "сойка, сойка" (*κίσα, ср. др.-инд. kikiḥ "голубая сойка"), названия птицы, известной своей прожорливостью (Frisk, 1960, с.860; Chantraine, 1968-1980, с.535). В остальных случаях (κίπος, κίβλος, κίβλη) всем прочим попыткам объяснения начального греческого и- из и.-е.*k₂- (Foy, 1899, с.3; Thumb, 1900, с.24; Hirt, 1904-1905, с.388-392; 1905-1906, с.7; Petsson, 1912, с.123-128; Sommer, 1914¹, с.222; 1914², с.82; Allen, 1958, с.130-133) следует предпочесть мнение о диссимилиации *k₂-р > и-п (Solmsen, 1902; Pedersen, 1906, с.440-441; Hermann, 1907, с.52-53; Schwyzer, 1934, с.302; Ambrosini 1956, с.79-81; Frisk, 1960, с.782, 905; Chantraine, 1968-1980, с.495, 559; Lejeune, 1972, с.84). Такая диссимилиация наблюдается и в словах с лабиовелярным (греч. αρτοπόρος "хлебобопек" < *artok^u-por < *artopok^uos, ср. мик. a-to-po-ro, лат. соquō "пеку", рус. пеку), и в словах с группой "палатальный + u" (k₂) (ср. греч. κίφος "приятный, красивый" - лит. švankus "приличный, порядочный" (Schwyzer, 1934, с.302)).

Приходится согласиться с тем, что достаточных оснований для признания разных трактовок групп "палатальный + u" и "велярный + u" в греческом языке нет.

В качестве примеров перехода *k₂- > v- в латинском языке приводились следующие слова:

лат. vannus "веялка", ср. др.-в.-нем. hwennen "махать, веять";

лат. vīs "ты хочешь", in-vītō "приглашаю", in-vītus "нежелающий", ср. лит. (i-) kviečiù "приглашаю";

лат. varor "пар", ср. лит. kvāras "дыхание, пар" (Brugmann, 1897, с.231).

Но эти сопоставления отнюдь не являются единственно возможными. Лат. vannus может быть сопоставлено с лит. vėtau, vėty-

ti "веять" (*vannus* < *uət-no-s) (Persson , 1912, с.526; Walde , Hofmann , 1954, с.731), лат. *vīs* , (in) *vītō* , (in) *vītus* - с др.-инд. *vēti* "наслаждается", *vēṣi* "ты желаешь", *vī-tāh* "желанный", греч. (F) *ἕμαι* "стремлюсь", чеш. *vitati* "приветствовать" (Persson , 1912, с.522; Reichelt , 1922, с.45; Walde , Hofmann , 1938, с.713-714; Ernout , Meillet , 1959-1960, с.740-741), лат. *varor* - с др.-инд. *vāti* "дует", каузатив *vārayati* (**uēr-/*uэр-*) (Persson , 1912, с.527; Reichelt , 1922, с.44-45; Walde , Hofmann , 1954, с.732-733). Таким образом, начальное *v-* в этих словах возводится к индоевропейскому *u-*. Вообще возможность перехода *ku->* лат. *v-* - большинством лингвистов безоговорочно отвергается (Meillet , 1894, с. 291; Sommer , 1914^I, с.222; Leumann , 1977, с.149). В качестве контраргументов можно привести лат. (*son-* , *oc-*) *quīnīscō* , перфект - *quēxī* "склоняюсь, приседаю" (*keuek -/**keuk-*/**кueк-*/**kūk-* "искривлять, сгибать", ср. др.-прусс. *queke* "изогнутый еловый сук" (Persson, 1912, с.527-529; Walde , Hofmann , 1938, с.262)), *quatīō* "потрясаю" (**(s) kuət-* , ср.др.-в.-нем. *scutten* "трясти", лит. *kuṭėti* "сотрясать" (Persson , 1912, с.530; Pokorny , 1949-1969, с.632; Walde , Hofmann , 1954, с.399-400). Наконец, лат. *sāveus* "сыр" (ср. ст.-сл.к в а с ъ) показывает в начале слова не *v-* , а *s-* (правда, тоже непонятное (Leumann , 1977, с.149)).

Итак, все традиционные примеры различения палатальных и велярных гуттуральных перед *u* могут иметь и другую трактовку, которой следует отдать предпочтение ввиду ее регулярности.

О значении работы *Ф.Вуда* "*w* после согласных в индоевропейском" (Wood F. Postconsonantal W in Indo-European // Language monographs, 3, December 1926), где приводятся новые примеры, можно судить по лучшим из них (по мнению В.Пизани (Pisani , 1933, с.560)).

Греч. *κῆμα* "глубокий сон" - белорус. *кімаць* (из *kūmati) "спать", и.-е.**kuom-*/**kūm-* . Однако греч. *κῆμα* хорошо сопоставляется с греч. *κεῖμαι* "лежу" (Brugmann , 1900, с.272), следовательно, начальное *κ-* восходит к и.-е.**k-* , ср. др.-инд. *śete* "лежит". (Если даже вслед за

П.Перссоном предпочтень сопоставление с греч. $\kappa\acute{\alpha}\mu\omega$ "устаю" (Persson, 1912, с.676), то и здесь начальное κ - восходит к и.-е. * k - , ср. др.-инд. $\acute{s}am\acute{n}ite$ "устает, работает" .)

Греч. $\chi\epsilon\rho\upsilon\alpha$ "бедность", $\chi\epsilon\rho\upsilon\acute{\iota}\varsigma$ "бедняк, живущий трудом своих рук" - лат. $vern\acute{o}$ "раб, родившийся и выросший в доме хозяина". В греческом слове выделяется тот же корень, что и в названии руки $\chi\epsilon\rho\iota$ (Frisk, 1970, с. 1089; Chantraine, 1968-1980, с.1254), а значит, начальное χ - восходит к и.-е. * $ǵh$ - , ср. алб. $dor\acute{e}$ "рука".

Лат. $vitrum$ "стекло" - лтш. $kvit\acute{e}t$ "блестеть, сиять". Не говоря о спорности этого сопоставления (Walde, Hofmann 1954, с.805-806), сделанного еще Г.Хиртом (Hirt, 1899, с.290), следует отметить, что и в данном случае перед нами начальное и.-е. * k - , ср. лит. $\acute{s}vit\acute{e}ti$ "сверкать", рус. свет. В латышском слове - "непоследовательная сатемность".

Наконец, греч. $\kappa\eta\theta\acute{\iota}\varsigma$, $\kappa\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ "голосовательная урна, стаканчик для игры в кости", "корзина" Ф.Вуд сопоставил с лат. $v\acute{a}\nu$, $v\acute{a}\nu\upsilon\mu$ "сосуд, посуда". След υ в греческих словах можно увидеть, если только привлечь сюда же греч. $\kappa\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ "чашка", которое само достаточно надежно сопоставляется с $\kappa\acute{\alpha}\theta\alpha\rho$ "дыра, игольное ушко" (сначала вообще "впадина, углубление"). И здесь авест. $v\acute{y}ra$ "дыра", арм. vor "дыра" показывают, что начальное греческое κ - восходит к индоевропейскому палатальному * k - (Frisk, 1970, с.38; Chantraine, 1968-1980, с.593-594).

Итак, даже если принять эти новые примеры, то все они скорее опровергают, чем подтверждают звуковой закон, согласно которому и.-е. * $k\upsilon$ - > греч. κ - , лат. v - Но ни одно из сопоставлений Ф.Вуда не принято этимологическими словарями.

Мнение о сохранении рефлексов палатальных в анатолийских языках перед υ/ϵ также основано на немногочисленных примерах из лувийского, иероглифического лувийского и ликийского языков. В хеттском палатальные и чистые велярные совпали в чистом велярном (Sturtevant, Hahn, 1951, с.55; Kronasser, 1956, с.64-65). Попытки привести примеры спирализации и.-е. * k пе-

ред *u/ɥ* в хеттском не увенчались успехом (Szemerényi, 1976, с.1064-1066). Этому противоречит и хет. *panku-* "весь; собрание", ср. др.-инд. *bahúḥ* "большой, обильный", греч. *παχύς* "толстый"; хет. *zama(n)kur* "борода", ср. др.-инд. *śmaśruḥ* "борода".

Некоторые ученые усматривают особое отражение палатально-го **k̥* перед *u/ɥ* в виде спиранта в иероглифическом лувийском. Примеры следующие: лув. иер. *aśuwa-* "лошадь", ср.др.-инд. *áśvaḥ* то же; лув. иер. *śuwan-* "собака", ср. др.-инд. *śvā* то же; лув. иер. *śurna-* "рог", ср. др.-инд. *śṛṅgam* то же (Иванов, 1958, с. 19; 1963, с.90-91; 1980, с.148-149; 1982, с.34; Gusmani, 1969; Гамкрелидзе, Иванов, 1980^I, с.18; ср. Tischler 1977-1980, с.500-501). Очевидно, что приведенные анатолийские слова имеют явные соответствия в древнеиндийском языке и с полным основанием могут быть признаны заимствованиями. Утверждения о невозможности заимствования названий собаки, лошади, рога опровергаются данными других индоевропейских и неиндоевропейских языков (Szemerényi, 1976, с.1067-1068). Как известно, и коневодству хетты учились у арийцев. Бросается в глаза, что рог, лошадь и собака очень хорошо объединяются в одной картине охоты на лошадях с собаками (Szemerényi, 1976, с.1068). Лучшим аргументом в пользу признания этих слов заимствованиями является как раз невозможность объяснить развитие и.-е. *ku > *śu*, в то время как во всех остальных позициях индоевропейские **k̥* и *k совпали. Фонологическое рассуждение о том, что палатальные в позиции перед *u/ɥ* перешли в спиранты, чтобы избежать совпадения с лабиовелярными (Гамкрелидзе, Иванов, 1980^I, с. 19), не убеждает. В греческом и латинском, как известно, такое совпадение произошло беспрепятственно (как и в других языках группы "кентум"). Так что скорее следует согласиться с теми лингвистами, которые видят в трех названных случаях заимствования из арийского (Kronasser, 1956, с.229; Szemerényi, 1976, с.1068). Странно, что Р.Гусмани, считая влияние арийцев недостаточным для заимствования у них трех слов, именно арийским влиянием объясняет ассимиляцию *k̥* в позиции перед *u* (Gusmani, 1969, с.328-329).

Еще одним свидетельством сохранения рефлексов палатальных в анатолийских языках считается исчезновение звонкого и звонко-

го придыхательного палатального в лувийском и ликийском языках (и.-е. *ǵ(h) > Ø) (Gusmani, 1969, с.313-319; Иванов, 1982, с.33-34). Например, лув. iššari "рука", лик. izre- то же, ср. хет. keššar, греч. χεῖρ, арм. jejn то же - и.-е. *ǵhesr-. Но из тринадцати таких примеров (Џор, 1971, с.2-13) имеется один бесспорный пример на исчезновение чистого веллярного *g(h): лик. sbatra "дочь" < *tbatra < *tuatra < *dhug(h)ə-ter, ср. др.-инд. duhitár-, греч. θυγάτηρ, лит. duktė, ст.-сл. дъщъ то же. Есть пример даже на исчезновение веллярного элемента звонкого лабиовеллярного согласного: лув. иер. wawa - "бык", ср. греч. βοῦς, др.-инд. gáuh то же - и.-е. *g^uou-. Еще в нескольких словах с сомнительной этимологией можно предположить исчезновение чистого веллярного. Кроме того, нет ни одного надежного примера сохранения индоевропейских звонких веллярных и лабиовеллярных в лувийских языках (Џор, 1971, с.16). Все это дает основания утверждать, что спонантизация и исчезновение звонких и звонких придыхательных гуттуральных в лувийских языках происходили независимо от того, к какому ряду индоевропейских гуттуральных относились эти звуки (Џор, 1971, с.14,23).

Поэтому считать отражение всех трех рядов индоевропейских гуттуральных в анатолийских языках несомненным, видимо, несколько преждевременно. Пока для этого достаточных оснований нет. (О ликийском языке см.: Георгиев, 1958^I, с.159-161.)

Э.Эванджелисти попытался доказать, что в тохарских языках в позиции перед е и і звонкий придыхательный палатальный дает ть, в то время как древние веллярные в этой позиции сохраняются, а лабиовеллярные дают с (Эванджелисти, 1959, с.116-118; Solta, 1965, с.277). Таким образом, в тохарских должны различаться рефлексы всех трех рядов гуттуральных, вопреки общему мнению, согласно которому палатальные совпали с простыми веллярными (Краузе, 1959, с.76). Но уже а priori кажется невероятным, чтобы палатальные, причем только звонкие придыхательные, подвергались еще какой-то позиционной палатализации. К тому же гипотезу Э.Эванджелисти вряд ли можно считать доказанной. Весьма скептически отнеслись к ней В.Краузе и В.Томас (Krause, Thomas 1960, с.61). А.ван Виндекенс после тщательного исследования пришел к выводу, что все индоевропейские гуттуральные перед передними гласными трактуются в тохарских языках одинаково

(Windekens , 1969, с.502; 1976, с.85-87).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что особых рефлексов палатальных смычных, отличных от рефлексов велярных, нет ни в одном языке группы "кентум". И тогда невероятность перехода палатальных в велярные становится серьезным возражением против теории трех рядов индоевропейских гуттуральных.

Еще один аргумент против этой теории носит общий характер. Ф.Рибеццо утверждал, что лабиовелярные и палатальные смычные не могут быть такими же первичными, как и чистые велярные, что они должны были возникнуть из чистых велярных. Иначе надо было бы приписать индоевропейскому праязыку "глубокий органический порок" в произношении гуттуральных. Но этого быть не могло, так как перед всеми гласными, перед которыми встречается лабиовелярный, встречается и чистый велярный (Ribezzo ,1903, с.85-86; 1929, с.132). О принципиальной вторичности лабиовелярного и палатального рядов говорил и С.Младенов (Младенов, 1936, с.195). В общем, мнение Ф.Рибеццо и С.Младенова подтверждается данными язгулямского языка (Эдельман, 1973, с.541-542) и кажется вполне естественным. Вопрос только в том, на каком этапе развития индоевропейского праязыка произошло расщепление велярного ряда? Сколько рядов нужно реконструировать для индоевропейского праязыка на основании доступных нам данных? Здесь уже общие рассуждения не помогают.

И, наконец, последнее возражение против теории трех рядов индоевропейских гуттуральных - "непоследовательная сатэмность" (то есть чередование рефлексов $\overset{h}{k}/k$ в словах одного корня) в языках группы "сатэм". С точки зрения теории трех рядов объяснить это чередование трудно. Тем не менее такие попытки неоднократно предпринимались. Их можно сгруппировать следующим образом.

I. Весьма распространенным было мнение о заимствовании языками группы "сатэм" форм с велярным из языков группы "кентум". Чаще всего при этом речь шла о германских заимствованиях в славянских и балтийских языках (Brugmann , 1897, с.547; 1899, с.284-287; Порциг, 1964, с.115; Golab , 1972, с.53-82 и др.). Другой разновидностью этого объяснения является предположение о заимствовании слов из еще не распавшейся на диалекты языковой области "кентум" еще не разошедшимися языками

группы "сатэм" (Kiparski , 1934, с.108),

2. Другим вариантом объяснения фактов чередования $\hat{k}/k$ являлось формулирование фонетических законов, обусловивших депалатализацию палатальных в отдельных языках группы "сатэм". Утверждалось, что $\hat{k} > k$ по соседству со спирантом s (диссимилиация) (Meillet , 1896, с.374; 1902-1905, с.178; 1905-1906, с.243-245), по соседству с губными u , m , v (Fick , 1907, с.343; Solmsen , 1913, с.98; Pisani , 1933, с.563), перед a (в славянских языках), перед твердым r или $r̥$ в балто-славянских, албанском и частично древнеиндийском языках (Agrell, 1918, с.1-58; 1919; 1921, с.21-45; Наир, 1960; Ölberg 1969 и др.). Существует еще и мнение о том, что противопоставление велярных и палатальных нейтрализовалось в раннедревнеиндийском языке в позиции перед дентальным смычным, а также перед s ; в балто-славянском диалектном ареале - перед сонантами r , l (возможно, и другими) и после спиранта s , следы такой же нейтрализации перед сонантами обнаруживаются и в албанском и армянском языках (Гамкрелидзе, Иванов, 1980², с.17-20).

3. Еще одну возможность объяснения чередования $\hat{k}/k$ в балто-славянском ареале предложил В.Н.Чекман. Он выдвинул гипотезу, что слова с рефлексом велярного k на месте ожидаемого рефлекса палатального $\hat{k}$ представляют собой заимствования из некоторого балто-славянского "кентумного" диалекта, вымершего и не оставившего после себя других следов. Поскольку балто-славянские диалекты находились на границе областей "кентум" и "сатэм", появление среди них одного "кентумного" не было невозможным (Чекман, 1974).

4. И.М.Тронский постулировал "некоторую расшатанность оппозиции палатальных и велярных как этап, предшествующий сдвигу палатальных в обеих группах языков. При этом дублеты были неизбежны" (Тронский, 1967, с.26). Потом "в языках "кентум" различие этих рядов дефонологизировалось, и они совпали, а в языках "сатэм" оно было сохранено путем усиления фонетической дифференциации между ними ..." (Тронский, 1967, с.26). Однако трудно понять, почему оппозиция велярных и палатальных стала расшатываться и почему эта расшатанная оппозиция вдруг усилилась в языках "сатэм", а нерасшатанная оппозиция велярных и лабиовелярных исчезла.

5. Трудно согласиться с объяснениями С.Д.Кацнельсона (Кацнельсон, 1958) и Н.Д.Андреева (Андреев, 1973), связывающих решение проблемы чередований $\hat{k}/k$ с применением ларингальной гипотезы.

Предположение С.Д.Кацнельсона о том, что палатальная "профоноема" $\hat{k}$ (эпохи моновокализма) "могла реализоваться либо как $\underline{k}$ 'с нейтральным гласным, либо как $\underline{k}$ с передним гласным" (Кацнельсон, 1958, с.57), откуда потом (с обособлением гласных) и возникает чередование $\hat{k}/k$ в одном корне, находится в противоречии с тем фактом, что как раз перед гласным $\underline{a}$ палатальный $\hat{k}$ выступает очень редко, а перед e - очень часто (Steensland, 1973, с.35-51).

Возведение Н.Д.Андреевым ст.-сл. k a m y , лит. $akmu\tilde{o}$ "камень" к и.-е. xh^w -ek-, а лит. $a\check{s}mu\tilde{o}$ "лезвие", др.-инд. $\acute{a}smā$ "камень, небо" - к и.-е. xh^w -ek- (Андреев, 1973, с.239) ничем не обосновано, кроме стремления автора свести все случаи чередования $\hat{k}/k$ к чередованию суффиксов. Тогда для объяснения случаев типа рус. цвет - свет, город - зород, клонить - (при) слонить всюду надо будет прибегать к реконструкции корневой xh - (в нулевой ступени). Если нужны еще какие-нибудь возражения против этой гипотезы, то можно указать на наблюдение Г.Жюкоа о том, что ни один индоевропейский корень не содержит двух ларингальных (Jusquois, 1956, с.64).

6. Наконец, последнее мнение: факты чередования $\hat{k}/k$ в языках "сатэм" объявляются немногочисленными и допускающими объяснение в каждом отдельном случае (Steensland, 1973, с.102-103).

Чтобы определить справедливость названных точек зрения, необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1) многочисленны ли случаи чередования $\hat{k}/k$;
- 2) ограничиваются ли они только балто-славянским ареалом;
- 3) можно ли объяснить все случаи чередования $\hat{k}/k$ заимствованием;
- 4) соответствуют ли названные во второй группе объяснений фонетические законы действительным условиям, в которых проявляется "непоследовательная сатэмность", и можно ли вообще определить эти условия?

Для ответов на эти вопросы нужно рассмотреть сами примеры

чередования $\hat{k}/k$ в языках группы "сатэм". Чередование это уже неоднократно было предметом лингвистических исследований (Schmidt, 1881, с.114-118, 126-128; Bechtel, 1892, с.372-380; Meillet, 1894, с.297-299; Brugmann, 1897, с.545-547; Zupitza, 1904, с.400-401; Agrell, 1918, с.1-58; 1919; 1921, с.21-45; Hirt, 1927, с.238-240; Георгиев, 1932, с.5-17; Pisanì, 1933, с.563-565; Kiparsky, 1934, с.101-108; Machek, 1935; Specht, 1944, с.317; Vaillant 1950, с.36-38; Иванов, 1958, с.21; Георгиев, 1958¹, с.30-34; Otrębski, 1958, с.332-334; Бернштейн, 1961, с.152-154; Bräuer, 1961, с.169-172; Бурлакова, 1962, с.52; Otrębski, 1963, с.12-13; Shevelov, 1964, с.141-145; Джаукян, 1967, с.185-192; Ölberg, 1969; Pajares, 1971, с.96-101; Дьяконов, 1972, с.5-6; Steensland, 1973, с.101-103; Чекман, 1974; Гамкрелидзе, Иванов, 1980², с.17-19; Georgiev, 1981, с.43-46 и др.). Самые обширные списки примеров представили В.Георгиев (Георгиев, 1932, с.5-17) - 118 и А.Б.Пахарес (Pajares, 1971, с.96-101) - 115. Думается, что если объединить все наиболее надежные примеры, то число их превысит полторы сотни, а может, и больше. Таким образом, сразу можно сделать вывод, что факты чередования $\hat{k}/k$ отнюдь не малочисленны.

Встречается это чередование во всех языках группы "сатэм": арийских, балтийских, славянских, албанском и армянском. Г.Б. Джаукян в своих "Очерках по истории дописьменного периода армянского языка" (Джаукян, 1967, с.185-192) привел 48 слов, где вместо рефлекса индоевропейского палатального встречается рефлекс велярного. Правда, позже (Jəbukyan, 1975, с.35; Джаукян, 1982, с.216) он предположил, что эти слова "являются древнейшими заимствованиями", но доказательств не привел. Заимствованиями такую массу отклонений объяснить трудно. Странной кажется картина, когда есть "кентумные" заимствования в языках "сатэм", но нет "сатэмных" в языках "кентум". Часто слова с велярным k вместо рефлекса палатального $\hat{k}$ имеют вполне исконный вид и относятся к тому слою лексики, который обычно не заимствуется. Станным было бы и заимствование дублетных слов. Поэтому гипотеза о заимствованиях была подвергнута справедливой критике (Георгиев, 1958¹, с.31-34; Бернштейн, 1961, с.152-154; Чекман, 1974, с.132-133).

Видимо, не удовлетворяет и гипотеза В.Н.Чекмана, которая,

во-первых, не может объяснить чередования $\hat{k}/k$ в арийских, албанском и армянском языках. Во-вторых, в "кентумном" диалекте должны были существовать лабиовелярные звуки. Их следов в балто-славянских языках не наблюдается. Наконец, в-третьих, сам автор гипотезы говорит, что, пытаясь объявить какие-либо балто-славянские особенности результатом влияния иллирийского, венецкого и мессапского языков, "мы неизбежно попадаем в неприятную ситуацию, объясняя непонятное с помощью гораздо более непонятного" (Чекман, 1974, с.132). Что же тогда следует сказать о попытке объяснения влиянием того диалекта, о котором даже неизвестно, существовал ли он вообще?

Вопросом, можно ли выявить фонетические условия "депалатализации" $\hat{k}$, задавались многие лингвисты. Делались наблюдения, формулировались звуковые законы, но всегда находились примеры, противоречащие этим законам. Наконец, как же объяснять нередкие дублетные формы, где выступают рефлексы велярного k и палатального $\hat{k}$, а фонетические условия абсолютно одинаковы (ст.-сл. клонити - слонити, цвѣтъ - свѣтъ, рус. город - зоруд, брокать - бросать, лит. акмуо "камень" - аѣмуо "лезвие", др.-инд. kr̥nāti "ранит, убивает" - śr̥nāti "разбивает, разламывает" и т.д.)? Объявить переход $\hat{k} > k$ спорадическим (Pisani, 1933, с.564) - значит только признать неразрешимость проблемы. Можно сделать вывод, что чередование $\hat{k}/k$ - довольно распространенное явление во всех языках группы "сатэм" и не может быть объяснено как результат депалатализации $\hat{k}$ в определенных фонетических условиях.

Итак, отсутствие следов палатальных в языках "кентум" и редкое чередование $\hat{k}/k$ в языках "сатэм" заставляет серьезно сомневаться в истинности теории трех рядов индоевропейских гуттуральных. Что же можно ей противопоставить?

Ранняя точка зрения А.Мейе основана на отрицании велярного ряда. В общеиндоевропейском были ряды $*\hat{k}$ и $*k^u$ (палатальный и лабиовелярный). Соответствие лат. с-др.-инд. k , заставлявшее реконструировать индоевропейское $*k$, было, по его мнению, позиционно обусловленным. А именно $*\hat{k}$ в языках восточной группы ("сатэм") в позиции перед g , a , после v , u переходило в $*k$ (Meillet, 1908, с.65-66). В дальнейшем А.Мейе отказался от этой своей гипотезы и присоединился к мнению Г.Хирта

(Мейе, 1938, с.119-120).

В 1978 году с таким же предложением выступил Ф.Кортландт (Kortlandt, 1978). (Аналогичное мнение еще раньше высказал В. Магнуссон, который, однако, вообще не занимался изучением конкретных примеров, ограничившись лишь рассмотрением дистрибуции согласных в рамках индоевропейского корня (Magnusson, 1967).) Он, опираясь на данные о дистрибуции рядов *k̑ и *k̑̌, собранные Л.Стинсландом (Steensland, 1973, с.33-53), где видно, что именно чистые велярные находятся в отношении дополнительной дистрибуции с другими рядами (*k̑̌ и *k̑̌̌), реконструирует в праиндоевропейском языке два ряда заднеязычных: палатальный (*k̑̌) и лабиовелярный (*k̑̌̌). Фонологическое возражение Е.Куриловича (о невозможности противопоставления двух маркированных фонем при отсутствии немаркированной (Kurçłowicz, 1956, с.356)) опровергается ссылкой на некоторые кавказские (например, убыхский) и американские (например, квакиутл) языки, где, по мнению автора, хорошо засвидетельствовано одновременное присутствие "палатовелярных" и лабиовелярных и отсутствие чистых велярных (Kortlandt, 1978, с.237). Однако аналогия не совсем точна. В квакиутл корреляция лабиализации распространяется на два гуттуральных ряда (передний и задний) (Трубецкой, 1960, с.156), в убыхском языке тембровые корреляции палатализации и лабиализации объединяются в пучок, порождая три близкородственных ряда гуттуральных (и не только гуттуральных) (Трубецкой, 1960, с.156; Климов, 1965, с.29). Известно, что гуттуральный ряд часто может расщепляться на передний и задний ряды или на лабиализованный и нелабиализованный, которые относятся друг к другу как члены одномерной эквиполентной аппозиции (Трубецкой, 1960, с. 146-148), но нет случаев противопоставления переднего и лабиализованного рядов.

Далее, доказательства, приводимые автором в пользу того, что палатальные депалатализались перед сонантами, довольно неубедительны. Ф.Кортландту слишком часто приходится прибегать к действию аналогии, чтобы объяснить, почему в одних и тех же позициях появляется то велярный k̑̌, то палатальный *k̑̌̌. Трудно, например, поверить, чтобы в ст.-сл. сьрна *k̑̌̌- было восстановлено под влиянием форм типа лат. cervus "олень", греч. κερῶς "рогатый" с закономерным *k̑̌̌̌- (Kortlandt, 1978,

с.239), в то время как в славянском имеется ст.-сл. к р а в а, рус. корова (< *korvā) с чистым велярным *k-. Кроме того, как объяснять тогда случаи появления велярного k в положении, где твердого сонанта перед ним вообще никогда не было, например, ст.-сл. к о с а - др.-инд. śasati "режет"; ст.-сл. л о у ч ь - др.-инд. ruśant- "яркий, светлый"; ст.-сл. ко ш о р а "битва, распря" - др.-инд. śatrah "враг"; рус. диал. брокать - рус. бросать; рус. гадать, польск. gadać "говорить", лит. godóti "думать" - лит. žódis "слово", žādas "речь, слово"; рус. копыто - др.-инд. śarphāḥ "копыто"; рус. могу, лит. magėti "привиться" - др.-прусск. massi "могу", др.-инд. mah-, авест. maz- "великий"; рус. лежать, лёг - др.-прусск. lasinna "уложить", lasto "кровать"; др.-инд. rikhāti "царапает" - riśati "рвет, царапает"; др.-инд. rogaḥ "болезнь", rujati "ломает, разбивает" - лит. laužti "ломать"; арм. lūcanel "рвать, ломать" и т.д. Поэтому думается, что Ф.Кортландт не намного усилил раннюю точку зрения А.Мейе.

О.С.Широков, считая, что соответствие k ("кентум") - k ("сатэм") обязано переходу *k^h > k в "кентумных" языках (по соседству с гласным) (Широков, 1981, с.32), также реконструирует два ряда заднеязычных в общеиндоевропейском: "более передний" и "более задний", которые затем продвинулись вперед в языках "сатэм", дав k̥ и k. В языках "кентум" эти ряды как бы продвинулись назад, благодаря дополнительному удлинению ротового резонатора с помощью округления губ, дав ряды k̥ и k^h (Широков, 1981, с.30-35). Так как передний и задний ряды находились бы друг с другом в отношении одномерной эквиполентной оппозиции (Трубецкой, 1960, с.146-148), то фонологическое возражение Е.Куриловича о невозможности реконструкции *k̥-*k^h (Kurjłowicz, 1956, с.356) сюда не относится. Но как быть с соответствиями типа лат. с - др.-инд. k? Утверждение автора, что лишь "непоследовательно (спорадически) "кентомным" велярным... соответствуют "сатэмные" велярные" (Широков, 1981, с.31), находится в некотором противоречии с тем фактом, что чистый велярный k встречается в индоевропейских корнях гораздо чаще, чем k̥ и k^h: в 9,5% корней в начальной позиции (k̥ - 4,7%, k^h - 0,9%) и в 1,5% в конце корня (k̥ - 1,1%, k^h - 0,5%) (Jacquois, 1966, с.60; Туманян, 1978, с.35). Кроме того, недостаточно утверждать,

что соответствие к ("кентум") - к ("сатэм") в греч. κρέ(φ)ας "мясо"; лат. sanguis "кровь" - др.-инд. kṛavīḥ "сырое мясо", ст.-сл. к р ъ в ъ обусловлено соседством звука и/у. Тогда надо объяснить, почему нет такого же перехода лабиовелярного в чистый велярный в словах греч. βοῦς "корова, бык", лат. bōs - др.-инд. gáuh то же, ст.-сл. г о в а д о; греч. (φ)ῑπος "слово" - др.-инд. vasaḥ то же и т.п. Очевидно, что сделать это сколько-нибудь последовательно и правдоподобно не представляется возможным. Кроме того, нейтрализация противопоставления $\hat{k}$ и k^u в позиции рядом с u показывала бы маркированный характер фонемы k^u , что делало бы эту оппозицию привативной, а не эквиолентной (Трубецкой, 1960, с.91-93). В этом случае возражение Е.Куриловича вновь вступает в силу.

Таким образом, восстановление в праиндоевропейском двух рядов гуттуральных $\hat{k}$ и k^u , видимо, наталкивается на серьезные затруднения.

Следующая гипотеза, выдвинутая Г.Хиртом, была поддержана и развита В.Георгиевым и А.Мейе. Она исходит из первичности противопоставления велярного и лабиовелярного рядов ($k-k^u$). Палатальные возникли благодаря палатализации велярных в определенных позициях (перед $e, i, \underline{i}$, а также перед группой "сонант + гласный переднего ряда") в языках группы "сатэм". В дальнейшем под влиянием аналогии палатальные проникали в позиции перед непередними гласными и перед согласными, а велярные - в позиции перед передними гласными. Гипотеза эта привлекает своей простотой и правдоподобием, ведь палатализация заднеязычных - очень распространенное явление (Shields, 1981, с.206-207). Но и здесь существует ряд возражений.

1. Слишком большая роль отводится аналогическим процессам, ведь рефлексы $*\hat{k}$ и $*k$ встречаются во всяких позициях (Тронский, 1967, с.32; Чекман, 1974, с.130-131).

2. Приводится ряд слов, где появление палатального невозможно объяснить палатализацией велярного перед $e, i, \underline{i}$ или действием аналогии (Kurylowicz, 1956, с.357-358).

3. Палатализованные велярные могли быть только комбинаторными вариантами, аллофонами велярных, но невозможно объяснить, почему они стали самостоятельными фонемами - палатальными (Kurylowicz, 1962, с.109-110; 1971, с.34).

На первое возражение можно ответить, что так называемая "первая палатализация" (Георгиев, 1968¹, с.37; Джаукян, 1962, с.54) должна была бы относиться к очень отдаленной эпохе, а в бесписьменных языках, как известно, различные звуковые изменения происходят гораздо активнее, чем в письменных. Поэтому отсутствие дополнительного распределения между рефлексами *k̄ и *k в языках "сатэм" нельзя считать основательным возражением против гипотезы Г.Хирта (если бы это распределение было, то *k̄ и *k не были бы самостоятельными фонемами), а многочисленные аналогические изменения кажутся вполне правдоподобными (Савченко, 1974, с.66-68). Однако кое-какое распределение между *k̄ и *k все же прослеживается: ряд *k̄ очень часто выступает перед а и почти не встречается перед гласными е, і. Напротив, ряд k̄ почти не встречается перед а, но очень часто выступает перед е, і (Георгиев, 1963, с.16; Steensland, 1973, с.33-53; Georgiev, 1981, с.52). Наконец, нельзя не учитывать того, что мы знаем довольно небольшую часть словаря индоевропейского языка, что аналогичное воздействие могли оказать формы, исчезнувшие впоследствии. Например, И.М.Тронский считал "совершенно невероятным, чтобы в имени *ek̄nos "конь" палатализация прошла по всей парадигме из-за формы звательного падежа *ek̄ne или прилагательного *ek̄nios..." (Тронский, 1967, с.32). Но очевидно, что имя *ek̄nos не первичное, так как корень не может кончаться на группу -kn-. Следовательно, можно предположить, что *ek̄nos образовано тематизацией от основы *eku-, может быть, засвидетельствованной в другой аблаутной ступени в прилагательном *ōku- греч. ὄμις "быстрый", др.-инд. āśúh то же (Vanicek, 1881, с.6; Fick, 1890², с.8-9). В этом имени вычленяется суффикс -u-, чередующийся с -eu- (Brugmann, 1900, с.184), например ὄκτες (N.pl.), ср. греч. ὄμέ(φ)ες "быстрые", др.-инд. āśavaḥ то же. Здесь-то, возможно, и кроется причина палатализации.

В.Н.Чекман считает, что "выравниванию по аналогии в рамках парадигмы подвергается не начало корня, как это допускает Георгиев, а конец корня или основы, ср., например, ст.-слав. р ꙗ ка - р ꙗ ц ѣ, рус. рука - руке и под." (Чекман, 1974, с.130-131). Это понятно, так как именно в конце корня согласный находится в разных позициях. Но с большой долей вероятности можно допустить, что чередование е/о (аблаут) в эпоху "первой

палатализации" было еще живым процессом и связь слов с огласовкой е и о хорошо осознавалась носителями языка, что и вызывало "унификацию раздвоенного корня" (Георгиев, 1958^I, с.41).

На возражения Е.Куриловича, основанные на обращении к отдельным примерам, отвечает В.Георгиев (Георгиев, 1958^I, с.44-50). В основном это слова, где палатальный звук выступает перед непередним гласным (*eǵhō(m), *k(u)uon-, *ekuos), перед слоговым носовым (*dekū, *kpto-), перед согласным (*oktō(u)), и слова, содержащие группу *-ks- (*kseī-, *deksi/o-, *tekson-, *kso-, *sueks) (Kuryłowicz , 1956, с.357-358). Однако примеры эти не могут ни опровергнуть, ни подтвердить гипотезу Г.Хирта - В.Георгиева, так как сама их трактовка затруднительна. Ведь мы не знаем, как произносились слоговые сонанты в индоевропейском праязыке в эпоху "первой палатализации"; возможно, что с призвук переднего гласного (Георгиев, 1958^I, с.46), возможно, и нет. Мы можем допустить синкопу в слове *oktō(u) < *okitō(u) в индоевропейском праязыке эпохи распада на диалекты (Szemerényi 1964, с.400), но доказать ее нельзя, как нельзя и опровергнуть. Вопрос о трактовке группы -ks- в языках "сатэм" также остается спорным (Brugmann , 1897, с.561,579; Барйћ , 1927, с.58-61; Георгиев, 1932, с.36-41; Pisani , 1933, с.552-559; Георгиев , 1958^I, с.48-50; Bräuer , 1961, с.172; Shevelov , 1964, с. 141; Барроу, 1976, с.88-89). Так что, если согласиться с гипотезой о первичности противопоставления *k-*k^h , эти примеры можно объяснить. Но можно их объяснить, и не соглашаясь с этой гипотезой. Таким образом, решающей роли это возражение играть не может.

Остается последнее, самое серьезное возражение, выдвинутое Е.Куриловичем. Суть его в том, что палатализованные могли сколько угодно возникать перед гласными переднего ряда, но от этого они еще не становились самостоятельными фонемами (палатальными). Отнести превращение комбинаторных вариантов k в самостоятельную фонему на счет возникшего индоевропейского аблаута значило бы приписать фонему k̄ всему общеиндоевропейскому праязыку (Kuryłowicz , 1962, с.110). Мнение А.Н.Савченко о том, что благодаря выравниванию по аналогии палатализованные попадали в положение перед гласными заднего ряда и перед согласными, тем самым переставая зависеть от позиции (Савченко, 1974, с.66) ,

ошибочно. Дело в том, что именно "недопустимость аллофона перед гласным заднего ряда и согласным препятствует его морфологическому введению как раз в это окружение" (Kuryłowicz, 1971, с.34). Пока $\hat{k}$ остается комбинаторным вариантом фонемы k , между ними не может быть никаких выравниваний по аналогии. Между тем именно эту ошибку допускали В.Георгиев, В.Леман, Л.Стинланд, предполагавшие выравнивание по аналогии как стадию, предшествующую фонологизации $\hat{k}$ (Lehmann, 1952, с.100-102; Георгиев, 1958^I, с.41-44; Steensland, 1973, с.117).

Тем не менее в принципе объяснить эту фонологизацию было легко, что и сделал А.Б.Пахарес. Он не искал возможности объяснить появление палатализованного перед гласными заднего ряда изменением в вокализме, как это делал В.Леман (Lehmann, 1952, с.101). Напротив, он показал, как мог оказаться велярный перед гласными переднего ряда, что в итоге тоже влечет за собой фонологизацию палатализованного k . Противопоставление, характерное для общиндоевропейского праязыка,

$$\begin{array}{ccc} ke & ki & ko \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} ke & ki & ko \end{array}} \right\} ku \quad kT$$

$$\begin{array}{ccc} k^u e & k^u i & k^u o \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} k^u e & k^u i & k^u o \end{array}} \right\}$$

(где T - любой согласный) переходит в диалектах "сатэм" сначала в противопоставление

$$\begin{array}{ccc} k'e & k'i & ko \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} k'e & k'i & ko \end{array}} \right\} ku \quad kT$$

$$\begin{array}{ccc} k^u e & k^u i & k^u o \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} k^u e & k^u i & k^u o \end{array}} \right\}$$

(где k' - аллофон фонемы k), а после устранения лабиовелярных приобретает следующий вид:

$$\begin{array}{ccc} \hat{k}e & \hat{k}i \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} \hat{k}e & \hat{k}i & k \end{array}} \right\} ko \quad ku \quad kT$$

$$\begin{array}{ccc} ke & ki \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{ccc} ke & ki & k \end{array}} \right\}$$

Таким образом $\hat{k}$ и k оказываются в одинаковых позициях, и $\hat{k}$ становится фонемой (Ражаев, 1971, с.84-95). Еще лучше предположить, что ко времени делабиализации лабиовелярных палатализованные уже перешли в аффрикаты. В этом случае понятно, почему старые $\hat{k}e$ ($< k'e$) и новые ke ($< k^u e$) не совпали в $\hat{k}e$. Уже после этого начали действовать выравнивания по ана-

ред согласным, например $\alpha\mu\nu\acute{o}\varsigma$ "ягненок" < *ag^unos, ср. лат. agnus то же (Leumann, 1938, с.63-64; Szemerényi, 1964, с. 401). И с другой стороны гипотеза Е.Куриловича наталкивается на серьезные возражения. Правда, к ним нельзя отнести широко распространенное мнение о невозможности возникновения лабиовелярных из чистых велярных (Георгиев, 1958^I, с.36; Тронский, 1967, с.29). Данные язгулянского языка говорят обратное (Эдельман, 1973, с.541). Кроме того, Е.Курилович привел пример ирландского языка, где лабиовелярные вторично возникли из велярных перед гласными переднего ряда (Kuryłowicz, 1977, с.196-197). Зато с остальными возражениями спорить трудно. Наиболее подробно изложил их А.Б.Пахарев (Pajares, 1971, с.72-73).

Во-первых, эта гипотеза предполагает депалатализацию $\hat{k} > k$ в языках группы "кентум", что противоречит общей тенденции к к палатализации, $\hat{k}$ - к аффрикатизации.

Во-вторых, с некоторой долей вероятности следы лабиовелярных обнаруживаются в албанском языке.

В-третьих, с точки зрения Е.Куриловича нельзя объяснить чередование $\hat{k}/k$ в языках группы "сатэм", отрицать которое невозможно.

В-четвертых, гипотеза Е.Куриловича не согласуется с выводами ареальной лингвистики, поскольку предполагает общую инновацию у находящихся на окраинах индоевропейской зоны и географически разделенных на восточные и западные языков группы "кентум".

В-пятых, более вероятно, что исходными были те тенденции, которые действуют и в историческую эпоху: тенденция велярных к палатализации, а лабиовелярных - к делабиализации.

Думается, что этих аргументов достаточно, чтобы усомниться в надежности гипотезы Е.Куриловича.

И, наконец, последняя возможность - гипотеза об одном исконном ряде индоевропейских гуттуральных. Точки зрения сторонников этой гипотезы весьма различны. Ф.Шпехт ограничивается демонстрацией многочисленных чередований гуттуральных разных рядов в родственных словах и утверждением, что для ранней индоевропейской эпохи надо реконструировать лишь один ряд гуттуральных, который затем расщепился по неизвестным причинам (Specht, 1944, с.316-317).

Гипотеза Я.Сафаревича удивительным образом сочетает в себе все, что можно сказать о гуттуральных. Первоначально единый веллярный ряд k предстает в виде чистого веллярного в сочетаниях ka , ko , ku и в виде комбинаторного варианта $\hat{k}$ в сочетаниях $\hat{k}e$, $\hat{k}i$. Затем $\hat{k}$, оказываясь наряду с k в позиции перед слоговыми сонантами, получает статус фонемы i , благодаря аблауту $e:o$: нуль, распространяется в позиции перед a, o, u . В позиции перед e, i в качестве непалатальной оппозиции k $\hat{k}$ стал выступать звук k^u , комбинаторный вариант фонемы k . Возникшее противопоставление выражается схемой

ka .	ko	ku	k^ue	k^ui
$\hat{k}a$	$\hat{k}o$	$\hat{k}u$	$\hat{k}e$	$\hat{k}i$

В дальнейшем, в согласии с гипотезой Е.Куриловича, языки группы "сатэм" сохранили противопоставление $k-\hat{k}$, утратив комбинаторный вариант k^u , а языки группы "кентум" сменили противопоставление "палатальный - непалатальный" на противопоставление "лабиализованный - нелабиализованный" (Safarewicz, 1945, с.37). Это, очевидно, только схема. "Остается доказать, - как писал В.Пизани, - что первоначально существовал только один веллярный ряд" (Пизани, 1956, с.139). У этой схемы есть свои преимущества. Так, она позволяет реконструировать в общеиндоевропейском языке три ряда гуттуральных (на позднем этапе), что очень удобно, причем без трудностей, которые были связаны с чередованием $\hat{k}/k$ в языках "сатэм". К числу слабостей гипотезы Я.Сафаревича следует отнести, во-первых, допущение депалатализации $\hat{k}$ в языках "кентум". Во-вторых, общая инновация предполагается в языках группы "кентум", расположенных на окраинах индоевропейской зоны и к тому же разделенных географически на восточные и западные. В-третьих, непонятно, почему $\hat{k}$ и k равно могли выступать перед слоговыми сонантами (перед твердым r должен был бы появиться k , перед мягким $\hat{k}$, по-прежнему оставаясь комбинаторным вариантом фонемы k). Все это заставляет весьма сдержанно отнестись к гипотезе Я.Сафаревича. Сторонников у этой гипотезы не было (правда, С.В.Бернштейн в своем "Очерке сравнительной грамматики славянских языков" ссылается на Я.Сафаревича (Бернштейн, 1961, с.152), но цитирует лишь то, что является у Я.Сафаревича общим с Г.Хиртом, В.Георгиевым и др. - ряд $\hat{k}$ пер-

воначально возник из велярных перед гласными переднего ряда).

В.М.Иллич-Свитыч ставил возникновение трех рядов гуттуральных из одного в зависимость от последующего гласного, причем решал эту проблему на основе ностратической гипотезы. По его мнению, индоевропейские лабиализованные гуттуральные возникали в позиции перед лабиализованными гласными, палатализованные - перед нелабиализованными гласными переднего ряда, чистые велярные - перед нелабиализованным гласным заднего ряда а. Подкрепляется это положение сопоставлением с уральскими и алтайскими соответствиями (Иллич-Свитыч, 1964). Не говоря о возражениях, которые могут быть приведены против ностратической гипотезы в таком ее виде, следует отметить, что, даже если согласиться с предложенным объяснением, в индоевропейском языке восстанавливаются те самые три ряда гуттуральных, которые можно получить и не прибегая к "данным внешнего сравнения", со всеми вытекающими отсюда трудностями.

Ф.Рибеццо, который, вслед за Г.Асколи, последовательно отстаивал гипотезу об одном исконном ряде гуттуральных, в отношении происхождения палатальных присоединился к Г.Хирту (Ribezzo 1903, с.47), как и Я.Отрембский и О.Семереньи. Лабиовелярные звуки Ф.Рибеццо возводил к группе "гуттуральный + ц", во многих случаях оправдывая появление этого ц так называемым "vau mobile" (Ribezzo, 1903, с.92-98, 105). Некоторые примеры, приведенные Ф.Рибеццо в пользу вторичности лабиовелярных, выглядят довольно внушительно (греч. ἕλαφρος "легкий, подвижный" - ἕλαφος "маленький"; ὄφις "змея" - ἔχις то же; лат. quis "кто?" - др.-инд. kū "где?", kva "где, куда, как?"; греч. βαί-ναι "ходить, идти" - др.-инд. vanar-gūh "бродящий в лесу" и т.д.) (Ribezzo, 1903, с.100-102), но его объяснения ("vau mobile") в принципе не удовлетворяют. В лучшем случае Ф.Рибеццо достиг того, что, по словам А.В.Пахареса, нельзя привести аргументы ни в пользу его гипотезы, ни против нее (Pajares, 1971, с.74). Что касается возражения А.В.Пахареса в невозможности привести фонологические основания для возникновения трех рядов гуттуральных из одного (Pajares, 1971, с.74), то, как известно, "изменение физической природы звука обычно не вызывается собственно языковыми факторами" (Бернштейн, 1961, с.127). Все изменения в языке объяснять системой - значит подме-

нять язык идеальной схемой.

Э.Стертевант, Я.Отрембский, О.Семереньи также возводят лабиовелярные к группе "гуттуральный + ц". Они опираются на примеры, в которых лабиовелярному звуку соответствует чистый велярный с последующим ц (лат. *quis* "кто?" - др.-инд. *kū* "где?"; греч. *κόλος* "ось" - *κύλος* "колесо, круг"; *γυνή* "жена, женщина" - беот. *βυνή* то же и т.д.) (Sturtevant, 1930, с.224-228; Sturtevant, Hahn, 1951, с.38, 55-56; Otrębski, 1963, с.14-15; Szemerényi, 1964, с.401-402; Семереньи, 1980, с.166). Э.Стертевант предположил даже, что в хеттском еще не было лабиовелярных, а были только группы *ku/ku* (Sturtevant, 1930; Sturtevant, Hahn, 1951, с.38, 56; ср.Иванов, 1963, с.82-83). В этом случае, однако, надо предположить, что сонант ц выступал после гуттуральных значительно чаще, чем другие сонанты, и значительно чаще, чем он выступал после прочих смыхных. Чем можно было бы это объяснить, непонятно.

Какое же решение проблемы индоевропейских гуттуральных следует принять? Очевидно, гипотеза Г.Хирта - В.Георгиева наиболее последовательна и меньше других противоречит фактам. Традиционные возражения против этой гипотезы, в общем, не могут ее опровергнуть. Новый тезис в подкрепление теории трех рядов индоевропейских гуттуральных был выдвинут Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс.Ивановым. По их мнению, "постулирование в индоевропейской фонологической системе палатализованного ряда велярных ... становится необходимым и на основании внутренних структурных особенностей построения индоевропейского корня" (Гамкрелидзе Иванов, 1980¹, с.14). Опираясь на положение Э.Бенвениста о том, что один и тот же согласный не встречается в начале и исходе индоевропейского корня (Бенвенист, 1955, с.201), они утверждают, что в пределах индоевропейского корня (и даже основы) не могли встречаться две фонемы, относящиеся к одному и тому же локальному ряду. В противоречии с этим правилом находились бы реконструкции типа *kV̄k-*, поэтому возможны только корни типа *k̄V̄k* или *kV̄k̄-*, такие как **kāk-*, ср. авест. *kasu-* "маленький", нем. *hager* "худой, тощий"; **k̄ek-*, ср. др.-инд. *śaknóti* "может", др.-ирл. *cecht* "власть"; **k̄ak-*, ср. др.-инд. *śākā* "ветвь", лит. *šakė* то же, ст.-сл. *с о х а*; **k̄eko-*, ср. др.-инд. *śāka-* "зелень, овощи", лит. *šėkas* "свежескошенная трава"; **kōk̄ā*, ср. др.-инд.

kākṣā "подмышка", авест. kaṣa - "плечо", лат. соха "бедро"
(Гамкрелидзе, Иванов, 1980^I, с. 15-16).

Но, во-первых, даже если тенденция к избеганию фонем одного локального ряда в пределах корня действительно существовала, она, как и все лингвистические законы, не могла быть постоянной. То есть было время до ее вступления в силу и после окончания ее действия. Ведь индоевропейский язык, как и все языки, развивался. "Невозможно представить себе... чтобы корень на протяжении развития индоевропейской языковой общности, которое длилось по меньшей мере несколько тысячелетий, не испытывал никаких структурных преобразований и всегда оставался неизменным и равным себе," - писал Э.А.Макаев, критикуя как раз статичность теории корня Э.Бенвениста (Макаев, 1970, с.277). Вполне может быть, что процесс распада велярного ряда как-то соотносится с действием тенденции к избеганию фонем одного места образования в пределах корня. Тем более что гуттуральные в индоевропейских словах встречаются гораздо чаще других смычных (в 26% корней в начальной позиции, в 5,4% в конечной. Зубные соответственно в 11,3 и 4,7%, губные - в 14,7 и 3,2% (Jucquois, 1966, с.60, 62; Туманян, 1978, с.35)). Кроме изменений структуры корня, которые могли происходить в ходе развития индоевропейского праязыка, необходимо помнить и о возможных различиях этой структуры, обусловленных принадлежностью слова к определенному стилю речи. Так, для звукоподражательных, детских, экспрессивных слов, как будет показано ниже, характерно как раз повторение одного и того же согласного.

Во-вторых, можно привести примеры, где в корне выступают согласные одного локального ряда:

*membh-, ср. греч. μέμφομαι "браню", гот. bišamþjan "насмехаться, издеваться" (Pokorny, 1949-1969, с.725);

*mēswo-, ср. др.-инд. māmsá- "мясо", лат. membrum "член", гот. mišw "мясо", ст.-сл. м ѣ с о (Pokorny, 1949-1969, с.725);

*ghegh-, ср. арм. gog "полость, утроба, пазуха, живот", др.-исл. gag-hals "с изогнутой шеей", норв. gagr "выгнутый" (Pokorny, 1949-1969, с.424);

*keg-, ср.нем. kaken "кряк", haken "колоть", рус. ко-
готь (Pokorny, 1949-1969, с.533);

*kakubh- , ср. др.-инд. kakúp "верхушка", лат. cacūmen то же (Maurohofer , 1956, с.135);

*kiker- , ср. лат. cicer "горох", арм. sivein то же (Pokorny , 1949-1969, с.598).

Особенно характерна такая структура корня для экспрессивных, детских, звукоподражательных слов. Например:

*kāk- , ср. др.-инд. kākah "ворона", лтш. kākis "галка" (Pokorny , 1949-1969, с.521);

*kik- , ср. др.-инд. kikiḥ, kikiḍivīḥ "голубая сойка", греч. κίσση (*ищя) "сойка, сорока" (Pokorny , 1949-1969, с.598);

*kakka- , ср. греч. κικκω "испражняюсь", лат. cacō то же, арм. k^cakog "навоз", рус. какать (Pokorny , 1949-1969, с.521);

*khakha- , ср. греч. κικκω "хохочу", лат. cachiŋnō то же, др.-инд. kākhati "смеется", ст.-сл. х о х о т ь (Pokorny , 1949-1969, с.634).

Как показывают греч. μάμα, μάμη , лат. mamma , лит. motà , рус. мама, такие слова образуются с помощью редупликации. В этой связи интересно, что уже давно было высказано предположение, что все индоевропейские слова, в которых встречается последовательность k-k или k-k̄, являются словами с удвоением (Hirt , 1927, с.238-239; Otrębski , 1963, с.11-12). Пожалуй, самым ярким примером является сопоставление ст.-сл. с о к о л ь - хет. kalli-kalli - "сокол" (с полной редупликацией) (Otrębski , 1963, с.12; Tischler , 1977-1980, с.466). Таким образом, слова с двумя гуттуральными в корне могли возникать как экспрессивные образования. В дальнейшем, когда экспрессивный характер слова и редупликация перестали ощущаться, могло происходить расподобление одинаковых согласных в пределах корня. Почему расподобление происходило только в сторону k̄, а не k^u? Очевидно, в языках группы "сатэм" в это время как раз происходил процесс фонемизации и распространения палатальных, а лабиовелярные, как раз претерпевали делабиализацию.

Итак, гипотезу Г.Хирта - В.Георгиева и в этом случае можно защищать.

А как же быть с лабиовелярным рядом? Нужно ли его приписывать общеиндоевропейскому праязыку? Как известно, Э.Герман

склонялся к мысли, что надо реконструировать противопоставление $k-\hat{k}$ для языков "сатэм" и $k-k^u$ для языков "кентум". То есть лабиовелярных никогда не было в языках группы "сатэм", а потому для общеиндоевропейского их реконструировать нельзя (Netmann, 1907, с.60). Этому, однако, противоречили бы следы лабиовелярных в албанском, если, конечно, их признать. Но самое главное, что заставляет согласиться с общеиндоевропейским характером лабиовелярных при допущении вторичности палатальных, это то, что звуки, соответствующие лабиовелярным языков "кентум", имеют в языках "сатэм" иную трактовку, чем звуки, которые соответствуют велярным языков "кентум". Если бы в диалектной области "сатэм" исконно существовал только один велярный ряд k , впоследствии из-за палатализации расщепившийся на ряды k и $\hat{k}$, то чем можно было бы объяснить отсутствие палатализации в таких случаях, как лит. penki "пять", др.-инд. pañca то же (ср. греч. πέντε, лат. quinque то же), лит. keturi "четыре", ст.-сл. ч е т ы р е (ср. греч. τέτταρες, лат. quattuor то же) и т.д.? Видимо, надо приписать лабиовелярный ряд общеиндоевропейскому накануне его распада, в отличие от палатального ряда, свойственного только языкам группы "сатэм".

Но надо ли отказываться от мысли о вторичности лабиовелярного ряда по отношению к велярному? В пользу этого предположения говорят, во-первых, данные типологии (Эдельман, 1973, с.541) и общие соображения (Ribezzo, 1903, с. 85-86; 1929, с.132; Младенов, 1936, с.195).

Во-вторых, в языках, где есть корреляция лабиализации, она обычно распространяется не только на гуттуральный ряд, но и на другие локальные ряды смычных и даже спиранты (Трубецкой, 1960, с.155-157; Климов, 1965, с.29; Allen, 1978, с.89-90). Чем же тогда можно объяснить то, что в общеиндоевропейском существовали только лабиовелярные? Очевидно, тем, что противопоставление смычных по лабиализации не было изначально свойственно звуковой системе индоевропейского праязыка, а было поздним нововведением, затронувшим только гуттуральные звуки. Может быть, здесь сказалось влияние какого-нибудь субстрата?

В-третьих, как известно, в хеттском языке лабиовелярные отражаются как k^u перед гласным и k^h перед согласным, а это позволяет предположить в хеттском на месте лабиовелярного еще

группу "k+u" (Sturtevant, Hahn, 1951, с.38; Kronasser, 1956, с.65; Иванов, 1963, с.82-83; 1980, с.149).

Наконец, в-четвертых, в языках группы "кентум" встречается чередование k^u/k (не обусловленное позицией), так называемая "непоследовательная кентумность". Например, лат. torqueō "поворачиваю, вращаю" - греч. ἄτρακτος "веретено"; греч. ὀφθαλμός "глаз" - беоц. βιταλλος то же; греч. μάρπτω "хватаяю" - βράζαι· συλλαβεῖν...Нев. "схватить"; βάλανος "желудь" - лат. galla "чернильный орешек"; греч. βέλφαρ "матка" - др.-в.-нем. kilbur "овцематка"; греч. βέλεαρ "приманка, наживка" - др.-ирл. gelim "пожираю" и т.д. Чередования эти встречаются реже, чем чередования k̄/k в языках "сатэм", но ведь они и восходить должны к гораздо более древней эпохе.

На этих основаниях можно предположить, что в раннем общеиндоевропейском праязыке лабиовелярные возникли из чистых велярных в определенных позициях (перед u и перед слоговым сонантом r, l, w, n). Впоследствии из-за аналогического выравнивания лабиовелярные распространились и на другие позиции, главным образом перед e, o, встречающимися в апофонии, перед i, но не перед a, u. Возможно, потому, что a не чередуется с другими гласными, а сочетание k^u фонетически недопустимо. Разумеется, выравнивание действовало и в другую сторону (и гораздо сильнее). Такой путь возникновения делает понятным отсутствие лабиовелярных в суффиксах: ведь суффиксальные гуттуральные не выступали в позиции перед слоговыми сонантами и довольно редко выступали перед u (что привело к образованию нескольких лабиовелярных "распространителей" корня, но не суффиксов). Понятны и возможные следы лабиовелярных в языках "сатэм", ведь эти звуки возникли еще в едином индоевропейском праязыке. Схема развития индоевропейских рядов гуттуральных будет выглядеть так :

ранний

общеиндоевропейский

$k + u > k^u$

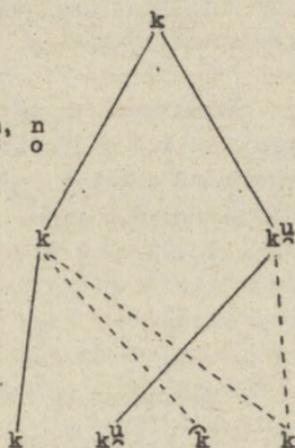
$k > k^u$ перед $\begin{matrix} r, l, m, n \\ o, o, o, o \end{matrix}$

поздний

общеиндоевропей-
ский

языки

"кентум"

$k > \hat{k}$ перед $e, i,$

$\hat{i}$ и группой "со-
нант+е, i"

$k^u > k$

языки

"сатэм"

Таким образом объяснение получают и чередования $\hat{k}/k$ в языках "сатэм" и чередования k^u/k в языках "кентум", менее многочисленные, так как они восходят к гораздо более древней эпохе. Единственное серьезное возражение против этой гипотезы (об одном ряде индоевропейских гуттуральных) выдвинул В.В. Мартынов. Оно заключается в том, что "концепция одного ряда несовместима с регулярностью соответствий веллярный (centum) - сибилант (satəm), лабиовеллярный (centum) - веллярный (satəm), веллярный (centum) - веллярный (satəm) при невозможности соответствия лабиовеллярный (centum) - сибилант (satəm)" (Мартынов, 1968, с.82). Однако если после фонологизации ряда k^u лабиовеллярные аналогическим путем были введены во все родственные формы и прежде всего в позиции перед e, o, i (или наоборот вытеснены из всех форм), то последующая палатализация перед $e, i, \hat{i}$ (в языках "сатэм") должна была затронуть именно те веллярные, которые избежали "лабиализации" (во всех словах одного корня). Но ведь ни одно выравнивание не бывает до конца последовательным. Должны же были остаться какие-то формы с веллярным, соответствующим в других родственных словах лабиовеллярному. Эти веллярные могли потом палатализироваться в языках "сатэм", и тогда следовало бы

ожидать соответствия $\hat{k}$ ("сатэм") - k^u ("кентум"). И такие примеры в самом деле есть. Ср. авест. *zan-* "порождать", арм. *cin* "рождение", греч. $\gammaένος$ "род" (g) - греч. $\gammaυνή$ "женщина", беот. $\betaανῖα$ то же, гот. $qinō$ то же, ст.-сл. *жчена* (g^u); лит. $\dot{z}arūjos$ "пылающие угли", др.-прусс. *sari* "жар" ($\hat{g}h$) - греч. $\thetaερμός$ "горячий", лат. *formus* то же, алб. *zjarr* "жар" ($g^u h$); рус. зеленый, лит. диал. $\dot{z}eĩtas$ "золотой", греч. $\chiόλος$ "желчь", лат. *helvus* "желтый, буланный", ст.-сл. *злъчь* "желчь" ($\hat{g}h$) - лат. *fel* "желчь", *fulvus* "темно-желтый, рыжий", лит. *geĩtas* "желтый", ст.-сл. *жлъть*, *жлъчь* ($g^u h$) и т.д. (Schmidt, 1881, с.129-133; Kretschmer, 1895, с.273; Brugmann, 1897, с.547; Zupitza, 1904, с.403; Георгиевъ, 1932, с.18-29). Разумеется, таких примеров не много, но странно было бы ожидать обратного.

Другое серьезное возражение. Если лабиовелярные являются по происхождению группами $k+u$, то чем можно объяснить сохранение этих групп в языках "сатэм": др.-инд. $\acute{a}svaḥ$ "конь", ст.-сл. *звѣрь*, *квасъ*, лит. *kviečiù* "приглашаю", *kvāras* "пар", $\dot{z}vėrĩs$ "зверь", $\dot{z}vėkė$ "свеча"? Очевидно, объяснение Я.Отрембского о вторичном происхождении этих групп (Отрембски, 1963, с.15) неудовлетворительно, так как к др.-инд. $\acute{a}svaḥ$, ст.-сл. *звѣрь* и т.п. это не относится: у них есть явные "кентумные" соответствия. Указание на палатализацию, которая могла бы помешать утрате лабиального придатка u (когда происходило устранение лабиовелярных, в языках "сатэм" здесь уже было бы не k_u , а $\hat{k}_u$), не спасает положения. Тогда надо было бы ожидать такой же палатализации и в исконных лабиовелярных: $k^u etũges$ дало бы *с в е т ы р е, а не *ч е т ы р е*. Остается сделать вывод, что к моменту распада индоевропейской языковой общности лабиовелярные k^u и группы " $k+u$ " различались в произношении. Совпадение их в языках "кентум" - явление позднейшее (поскольку там лабиовелярные сохранились).

Выходит, что надо отказаться от мысли о вторичности лабиовелярных? Чтобы спасти положение, можно предположить, что сами группы " $k+u$ ", которые мы можем восстановить в индоевропейском языке на основании их рефлексов в языках "сатэм", - явление вторичное, позднее (но общеиндоевропейское). Можно предположить, что слова, содержащие группу "гutturальный $+u$ "

в начале слова, — производные. Индоевропейский корень имел структуру *CVС*, где *с* — любой согласный, в том числе и сонант. В таком случае все корни, начинающиеся с *ku-*, должны восходить к более древним корням типа *keu-*. Ср., например, неоднократные попытки возведения и.-е. **k₁uon-* "собака" к корню **k₁eu-* "пухнуть, набухать; быть сильным; быть беременной" (Vaníček, 1881, с.70; Hirt, 1900, с.102; Walde, Hofmann, 1938, с.153) или к корню **k₁eu-* "светить; светлый" (Sprecht, 1944, с.32, 121-122) и т.д. Более древние группы "гуттуральный + *u*", возникшие, например, в результате изменения типа склонения у некоторых основ на *-u-*, дали лабиовелярные звуки, впоследствии утратившие губной придаток в языках "сатэм", ср. греч. *ἄγγελος* "угорь", лат. *anguis* "змея", *anguilla* "угорь" — лит. *anglìs* "змея", *ungurys* "угорь", рус. *уж* (ужь), *угорь* (угодь). Параллелью к такого рода различиям ранних и поздних групп "гуттуральный + *u*" могли бы служить микенские данные, где индоевропейские группы "*ku*" отражаются знаком лабиовелярного согласного *q*, ср. *i-qo* "лошадь" (греч. *ἵπλος*, др.-инд. *ásvaḥ*), а новые группы, возникшие на морфемном шве, отражаются как *-ku-wo-/-ko-wo*, ср. *te-tu-ko-wo-a₂* (*τετυχῶα*, причастие перфекта от *τεύχω* "делаю, строю") (Szemerényi, 1966, с.29-30; Lejeune, 1972, с.83). Причем некоторые поздние группы "гуттуральный + *u*", видимо, могли совпадать с лабиовелярными в отдельных диалектах, ср. лит. *kviešiu* "приглашаю", но др.-инд. *kétaḥ* "воля, желание", лит. *kvāras* "пар", но рус. *копоть*. А в албанском языке лабиовелярные перед передними гласными и поздние группы "палатальный + *u*" совпали полностью, ср. алб. *sorrë* "ворона" (*k₁č₁erṇā), ст.-сл. *с в р а к а* "сорока" и алб. *pesë* "пять" (*penk₁e); алб. *zë* "голос" (**g₁h₁ono-*), ст.-сл. *з в о н ъ* и алб. *zjarr* "жар" (**g₁hermo-*) (Pedersen, 1900, с.338; Jokl, 1937, с.146; Нерознак, 1982, с.142-143).

Конечно, сами по себе все эти рассуждения не убеждают. Но если удастся показать, что лабиовелярные звуки действительно возникли из велярных в определенных позициях (для чего есть некоторые основания), видимо, приведенное объяснение будет единственно возможным.

Итак, "остается доказать, — как писал В. Пизани, — что первоначально существовал один только велярный ряд" (Пизани, 1966,

с.139). Некоторые ученые, считая вторичное происхождение лабиовелярных в принципе вероятным, полагают, что в настоящее время доказать этот тезис невозможно (Pajares, 1971, с.83). Целью настоящей работы и является рассмотреть рефлекс лабиовелярных в греческом и латинском языках и, используя сравнение с другими индоевропейскими языками, определить, позволяют ли эти данные обоснованно говорить о происхождении лабиовелярного ряда от велярного и, следовательно, о первичности одного ряда чистых велярных.

Глава II. Лабиовелярные в конце корня в греческом и латинском языках

Теперь предстоит рассмотреть слова, содержащие лабиовелярные звуки, и определить отношение этих лабиовелярных к чистым велярным. На каком основании можно делать вывод о том, что перед нами не исконный лабиовелярный звук, а бывшая группа "k_u"? Согласно с предположением о том, что ранние индоевропейские группы "k_u" совпали с лабиовелярными (а вернее, породили их), утратившими губной элемент в языках "сатэм", ждать свидетельств в виде группы "k_u" или "k_u" в "сатэмных" языках не приходится. Остается рассчитывать на обнаружение группы "ku", соответствующей лабиовелярному в языках "кентум" и таким образом косвенно свидетельствующей о том, что этот лабиовелярный происходит из группы "k_u/k_u". Такие следы можно обнаружить и в "кентумных", и в "сатэмных" языках.

Еще одним указанием на неисконность лабиовелярного звука может явиться так называемая "непоследовательная кентумность" — чередование k^u/k, не обусловленное позицией. Словарями такие сопоставления отвергаются как раз из-за их несоответствия теории трех рядов индоевропейских гуттуральных, в крайнем случае допускается чередование распространителей корня. Для следующих сопоставлений различие k и k^u, естественно, не будет препятствием, если в остальном слова будут вполне сравнимы.

Вместе с лабиовелярными будут рассмотрены и группы "гуттуральный + u", во-первых, потому что между ними нет принципиальной разницы, с нашей точки зрения. Во-вторых, в современной индоевропеистике господствует мнение, что греческий язык различал группы "гуттуральный + u" и лабиовелярные звуки тем, что реф-

лексом группы была гемината, ср. *ékъos > греч. ἵππος "лошадь", но *sek^uomai > греч. ἑπομαι "следую". Хотя это явление можно было бы объяснить хронологически, как различие ранних и поздних индоевропейских групп "k^u" (Kurylowicz, 1956, с.358), все же представляется, что факты говорят против данного звукового закона, который имеет гораздо больше исключений, чем подтверждений. Этому вопросу будет посвящено рассмотрение слов с группой "k^u" в греческом языке.

Лабиевелярные в конце и в начале корня будут рассматриваться отдельно в целях систематизации материала.

Итак, лабиевелярные и группы "гutturальный + u" в конце корня в греческом языке.

Греч. ἵππος "лошадь". Группа -k^u- легко восстанавливается, ср. лат. equus "конь", др.-инд. áśvaḥ то же, лит. ašvā "кобыла". Слово является постоянным примером особой трактовки группы "k^u" по сравнению с лабиевелярным k^u (Brugmann, 1897, с.312; Schwyzler, 1934, с.294, 301; Buck, 1942, с.127; Meillet, Vendryès, 1948, с.68; Lejeune, 1972, с.83-84 и мн.др.). Однако как объяснить возникновение геминаты? Предположение о слогоделении *se-k^uetai > ἑταται "он следует", но *ék-ъos > ἵππος "конь" (Hirt, 1927, с.231) кажется неправдоподобным. В этом случае u, скорее всего, просто исчезло бы, может, с заместительным удлинением, ср. арк. ορφοs "граница" - ион. οἴρος то же, арк. κορφα "девушка", мик. ko-wa то же (τ, закрывающее слог, не отмечается) - ион. κοῖρη то же и т.д. Точно так же трактуется в греческом языке группа -du-; бесследно исчезает u в группе "губной + u" (Lejeune, 1972, с.81-82). Единственная параллель -tu- > атт. -ττ- является лишь кажущейся. Достаточно вспомнить, что во всех диалектах, кроме беотийского и аттического, на месте -tu- выступает -σσ- и что в самом аттическом в начале слова tu- > σ-, ср. σέ "тебя" (Асс.) < *tue.

Убедительнее выглядит мнение А.Мейе о том, что смычный в группе "смычный + сонант" в положении между гласными произносился удвоенно: -tr- > ^tt-tr-, ср. μέ^t-τρον, поэтому первый слог этого слова долог в эпической поэзии. Точно так же *ikъos > *i^k-къos > *i^k-pъos > ἵππος (Мейе, 1938, с.152-153). Можно возразить, что "такое слогоделение вызывало бы в письме

хотя бы спорадически удвоенное написание согласного" (мнение И.М.Тронского о подобной гипотезе Е.Куриловича) (Тронский, 1973, с.78). Но главное не это. Вопрос как раз и состоит в том, была ли группа k_{ζ} аналогичной группе kr , tr и т.п. или она уже совпадала с лабиовелярным k^u и, следовательно, не имела никакого отношения к трактовке группы "смычный + сонант". Этот вопрос можно решить, собрав по возможности больше фактов. И прежде всего придется отказаться от $\acute{\iota}\pi\kappa\omicron\varsigma$ в качестве примера перехода $-k_{\zeta}- > -\pi\pi-$, поскольку слово это, по всей вероятности, заимствованное. Дело в том, что начальное $\acute{\iota}-$ вместо ожидаемого $\acute{\epsilon}-$ объяснить по законам исторической фонетики греческого языка невозможно, хотя такие попытки неоднократно предпринимались. А.Мейе предположил следующий путь развития $*ek_1-k^u\omega\varsigma > *eq-q\omega\varsigma > *uq-q\omega\varsigma$ (ассимиляция, как $\nu\upsilon\zeta$ "ночь" $< *nok^u-$, $\delta\upsilon\nu\zeta$ "ноготь" $< *nog^uh-$, $\kappa\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ "круг, колесо" $< *k^u\epsilon k^u\lambda\omicron-$) $> *huq-q\omega\varsigma > *hiq-q\omega\varsigma$ (диссимиляция, как (F) $\acute{\epsilon}\lambda\kappa\omicron\nu$ "я сказал" (аорист) $< *ueuk^uom$) $> \acute{\iota}\pi\kappa\omicron\varsigma$ (Meillet, 1896, с.136-137). Во-первых, слабым местом в построении А.Мейе является переход $e > u$ под влиянием группы k_{ζ} . Примеры, приводимые им, могут иметь и другие объяснения ($\nu\upsilon\zeta < *n^ok^u-$, $\delta\upsilon\nu\zeta < *onogh-$, $\kappa\upsilon\lambda\omicron\varsigma < *k^u\epsilon k^u\lambda\omicron-$ и т.д.), а с другой стороны, можно привести много обратных примеров, когда такого перехода не было ($\acute{\alpha}\mu\phi\iota\kappa\omicron\lambda\omicron\varsigma$, $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\iota\phi$, $\acute{\epsilon}\pi\omicron\varsigma$, $\kappa\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon$, $\delta\phi\acute{\alpha}\varsigma$, $\delta\phi\omicron\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\varsigma$ и т.д.). Во-вторых, после перехода $e > u$ и ζ , вызвавшее этот переход, должно было бы исчезнуть, что видно из примеров: $\nu\upsilon\zeta$, $\delta\upsilon\nu\zeta$ и т.д. Утверждение А.Мейе, что древнее ζ сохраняется в отличие от элемента ϵ в k^u , не спасает дела. Ведь на звук e должно было воздействовать не ζ как таковое, а k^u . Иначе и $\xi\acute{\epsilon}\nu\phi\omicron\varsigma$ "чужеземец" перешло бы в $*\xi\acute{\upsilon}\nu\phi\omicron\varsigma$. Поэтому ζ могло подействовать на e , лишь будучи воспринимаемым как часть единой фонемы k^u и, следовательно, должно было бы исчезнуть. Вообще переход $e > u$, а потом $u > i$ и всё под влиянием одного и того же звука ζ кажется очень неудачительным.

Гипотеза Г.Гюнтерта о том, что переходу в u подвергался не гласный полного образования, а некий редуцированный звук ϵ , представляющий собой редукцию кратких гласных o , a , e , то есть $*\acute{\epsilon}\kappa\omicron\varsigma > *e^u\kappa\omicron\varsigma > *uk\omicron\varsigma > *huk\omicron\varsigma > *hik\omicron\varsigma > \acute{\iota}\pi\kappa\omicron\varsigma$ (Güntert

1916, с.25), кажется неправдоподобной. Какая может быть редукция в ударном слоге, да еще в языке с музыкальным ударением? Если же э унаследовано из праиндоевропейского, то почему в других языках встречается только полная ступень? Другие попытки объяснить начальное ϵ - еще менее убедительны (Brugmann, 1907-1908, с.202; Schwentner, 1927, с.12; Pisani, 1929¹, с.211-214; Grammont, 1948, с.136-138; Deroo, 1951, с.426). Дорийский дублет $\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$, личное имя $\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$ и композиты типа $\alpha\lambda\mu\text{-}\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$, $\alpha\rho\iota\sigma\text{-}\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$, $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\text{-}\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$ (без придыхания!) окончательно запутывают положение. И здесь довольно правдоподобной выглядит гипотеза П.Кречмера о заимствовании слова в греческий из какого-то северо-балканского языка. Он опирается на иллирийские личные имена на $\epsilon\sigma\sigma\omicron$ и $\epsilon\rho\rho\omicron$ с теми же $-kk/pp-$, что и в греческом $\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$ / $\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$. Кроме того, в параллель к чередованию смычных приводятся разные формы пеонийского имени $\lambda\upsilon\mu\iota\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ и $\lambda\upsilon\lambda\mu\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ (Kretschmer, 1896, с.247-249; 1933, с.120-121). Сужение гласного e , имеющее следствием смешение e и i в произношении и написании, свойственно карийскому языку (Откупщиков, 1966, с.29, 31-32), македонскому языку (Kretschmer, 1933, с.121), микенскому диалекту (Дурье, 1957, с.72-75; Chadwick, Baumbach, 1963, с.183). Так как вообще греческому это явление чуждо, его следует признать свидетельством в пользу того, что $\epsilon\kappa\kappa\omicron\varsigma$ - слово заимствованное (Merlingen, 1963, с.47, 68). Что касается придыхания, то в заимствованных словах его возникновение не редкость, ср. карийское имя $\epsilon\beta\rho\iota\epsilon\upsilon\varsigma$, в греческой передаче $\epsilon\beta\rho\iota\epsilon\upsilon\varsigma$ и $\epsilon\beta\rho\iota\epsilon\upsilon\varsigma$, греч. (заимствованное) $\epsilon\upsilon\nu\omicron\varsigma$ и $\epsilon\upsilon\nu\omicron\varsigma$ "муд". С точки зрения культурно-исторической это заимствование тоже может быть оправдано (Kretschmer, 1896, с.248; Sherratt, 1984, с.3). Параллелью к заимствованию названия лошади могут служить нем. *Pferd* "лошадь" (ср. лат. *paravēredus* "почтовая лошадь"), а также, возможно, лув. иер. $\alpha\acute{\upsilon}\omega\omega\alpha$ "конь" (ср. др.-инд. $\acute{a}\acute{s}\nu\acute{a}\eta$ то же) и лик. $esbe-$ то же (ср. иран. $aspa-$ то же) (Szemerényi 1976, с. 1068).

Остается объяснить двойной рефлекс смычного: $-ki$ $-/-$ $-kk$ $-$. Поскольку уже в микенском было i -го, приходится принять, что заимствована была форма с группой $-ku-$ и что дальнейшее развитие этой группы было параллельным в греческом и в языке - источнике заимствования. Интересно, что пеонийское имя $\lambda\upsilon\mu\iota\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ / $\lambda\upsilon\lambda\mu\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ тоже показывает геминату, хотя в этом случае группы

-кү- не было, ср. греч. λῦκος, лат. lupus лит. vilkas "волк". Следовательно, гемината была рефлексом не только групп, но и одиночных согласных. Возможно, она возникла в самом процессе заимствования. Еще одним примером развития лабиовелярного звука в губной в этом языковом ареале (правда, в иной позиции) может служить иллирийское название горы Вота, ср. греч. βορῆας "северный (горный) ветер", рус. гора (Порциг, 1964, с.292-293).

Видимо, мик. i-go уже содержало геминату, не отмечаемую орфографией (Lejeune, 1972, с.83). В дальнейшем, после устранения лабиовелярных и разных ассимиляций, эта гемината приняла вид удвоенного смычного -пл- или -ки -:*(h)ikk^uов > *(h)ikk^o > ^ϕκ - ποσ / ^ϕκιοσ. Видимо, разница в направлении ассимиляции может объясняться экспрессивным характером одного из вариантов - ^ϕκ - ιοσ (Lejeune, 1972, с.83).

Возможно, исконное греческое название лошади *ἔπος, согласно гипотезе Л.Деруа (Derou, 1951, с.425-426), сохранилось в имени собственном Ἐπειός (оздатель троянского коня) (Одиссея, VIII, 493), этнониме Ἐπειοί (эпейцы из Элиды, царем которых был Авгий, знаменитый своими конюшнями, подверглись мстительному набегу Нестора за то, что несправедливо захватили у него четырех кобылиц) (Илиада, XI, 670-705). Возможно, сюда следует добавить и македонское имя Ἐπίλλος, традиционно считающееся негреческим (Нерознак, 1978, с.168), видимо, как раз из-за несходства с греческим ἔπος. Может быть, с названием лошади связано название реки в Киренаике - Ἐπιεός (ср. Ἰππεός эпитет Посейдона) и название сицилийской реки Hipparis/Hissaris (Kretschmer, 1933, с.120).

Все же реконструировать *ek^o - значит остановиться на полпути. Группой -кү-, то есть "смычный + сонант", корень кончатся не может. Если принять давно предложенное сопоставление *ek^o - *k^u (греч. ἄνός "быстрый", др.-инд. āśúḥ то же, ср. Гомер. ἄνεις ἵπποι = вед. āśávas áśvas "быстрые кони") (Vančec, 1881, с.6; Fick, 1890², с.8-9) и выделить суффикс -и/-ү-, корень предстает в виде *ek^o -/*ok^o - и его можно будет объединить с корнем *ak^o - , *ok^o - "острый, резкий, быстрый" и т.д.

Греч. φλίβω "жму, давлю". На основании сопоставления с лат. flīgō "ударяю", лтш. bliēzt, blaižīt "бить", ст.-сл.

б л и з ь, б л и з ь, рус. близ в слове реконструируется группа -g̃u-: *bhlig̃-uō (Pokorny, 1949-1969, с.160-161). Поскольку геминаты -ββ- не возникло, можно считать это слово надежным примером в пользу полного совпадения лабиовелярных и групп "гуттуральный + u" в греческом языке. Без балто-славянских соответствий распознать группу "гуттуральный + u" было бы невозможно, так как лат. flīgō объяснялось бы так же, как лат. fīgō "втыкаю" вместо fīvō то же.

Греч. ἔλαχύς "маленький", ἕλαφρός "легкий", ἑλέγγω "покрываю позором". Эта группа слов неоднократно привлекала внимание лингвистов тем, что при полной формальной и семантической сопоставимости вызывала несколько частных затруднений. Если реконструировать корень в виде *leg^uh- (*leng^uh-), то ἑλέγγω (о семантической связи между ἔλαχύς и ἑλέγγω см. Frisk, 1960, с.487; Chantraine, 1968-1980, с.335) вместо ожидаемого *ἑλέμω вынуждает либо признать аналогическое влияние со стороны ἔλαχύς (Frisk, 1960, с.487; Chantraine, 1968-1980, с.335), что маловероятно, поскольку слова, видимо, рано и значительно разошлись по смыслу, либо развести корни *leng^uh- и *lengh- (Hirt, 1900, с.122; Mansion, 1904, с.45-47), с чем также трудно согласиться. Кроме того, разводятся и корни *leg^uh- и *leng^uh- (Meillet, 1902-1905, с.164-165; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.353; Chantraine, 1968-1980, с.334), но думается, что прав Г.Остгоф, решительно выступивший против разделения корней *leng^uh- и *lengh-, *leg^uh- и *leng^uh- (Osthoff, 1910, с.7-20). Видимо, инфиксация возникла первоначально в глагольных формах (Osthoff, 1910, с.20, 29; Walde, 1910, с.423-424).

Сопоставление с др.-инд. laghúh, raghúh "проворный, легкий, маленький", лит. leĩgvas, lengvùs "легкий" заставляют реконструировать основу на -u: *leg^uhús м.р., *leg^uhūī ж.р. для лат. levis "легкий" (Walde, Hofmann, 1938, с.788), *lg^uhús (или *lŋg^uhús) для греческого ἔλαχύς (Frisk, 1960, с.485; Chantraine, 1968-1980, с.334). Но, с одной стороны, лабиовелярные перед u не встречаются ни в одном из индоевропейских языков, почему восстановление их в этой позиции для общиндоевропейского праязыка выглядит весьма проблематичным (Sturtevant, Nahn, 1951, с.38). С другой стороны, ничто не побуждает отдать предпочтение лабиовелярному перед группой "гуттуральный + u",

напротив, восстановив группу, можно избежать трудностей, связанных с объяснением форм ἑλέγχω, ἑλέγχος "позор" и т.д. Получается следующая картина:

*legh-ú- > др.-инд. laghúh, raghúh;

*lgh-ú- > греч. ἑλαχός, ст.-сл. л ъ г ъ (к ъ) (если др.-инд. laghúh, raghúh, греч. ἑλαχός не восходят к *lgh-ú-);

*legh-ú-i- > лат. levis (ср. греч. βραχύς "короткий" - лат. brevis то же);

*lengh- > греч. ἑλέγχω, др.-инд. lañghati "бежит, течет", авест. rəñjaiti "приводит в движение", др.-в.-нем. gi-lin-gan "идти вперед, удаваться", др.-ирл. lingim "прыгаю", лит. léngti "хиреть", рус. лягать;

*lengh-u- лит. lengvùs (из *lengùs по leñgvas (Osthoff, 1910, с.45));

*lengh-ú-o- > лит. leñgvas, иллир. lembus "легкое судно";

*lgh-ro- > греч. ἑλαφρός вместо *ἑλαχρός (= др.-в.-нем. lungar "быстрый" (Benzelberger, 1890, с.255)) по *ἑλαφός < *ἑλαχός (= лит. leñgvas, правда, с другой огласовкой корня) (Schwyzer, 1934, с.302), если только ἑλαφρός не восходит к *lgh-ú-ro-s с контаминацией суффиксов -ú- и -ro- (Walde, 1910, с.424).

Таким образом, восстановление группы *-ghu- не только не противоречит фактам, но и позволяет объяснить их. Возможность заменить реконструкцию *-g^uhu- на *-ghu- и тем избавиться от неправдоподобного сочетания "лабиовелярный + u", объяснить формы с чистым велярным (греч. ἑλέγχω, ἑλέγχος) побуждает предпочесть это решение (Walde, 1910, с.423-424; Reichelt, 1922, с.47; Schwyzer, 1934, с.302; Kurylowicz, 1935, с.16-17).

Греч. ὄφις "змея", ἔχις "змея, гадюка", ἑχέλευς "угорь", лесб. ἰμβρις "угорь", греч. ἐχῖνος "еж". И эта группа слов, несмотря на очевидное семантическое и формальное родство, представляет значительные трудности. Греческому ἔχις "змея", ἐχῖνος "еж" (собственно "пожиратель змей" (Lohmann, 1935, с.407)), очевидно, соответствует лит. ežys (< *ežijos), ст.-сл. ѣ ж ъ (*ezjov) "еж". В таком случае праформа восстанавливается в виде *eǵhi-.

Греческому ὄφις "змея" соответствуют др.-инд. áhih "змея", авест. ažiš то же, арм. aǰ то же, праформа -*og^uhi-.

Кроме того, греч. ἔγχελος "угорь" напрашивается на сравнение с лат. *anguilla* то же, хотя неясно отношение греческого -γχ- и латинского -ngu-. В свою очередь, *anguilla* нельзя отвести от лат. *anguis* "змея", очевидно, родственного лит. *angis* "змея", рус. *уж*, польск. *wąż* (< *oǵь), др.-в.-нем. *unc* "змея", ср.-ирл. *esc-ung* "угорь", иллир.(?) ἄβεις* ἔχεις Нев. "змéи", лещб. ἰμβηρὶς "угорь", рус. *угорь*, пол. *węgorz* (< *ogorь), лит. *ungurys* (< *angurys (Pettersson, 1921, с.59; Фасмер, 1973, с.146)) "угорь", др.-прусс. *angurgis* "угорь".

Получаются следующие формы: *egh^ui-; *og^uhi-/*eg^uhi- (арм. *իջ* "змея"); *ang^ui-/*ng^ui-; *engh-. Видеть здесь четыре разных корня мешает очевидное сходство значений и форм. Как же можно объединить все эти слова с ē-, e-, o-, an-, ŋ- в начале и -gh-, -g^uh-, -g^u- в конце корня? Видимо, приняв давно предложенную гипотезу о конечной группе -gh_u- (Pedersen, 1906, с.408-409; Pettersson, 1921, с.59; Reichel., 1922, с.46; Schwyzler, 1934, с.302; Sprech, 1937², с.13). В этом случае все разнообразие может быть сведено к двум корням: *egh-/*ogh-и *angh-.

От корня *egh- прибавлением форманта -i- была получена основа *eghi- (греч. ἔχης), причем перед i -gh- в "сатемных" языках палатализовалось (балт. *eži-, слав. *ezi-). От того же корня в другой аблаутной ступени (*ogh-) прибавлением форманта -u- была получена основа *oghu-, видимо, нигде не сохранный. В дальнейшем, возможно под влиянием *eghi-, эта основа вновь была расширена посредством -i- : так возникла форма *oghui- (греч. ὄφης, др.-инд. áhih, , авест. ažiš, арм. auj). Мнение В.Порцига о том, что греч. ὄφης является продуктом скрещения *ng^uis и *oghis (Порциг, 1964, с.298), неубедительно. Во-первых, ἄβεις (< *ng^ueieis, по мнению В.Порцига), скорее всего, слово иллирийское (Frisk, 1960, с.3). Во-вторых, никаких следов ступени *ogh- без распространения -u- ни в одном из индоевропейских языков не обнаруживается. Единственным возражением против возведения греч. ὄφης к *ogh-u-is могло бы служить отсутствие геминаты (*ὄφφης). Но так как гемината в греч. ἱππος (*eik^uos) обязана своим происхождением заимствованию слова, а в исконно греческом φλίβω (*bhliḡ-uō) геминаты не возникло, можно считать, что группы "гutturальный + u" в греческом языке полностью совпали с лабиовелярями, поэтому

развитие *ogh-u-iv > ὄφις является вполне закономерным.

Остаются формы с начальным an-. Здесь можно восстановить корень *angh-, который с распространением -u- дал основу *anghu-, ср. др.-инд. aṁhūh "узкий", гот. aggwis то же, арм. anjuk то же, ст.-сл. ꙗзѣкъ и т.д. Эта основа с присоединением -i- дала *angh-u-i- : лат. anguis "змея (собственно "узкая")", лит. angis, слав. *оѣъ. Отношение др.-инд. aṁhūh - лат. anguis входит в ряд: др.-инд. laghūh "легкий" - лат. levis то же; др.-инд. svādūh "сладкий" - лат. suavis то же, греч. βραχύς "короткий" - лат. brevis то же и т.д. Лит. angis, слав. *оѣъ показывают, что ранняя группа "гutturальный + u" совпала с лабиовелярным и перешла в чистый велярный в языках "сатэм". Возможно, след группы -ghu- еще сохраняется в лит. an-gu-rūs (< *angurūs), др.-прусс. an-gu-rgis. Греческое ἄγχελος "угорь" является, скорее всего, результатом скрещения корней *egh- и *angh- (Chantraine, 1968-1980, с.311).

Итак, необъясненными остаются только ἄβεις "змеи" и лесб. ἰμβήρις "угорь", как кажется, с рефлексом звонкого непридыхательного лабиовелярного. Однако *αβεις, видимо, слово иллирийское и вполне может восходить к *ng^hhis < *ng^huis, ср. νίβα* χιόνα Нев."снег" (Acc. sg.) из *nig^hh-, греч. νίφα "снег" (Acc. sg.) (Frisk, 1960, с.3). А как быть с лесб. ἰμβήρις? Мнение о том, что в греческом придыхательные после носовых переходили в звонкие смычные, например: στρέφω "поворачиваю" - στρόμβος "волчок; вихрь"; τρέφω "уплотняю, сгущаю" - θρόμβος "свернувшаяся масса"; τάφος "изумление" - θάμβος то же; πυθμήν "дно, основание" - κύμβαξ "дно (сосуда)" и т.д. (Osthoff, 1895, с.327; Schwyzer, 1934, с.333; Chantraine, 1968-1980, с.437), опровергается такими примерами, как πενθερός "тесть", πυθάνομαι "вывеждаю, узнаю", τυγχάνω "попадаю, встречаюсь", ἐλέγχω "покрываю позором", ὀμφάλος "пупок", γόμφος "гвоздь", ἄγχελος "угорь" и т.д. Между тем переход индоевропейских звонких придыхательных в звонкие характерен для македонского, иллирийского, фракийского и так называемого "догреческого" языков (Kretschmer, 1933, с.100-102, 119-120; Schwyzer, 1934, с.69-71; Георгиев, 1958^I, с. 90-99), например; иллир. ἰμβήρις* ὀδόντας γομφίους Нев. "коренные зубы" (Acc. pl.) (Frisk, 1960, с.320) = греч. γόμφος "гвозди" (Acc. pl.). Это дает основание считать

лeсб. $\mu\epsilon\rho\lambda\iota\varsigma$ негреческим, заимствованным словом (Merlingen, 1963, с.50, 68) и возводить его к *enghuēris, , форме, очевидно, представляющей собой еще один вариант (наряду с греч. ἔγγελος) скрещения основ *eghi- и *anghui-. И здесь, таким образом, конечный лабиовелярный обязан своим возникновением распространению -u- и восходит к группе "гutturальный + u".

Греч. $\nu\acute{\iota}\zeta\omega$, $\nu\acute{\iota}\pi\tau\omega$ "мою", $\nu\acute{\iota}\pi\tau\rho\nu$ "вода для умывания", $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\iota\phi$, $-\beta\omicron\varsigma$ "вода для омовения рук". Корень *neig^u/*nig^u восстанавливается только на основании данных греческого языка, так как ни др.-ирл.igid "моет", ни др.-в.-нем. nichussa, нем. Nixe "русалка" не указывают на лабиовелярный (Bezzenger, 1890, с.253; Bechtel, 1892, с.356; Osthoff, 1894, с.289-291; Pokorny, 1949-1969, с.761; Lewis, Pedersen, 1961, с.34-35). Однако в греческом существовало и слово ἀνιγρός "тягостный, неприятный", ср. ἀνιγρόν· ἀμάθαρτον...Нес."нечистое", очевидно, относящееся к тому же корню (Bauck, 1882, с.474). Как объяснить чередование -g^u-/-g-? Довольно распространено объяснение, предложенное В.И.Георгиевым и принятое затем Э.Швицером (Георгиев, 1932, с.73-76; Schwyzler, 1934, с.299; Lejeune, 1972, с.52). Суть его в том, что губная трактовка лабиовелярного перед согласным обязана аналогии, а регулярной трактовкой в данном случае была утрата губного придатка, как это произошло, например, в латинском языке. Таким образом, в позиции перед согласным проникали уже губные, а не лабиовелярные звуки. Такой же точки зрения придерживался и Е.Курилович (Kurjłowicz 1935, с.12; 1956, с.359). Однако эта гипотеза наталкивается на серьезные возражения. Во-первых, такие слова, как греч. κρῖσθαι "купить", ἄμνος "ягненок" и т.п., заставляют реконструировать лабиовелярный перед согласным еще в общеиндоевропейском языке (Leumann, 1938, с.63-64; Szemerényi, 1964, с.401). Во-вторых, микенские данные говорят о том, что лабиовелярные перед согласным существовали и в микенском: мик. ke-ni-qe-te-we (kharnik^utēwes "рукомойники"), qi-ri-ja-to (k^uriato "он купил"), qi-si-pe (k^usiphee "мечи") и т.д. (Lejeune, 1958, с.312-313; 1972, с.52; Chadwick, Vaumbach, 1963, с.224-225, 229). Тогда если выравнивание по аналогии и происходило, то задолго до перехода лабиовелярных в губные звуки (Lejeune, 1958, с.312-313). Но дело в том, что основной тезис В.И.Георгиева, обоснование его гипотезы — это тезис о непроизносимости, а следовательно, невозможности со-

четаний типа $k^h t$, должно быть только kt (Георгиев, 1932, с. 72). И здесь микенские данные противоречат этому: сочетания типа $k^h t$, как мы видели, существуют в микенском. Так как группы "лабиовелярный + согласный" были вполне допустимы и в индоевропейском, и в греческом, гипотеза В.И.Георгиева лишается своей основы и должна быть признана неудовлетворительной. Остается единственная возможность объяснить чередование $-g^h-/-g-$: корень $*nig-$, распространенный посредством $-u-$ (чередующегося с $-ro-$, ср. греч. $\nu\epsilon\kappa\rho\varsigma$ "труп, покойник" - $\nu\epsilon\kappa\rho\acute{\varsigma}$ то же, $\kappa\rho\alpha\tau\acute{\iota}\varsigma$ "сильный" - $\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\varsigma}$ то же, $\epsilon\lambda\alpha\chi\upsilon\varsigma$ "маленький" - $\epsilon\lambda\alpha\phi\rho\acute{\varsigma}$ "легкий" и т.д.), дал основу $*nig_u- > *nig_u-$ перед гласным. Чистый велярный в основе $*nig-ro-$ (греч. $\acute{\alpha}\nu\lambda\gamma\rho\acute{\varsigma}$) сохранился, так как слово получило переносное значение.

Греч. $\phi\omicron\iota\beta\omicron\varsigma$ "светлый, сверкающий", $\acute{\alpha}\phi\iota\tau\omicron\tau\acute{\omicron}\nu^*$ $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\theta\alpha\rho\tau\omicron\nu$ ... Нес. "нечистое", $\acute{\alpha}\phi\iota\tau\rho\acute{\varsigma}$ $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\theta\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$ ... Нес. "нечистый" (Fick, 1904, с. 109; Георгиев, 1932, с. 27; Рокотпу, 1949-1969, с. 118, 495). И к этому случаю чередования лабиовелярный - велярный, возможно, будет применимо объяснение, данное относительно $\nu\iota\pi\tau\omega$ - $\acute{\alpha}\nu\lambda\gamma\rho\acute{\varsigma}$, то есть в "непоследовательной кентумности" можно видеть следы бывшей группы $-gu-$.

Греч. $\acute{\iota}\xi$, $\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ "червь, вредитель виноградников", $\acute{\iota}\phi$, $\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ "червь-точильщик, грызущий рог, дерево, вредящий виноградникам" (Schwyzler, 1934, с. 299; Kurylowicz, 1956, с. 359; Lejeune, 1972, с. 52). Поскольку от гипотезы В.И.Георгиева пришлось отказаться, и в этом случае надо видеть две основы от одного корня, одну без распространения, другую - распространенную посредством u .

Греч. $\nu\upsilon\xi$, $\nu\upsilon\kappa\tau\omicron\varsigma$ "ночь". На основании греческого $-u-$ К.Бругман сделал вывод, что прежде в корне был лабиовелярный, под воздействием которого изменил свой тембр корневой гласный (Brugmann, 1897, с. 596). Ни лат. пох. $noctis$ "ночь", ни гот. $nahts$ то же, ни др.-ирл. $innocht$ "has nocte" ("этой ночью") не противоречат этому утверждению, но и не подтверждают его. Только хеттская форма $nekuz$ (Gen. sg.) "вечера", кажется, подтверждает реконструкцию лабиовелярного. Однако можно привести некоторые примеры, которые побуждают и здесь предположить группу $-ku-$. Это, прежде всего, др.-инд. $akt\acute{u}h$ ($< *nkt-u-s$) "тьма, ночь; свет, луч", которое нельзя отделить от греч.

ἄπτις "луч" (< *nkt-ī-), гот. ūhtwō, др.-в.-нем. ūhta "раннее утро, утренние сумерки" (<*unht-<*nkt-) (Fick , 1880, с.167; Bury, 1883, с.338-339; Schmidt , 1889, с.213-214; Hirt, 1900, с.130; Boisacq , 1923, с.39,674; Walde, Hofmann, 1954, с.181-183; Maunhofer , 1956, с.15). Если бы в корне был лабиовелярный, то следовало бы ожидать греч. *ἀπτις , почему это сопоставление и отвергается (Güntert, 1914, с.66-67; Petersson, 1921, с.122; Елизаренкова, Топоров, 1959, с.130 и т.д.), но для нас это не может быть непреодолимым препятствием, если в остальном сравнение вполне удовлетворительно. Исходным значением для ступени *nkt-i-/*nkt-u- могло быть значение "сумерки, утренний полумрак", откуда потом развились значения "луч, свет" и "тьма, ночь".

Др.-инд. níś, níśā, níśitā "ночь", сопоставленные с лат. nox , греч. νύξ и т.д. (Schmidt, 1881, с.117), впоследствии были объявлены табуистической заменой названия ночи nak и связаны с корнем *kēi- "лежать", ср. др.-инд. śete "лежит" (Schmidt, 1889, с.255-256; Specht, 1944, с.11; Maunhofer, 1963, с.168). Однако ни в одном другом языке индоевропейское название ночи не подвергалось табуистической замене, да и в самом древнеиндийском оно сохраняется в виде nak "ночь". Др.-инд. níś могло бы представлять и.-е.*n^ok-, как греч. νύξ — и.-е.*n^ok^u-, но как примириться с чередованием k^u/k̄ ? Трудность состоит в том, что уже в индоевропейском праязыке к корню было присоединено распространение -t-, затемнившее природу конечного гуттурального. Греческое νυχ- в νύχαι νύκτωρ , νύκτι Нев. "ночью", παν-νύχτος "всенощный" и т.д., давшее повод к восстановлению корней *neg^un- или *negh- (Lejeune , 1972, с. 44), является только греческой особенностью и, скорее всего, вторичным образованием (Schmidt, 1889, с.256; Szemerényi , 1964, с. 402; Panagl, . 1971). Во всяком случае, др.-инд. nakt- (naktā "ночь", naktīh (Асс. pl. от nak "ночи") исключает придыхательный звонкий согласный (Schindler, 1967, с.291). И все же, кажется, остатки древнейшей основы без распространения -t- можно встретить в литовских словах nakvūnė "ночлег", nakvoti "ночевать" (Ernout, Meillet , 1959-1960, с.448). Правда, считается, что в этих словах произошла вторичная утрата -t- (Osthoff, 1895, с.284; Specht , 1944, с.11; Walde, Hofmann, 1954, с.181-183), но

только потому, что основа на *-t-* встречается во всех остальных языках и в самом литовском. Однако, во-первых, не следует забывать, что нередко балтийские языки показывают гораздо более архаичную картину, чем даже древние письменные языки. Во-вторых, в данном случае корень выступает с суффиксом *-u-*, также характеризующим весьма древние индоевропейские образования (Sprecht, 1937²) и способным вступать в чередование с суффиксом *-t-*. Ср., например, лат. *cur-v-u-s* "кривой, изогнутый" и греч. *κῦρ-τ-ός* "выгнутый, искривленный", лат. *hel-v-u-s* "янтарно-желтый, буланый" и лит. диал. *žėĩ-t-as* "желтоватый", греч. *βρο-τ-ός* (*μρο-τ-ος) "смертный" и др.-ирл. *mar-b* "мертвый", греч. *πρῶ-τ-ος* "первый" и ст.-сл. *п р ъ-в-ъ* то же и т.д. (Откупщиков, 1967, с.215, 221; Леушина, 1983, с.139-145, 147-148, 152). Тогда мы получаем корень с чистым велярным **nek-/nok-/nk-*, который, присоединяя распространения *-t-* или *-u-*, давал основы **nek-t-/*nek-u-* и т.д. Возможно, к этому корню без распространений восходит др.-инд. *nié* "ночь" < **n^ok-* (палатальный возник в косвенных падежах перед гласными переднего ряда).

Др.-инд. *aktúh*, греч. *ἀκτίς* восходят к **nk-t-*.

Лат. *nox*, *noctis*, др.-инд. *nak* "ночь" (Acc.pl. *náktiḥ*),

лит. *naktis* "ночь", ст.-сл. *н о щ ъ*, гот. *nahts* то же, др.-ирл. *innocht* "этой ночью" восходят, видимо, к основе *nok-t-*.

К **nok-u-* восходят лит. *nakvúnė*, *nakvóti*.

Наконец, в хет. *nekuz*, греч. *vúξ* контаминировались оба суффикса: **nek-u-t-* > хет. *nekuz* и **n^ok-u-t-* > **n^ok^u-t-* > греч. *vúit-* (попытка объяснения греч. *vúξ* из *voξ по *λυξ (Reutersehl, 1935, с.56-57) выглядит неубедительно). Ср. ст.-сл. *м р ъ-т-в-ъ*, лат. *mor-t-u-os > *mortuus* "мертвый" наряду с греч. *βρο-τ-ός* "смертный", др.-инд. *mṛ-t-áh* "мертвый" и др.-ирл. *marb* (*mṛ-u-os) "мертвый" (Откупщиков, 1967, с.159-160). В другом порядке контаминировались *-t-* и *-u-* в др.-инд. *aktúh*, гот. *ūhtwō*.

Итак, в слове выделяется корень **nek-/nok-/nk-*, способный выступать с суффиксами *-u-* и *-t-*. Эти суффиксы могли контаминироваться друг с другом, кроме того, к *-t-* мог присоединяться еще суффикс *-i-* (лит. *naktis*, ст.-сл. *н о щ ъ*) или *-r-* (греч. *vúitwō* "ночью", *vúiteros* "ночной"). В некоторых формах возникла группа *-ku-*, совпавшая с лабиовелярными. Вскрытое многообразие основ вполне согласуется с тем, что уже было известно

об индоевропейском названии ночи (Specht, 1944, с. II).

Дальнейший анализ слова выглядит сомнительным. Предположение Э. Стертеванта о том, что надо реконструировать праиндоевропейское *negu-* "ночь" как "время сна" (соответственно раздевания), связав его с хет. *nekumanza* "голый" (< **negu-mnt-*), гот. *na-cafa* то же, лат. *nudus* (< *noguedos) то же (Sturtevant, 1942, с. 27), неудовлетворительно фонетически (ср. лит. *nakvūnė, nakvoti*) и вряд ли удовлетворительно семантически (трудно поверить, что индоевропейцы аккуратно раздевались перед сном). Другая гипотеза - гипотеза О. Семереньи о разложении *nekut-* на **ne-* (отрицательную частицу) и **ku-* "свет", то есть "отсутствие света" > "тьма" (Szemerényi, 1964, с. 402; ср. Juret, 1940, с. 213-214), так же маловероятно. Переход *-e-* > *-o-* О. Семереньи объясняет влиянием возникшего из группы *-ku-* лабиовелярного. Но ведь такого перехода не было в греч. *ἔπος* "слово" (**nek^uos*), *ἔρεβος* "мрак", гот. *riqiz* то же (**reg^uos*), греч. *ἵππος*, лат. *equus* "конь" (**ek^uos*) и т.д. Греч. *ἄντις*, др.-инд. *niś* также противоречат предположению О. Семереньи.

Греч. *τρέπω* "поворачиваю, вращаю", *τρόπος* "поворот, оборот, способ", *ἄτρακτος* "веретено", *ἄτρεϊής* "достоверный, истинный, точный". Большинство авторов словарей эти слова разводятся в разные семьи: *τρέπω*, *τρόπος* - к др.-инд. *trapate* "стыдится", лат. *turpis* "позорный" (лат. *trepit* "vertit" ("вращает") скорее всего придуманное слово (Chantraine, 1968-1980, с. 1132-1133)). С другой стороны, *ἄτρακτος* и *ἄτρεϊής* чаще всего сопоставляются с др.-инд. *tarkūh* "веретено", др.-прусск. *tarkue* "ремень", ст.-сл. т р а к ъ "лента, пояс", лат. *torqueō* "поворачиваю, вращаю", представляющим собой интенсив от первичного глагола со значением "вращать", нигде, по словам Я. Фриска, не засвидетельствованного (Frisk, 1960, с. 180). Поскольку смысловая и формальная близость обеих групп слов очевидна, единственным затруднением опять же является трактовка гуттурального звука. Несомненно, что сравнение греч. *τρέπω* "вращаю" с лат. *torqueō* "вращаю" гораздо лучше, чем сравнение с др.-инд. *trapate* "стыдится". Кроме того, микенские данные предоставили в наше распоряжение слова *to-ro-qa-jo-me-no* (*trok^ue₁omenos*) и *to-ro-qa* (*trok^uon*), подтверждающие реконструкцию лабиовелярного (Lejeune, 1958, с. 309-310; Chadwick, Baumbach 1963,

с.250). Наконец, бросается в глаза тождество семантического развития: ср. греч. τρόκος "ремень" - др.-прусс. tarkue "ремень", ст.-сл. т р а к ъ "лента, пояс". Все эти соображения заставляют связать греч. τρέπω (<*trek^uo - вот он, нигде не засвидетельствованный первичный глагол) и лат. torqueō (<*trk^ueiō, интенсив, ср. гом. τροπέω). В подтверждение может быть приведена глосса εὐτρόςσεσαι* ἐπιτρέφεσαι. Πάφιοι Нев., где - τροσσ - из *trok^u-i- (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.696; Chadwick, Baumbach, 1963, с.251).

Однако если в корне восстанавливается лабиовелярный, то как быть с чистым велярным в ἄτρακτος, ἄτρειής? Предположение В.И.Георгиева о переходе лабиовелярных в чистые велярные перед согласным (Георгиев, 1932, с.73-76; Schwyzler, 1934, с.299), как мы видели, неудовлетворительно. Как раз в греческом лабиовелярные сохранялись перед согласными, ср. мик. ke-ni-qe-te-we (khernik^utēwes "рукомойники", ср. греч. χερνίκτομα "умываю руки"). Остается признать -u- суффиксальным, как это уже делалось в отношении лат. torqueō (Reichert, 1922, с.4к, 48; Walde, Hofmann, 1954, с.692-693). В пользу этого говорят и др.-инд. tarkūh, др.-прусс. tarkue. Тогда, объединив греч. τρέπω, лат. torqueō и греч. ἄτρακτος, ἄτρειής, получаем основу trek-, откуда греч. ἄτρειής "бесповоротный, прямой" > "точный, истинный", нем. dreheln "точить (на токарном станке)", греч. ἄτρακτος "веретено" (*-trk-). С присоединением суффикса -u- получается основа *treku-, откуда др.-инд. tarkūh, др.-прусс. tarkue, может быть, ст.-сл. т р а к ъ, греч. τρέπω (<*trek-u-ō), τρόκος и τροπός (*trok-u-os), лат. torqueō (<*trk-u-eiō или *tojk-u-eiō).

Л.Палмер, в отличие от М.Лежена, Дж.Чэдвика и Л.Баумбах, сопоставляет мик. to-ro-qe-jo-me-no с греч. στρωφάομαι от στρέφω "поворачиваю", а мик. to-ro-qa с греч. στρόφος "завязка, пояс", хотя с тем же успехом может подойти и τροπός (Palmer, 1963, с.218, 459). Думается, что сопоставление мик. to-ro-qe-jo-me-no - греч. τροπέμενος точнее, чем to-ro-qe-jo-me-no - στρωφέμενος, и потому предпочтительнее. Мик. to-ro-qa формально может быть сопоставлено как с греч. τρόπος или τροπός, так и со στρόφος, но если истолковать to-ro-qe-jo-me-no как τρέπεμενος, то, видимо, to-ro-qa на-

до толковать как *τρέπος* или *τροπός*.

Л.Баумбах объединяет др.-инд. *trapate*, лат. *turpis* и греч. *τρέπω*, лат. *torqueō*, предполагая чередование распространителей корня $-k^u-/-p-$: $*tr-ek^u-$ (греч. *τρέπω*, лат. *torqueō*)/ $*tr-ep-$ (др.-инд. *trapate*, лат. *turpis*) (Baumbach, 1971, с.183). В принципе эта гипотеза приемлема, только надо принять распространитель *k*, а не k^u . Тогда относительно чередования распространителей корня $*ter-$ заслуживает внимания греч. *τάρανον* "перебродившее, прокисшее вино", *τάραίνω* *taráinō* Нес. "смущать, приводить в смятение" ($*tr-g-$), др.-инд. *tarjati* "угрожает" ($*ter-g-$) и греч. *τάρος* "ужас, боязнь" ($*tr-g-u-$); греч. *ταραχή* "волнение, смятение" и, может быть, *στρέφω* "поворачиваю" ($*s-tr-egh-u-ō?$), ср. мик. *ku-su-to-ro-qa* - греч. *συστροφή* "скручивание, вращение" (Baumbach, 1971, с.180-181).

Итак, и здесь восстановление группы "гutturальный + u" позволяет хорошо объяснить факты. До сих пор возведению греч. *τρέπω* к $*trek^uō$, очевидно, мешало непроверенное мнение о том, что и.-е. $-ku-$ > греч. $-kk-$.

Греч. *ίβρος* "навоз". С этим словом сопоставляются др.-инд. *śakrt*, gen. sg. *śaknāh* "навоз", лит. *šikti* "испражняться", лтш. *seks(k)ēt* "марать, пачкать". Соответствие греч. *π* - др.-инд., лит. *k* заставляет реконструировать в исходе корня лабиовелярный. Корень восстанавливается в виде $*k^ek^u-$ / $*k^ok^u-$ (Pokorny, 1949-1969, с.544). Однако в индоевропейских языках имеется еще ряд слов, близких по значению и по форме. Ср. греч. *ισκιάω* "испражняюсь", *ίκκιη* "кал", может быть, *ισκός* "плохой" (Pedersen, 1906, с.378), лат. *saco* "испражняюсь", арм. *k^cakog* "навоз", рус. *какать* и т.д., корень $*kak-$ (Pokorny, 1949-1969, с.521). Можно ли объединить эти группы слов (Benzinger, 1890, с.251)? Г.Хирт против такого объединения из-за различия в вокализме: $-a-$ в лат. *sacō*, греч. *ισκιάω*, арм. *k^cakog* и $-o-$ в греч. *ίβρος* (Hirt, 1899, с.230). Но гласные *o* и *a* иногда чередуются в индоевропейских языках, ср. греч. *σολός* "целый" ($*solōs$) и лат. *salvus* то же. Кроме того, в таком экспрессивном слове $-a-$ почти закономерно. Об экспрессивности говорит и гемината: греч. *ισκιάω*, арм. *k^cakog* < $*kakkog$

(Meillet, 1908 - 1909, с. 339).

Если же встать на точку зрения теории об одном исконном ряде гуттуральных, то получается следующая картина. Корень *kek-/ *kok-/ *kak- в ступени *kak- дал производные лаг. *kasō*, греч. *κικιδω*, рус. *какать*; *kek- в "сатэмных" языках после палатализации к- дало **k̂ek-*, ср. др.-инд. *śákr̥t*, лит. *šikti*. К этому же корню мог присоединяться суффикс *-r-/*-or-:

**k̂ek-r-* > др.-инд. *śákr̥t*;

*kak-or > *kakkor > арм. *k^сakor* (Pedersen, 1906, с. 480; Meillet, 1908-1909, с. 340);

**kok-r̄* > греч. *κίκωρ > *κίκρος* (Бенвенист, 1955, с. 33; Lejeune 1972, с. 52).

Но как же объяснить греческое *-π-*? Оно действительно восходит к лабиовелярному *k^u*. Возникнуть из группы "*ku*" этот лабиовелярный не мог, поэтому, видимо, он обязан своим происхождением последующему слоговому плавному. Подробнее это развитие будет прослежено, когда речь пойдет о лабиовелярных в начале корня. Схема его такова: **kr̥* > **k^ur̥* > **k^ur̄* (метатеза гласности). Возможно, что здесь сыграла роль и аналогия с группой "*ku*": *kur̄v* нулевой ступени, *kuer̄* в полной. Гипотезу о развитии лабиовелярных из групп "велярный + слоговой сонант (плавный или носовой)" впервые выдвинули Ф. Рибеццо (Ribezzo, 1903, с. 103-114) и Г. Райхельт (Reichelt, 1922, с. 76-77). Используя эту гипотезу, можно реконструировать следующий путь развития:

**kek-r̄* > **kek^ur̄* > др.-инд. *śákr̥t*;

*kok-₁ > **kok^u₁* > греч. *κίκωρ > *κίκρος* (Ribezzo, 1903, с. 109).

Возможно, таким же образом может быть объяснен лабиовелярный в греч. *κίκαρ*, *κίκατος* "печень", ср. др.-инд. *yákr̥t*, gen. sg. *yaknáḥ* то же, лат. *iesur*, *iesinoris* то же, лит. *jãknos* то же, вероятно, сюда же ст.-сл. и к р а, рус. *икра* (рыбья) (Фасмер 1967, с. 125). Корень **ik̂ek-/ *ik̂* с суффиксом *-r̄-* дал основу **ik̂ek^u-r̄-* (Рокотцу, 1949-1969, с. 504), где лабиовелярный возник из группы **-kr̄-* > **-k^ur̄-* > **-k^ur̄-* (Ribezzo, 1903, с. 109). Возможно, что след древнего чистого велярного сохранился в названии болезни печени - *ιτερος* "желтуха". Это старое предположение (Navet, 1881, с. 230-231; Георгиев, 1932, с. 25) впоследствии было отвергнуто из-за несоответствия гуттуральных. Сейчас авторы

словарей стремятся объединить ἰτερος с ἰτιῖνος "коршун", ἰτις "куница", предполагая общее значение "желтый", которое, однако, не засвидетельствовано в греческих словах и их армянских и индо-иранских соответствиях. П. Шантрэн отметил формальное сходство названий болезней ἰτερος "желтуха", χολέρα "холера", ὕβερος "водянка" и созданного Аристофаном по этой модели ἰλπερος (Chantraine, 1933, с. 228). В таком случае ἰτερος и χολέρα должны быть одинаково образованы от названия больного органа: χολέρα от χολή "желчь" или χολός "подбрюшие, кишки", ἰτερος от ἥπαρ (*iēk^u_o) "печень" (а не по внешнему признаку больного - желтому цвету кожи). К тому же корня *ит- со значением "желтый" не засвидетельствовано. Итак, греч. ἰτερος может представлять ступень *ik- (сохраненную в виде *ik- в ст.-сл. и к р а), распространенную посредством суффиксов -t- и -eго-.

Греч. ἄμνος "ягненок". Сопоставление с лат. agnus то же, ст.-сл. а г н ђ, а г н ь ц ь заставляет реконструировать форму *ag^u-по- (греч. ἄμνος < *ἄμνος < *ag^unos, но славянские слова предполагают начальный долгий гласный). Трудность создают кельтские соответствия: др.-ирл. uan "ягненок", предполагающее пракеельтское *ognos, так как группа *-g^un- дала бы в кельтских языках -bn- > -mn-, ср. др.-ирл. ben "женщина", gen. sg. mna (и.-е. *g^uenā) (Pokorny, 1949-1969, с. 9). Поэтому выглядит неподобным мнение о закономерности перехода -g^u- > -g- перед согласным в кельтских языках, подкрепленное единственным примером *ognos (Lewis, Pedersen, 1961, с. 34-35). Если начальное о- в *ognos можно объяснить как возникшее под влиянием *ovis "овца" (лат. ovīs, греч. οἴς, ст.-сл. о в ь ц а), то различие -g^u- и -g- объяснить труднее. Поскольку в кельтских языках придыхательные лабиовелярные совпали с чистыми велярными, то и в данном случае увидели то же явление. Была восстановлена форма *ag^uhnos (Osthoff, 1894, с. 290-291; 1895, с. 324-327; Pokorny, 1949-1969, с. 9), которая, очевидно, прямо не подтверждается ни одним из имеющихся индоевропейских соответствий и которой прямо противоречит греческое ἄμνος. Индоевропейское *ag^uhnos дало бы в греческом ἄμνος, ср. греч. ὄφεις ὕννις... Нес. "лемах плуга" и др.-прусс. wagnis, лат. vōmis то же (*uog^uhnis). Считать на этом основании греч. ἄμνος заимствованным сло-

вом (Merlingen, 1963, с.50), конечно, последовательно, но неправдоподобно.

Г.Остгоф восстанавливает форму $*og^u hnos$, утверждая, что $-g^u h-$ отражено в германских формах др.-англ. $\acute{e}anian$ "ягниться", нидерл. диал. $oonen$ то же, англ. $to yeap$ то же, прагерм. $*auno-$ (Osthoff, 1895, с.324-327). Но и это свидетельство неоднозначно, поскольку прагерм. $*auno-$ может восходить и к $*oucis$ "овца", ср. др.-англ. $\acute{e}owa$, нем. диал. Aue "овца" и т.д. Конечно, Г.Остгоф прав, доказывая, что с семантической точки зрения глагол со значением "родить детенышей" должен быть образован от названия детеныша, а не самки (Osthoff, 1895, с.325-326). Но, напротив, его объяснение греческого $\acute{\alpha}νός$ как продукта скрещения $*\acute{\alpha}νός$ (из $*ang^u hos$) и $*\acute{\alpha}φνός$ или $*\acute{\alpha}φνός$ (из $*ag^u hnos$) (Osthoff, 1895, с.327) является совершенно неправдоподобным. С другой стороны, все же можно предположить, что др.-англ. $\acute{e}anian$ и т.д. восходит к названию овцы. Так как в германских языках старие индоевропейские названия овцы и ягненка были вытеснены, возможно, что в процессе этого вытеснения название овцы было перенесено на молодых ягнят, откуда потом и был создан глагол $*aunōian$. Наконец, можно допустить и скрещение названий овцы $*ouci-$ и ягненка $*agno-$ в форме $*auno-$ (Georgiev, 1964, с.96).

Итак, с большим основанием, чем чередование $-g^u-/-g^u h-$, можно принять чередование $-g^u-/-g-$. Значит, и здесь перед нами "непоследовательная кентумность". Тогда заслуживает внимания и греч. $\acute{\alpha}γνος$ "авраамово дерево, vitex agnus castus", слово, которым часто называли и иву (Stephanus, 1831, с.393). С этим названием дерева можно сопоставить рус. ягнядь "черные тополя", чеш. $jehněd$ "сережка на дереве", $jehněda$ "белый тополь" и т.д., очевидно, образованные от названия ягненка - ст.-сл. а г и ђ. Дерево названо так по пушистости семян, ср. рус. баранки "сережки вербы" (Frisk, 1960, с.13; Georgiev, 1964, с.96; Фасмер, 1973, с.545). Как же объяснить чередование $-g^u-/-g-$ в греч. $\acute{\alpha}νός$ ($< *ag^u nos$), $\acute{\alpha}φνος$ пракельт. $*agno-$? Если, как и в других подобных случаях, предположить, что исконным согласным был чистый велярный, а лабиовелярный возник из группы $*gu$, то можно восстановить первичную форму $*agno-$. Это имя явно подходит на прилагательное с суффиксом $-no-$, образованное от корня $*ag-$. Очевидно, $*ag-$ - это корень со значением "гнать, приводить в

движение". Тогда с прибавлением к корню суффикса *-no-* получаем греч. *ἄγνος* "ягненок", не сохранившееся в этом значении, пракальт. *agnos > *ognos (под влиянием *o_uis), др.-ирл. *ūan* "ягненок". Первичное значение этого имени: "то, что перегоняют с места на место, движимое имущество" (Georgiev, 1964, с.96), ср. греч. *πρόβατον* "овца", *πρόβασις* "стада, скот" от *πρὸβαίνειν* "идти вперед", собственно "ходячее имущество" (Benveniste, 1969, с.37-45). Возможно, от того же корня *ag- образовано название коз: др.-инд. *ajāḥ* "козел", лит. *ožys* "козел", ст.-сл. азъно "кожа" (собственно "козья кожа", ср. *koz-ia > рус. кожа) (Müller, 1888, с.3II).

К корню *ag- мог присоединиться и суффикс *-u/-u-*, как показывает гот. *aqizi* "топор" < *ag-*uesī* (Walde, Hofmann, 1938, с.72), ср. также др.-инд. *ag-ra-m* "острие" (к чередованию *-u/-ro-* ср. греч. *νέμος* - *νεμός*, к "непоследовательной сатэмности" - лит. *agnus* "быстрый" (Откупщиков, 1961)). Тогда мы можем восстановить форму *ag-*u-no-* с контаминацией суффиксов *-u-* и *-n-*, что дало потом греч. *ἄγνος*, лат. *agnus*, уменьшительное *avillus* "agnus recentis partus" (< *ag^uellos < *ag^uenlos < *ag^unlos < *ag^unelos), Возможно, что контаминированной форме *ag-*u-no-* предшествовало чередование суффиксов *-u-* и *-n-*, то есть существовали формы *ag-*u-ov* и *ag-*n-os*, ср. лат. *hel-v-us* "янтарно-желтый, буланый" - ст.-сл. з е л е н ъ, лат. *cur-v-us* "кривой" - рус. кор-н-ать, лат. *clī-v-us* "склон" - рус. кло-н-ить и т.д. (Леушина, 1983). Что касается славянских форм, то трудно сказать, восходят ли они к *ag-*n-* или к *ag^u-*n-* < *ag-*u-n-*.

Итак, теория одного ряда индоевропейских гуттуральных не только позволяет объяснить случаи чередования *-g^u-/-g-* в названии ягненка, но и выдвинуть предположения о структуре и этимологии этого слова. В свое время О.Н.Трубачев подмечал, что *agnos имеет вид прилагательного на *-no-*, но связывал его с названием огня: др.-инд. *agnīḥ*, лат. *ignis*, лит. *ugnis*, ст.-сл. о г н ь (Трубачев, 1960, с.72-73). Думается, что сопоставление с корнем *ag- "гнать" убедительнее как фонетически, так и семантически.

Обычно считается, что греч. *φεύωμαι* "убегаю, боюсь" и *φεύω* "убегаю" представляют два разных индоевропейских корня: *bh^heg^u- (греч. *φεύω*, лит. *bėgti* "бегать, убежать", ст.-сл.

б ъ ж а т и) и *bheug- (греч. φεύω, лат. fugiō "убегаю", перфект fūgī "я убежал", лит. būgti "испугаться", baugùs "боязливый", bauginti "пугать") (Рокорну, 1949-1969, с.116, 152). Но семантическое тождество и сходство формы этих двух корней побуждало некоторых лингвистов относить лит. bėgti, ст.-сл. б ъ ж а т и к корню *bheug-(Vaniček, 1881, с.195) (через *bhē(u)g-(Reichelt, 1906, с.46) или *bhūēg-(Vaillant, 1966, с.245)). Попытки полного отождествления *bhēg^u- и *bheug- были предприняты П. Перссоном и Г. Хиртом. П. Перссон пытался объяснить чередование гласных в *bheg^u-/*bhug- распространением корня, в чистом виде нигде не засвидетельствованного, различными суффиксами или детерминативами (Persson, 1891, с.190). Но если гласный е/у является детерминативом, то как должен выглядеть сам корень?

Г. Хирт, объединяя группы φέβομαι и φεύω, исходил из так называемой "двусложной базы" *bheueg^u-: полная ступень первого слога *bheug^u- (греч. φεύω, лат. fūgī), полная ступень второго слога *bhueg^u- (греч. φέβομαι), продленная ступень второго слога *bhūēg^u- (лит. bėgti, ст.-сл. б ъ ж а т и) (Hirt 1900, с.135). Это построение выглядит весьма логично. Трудность состоит в том, что сами "двусложные базы" в индоевропейских языках не засвидетельствованы.

Нельзя ли попытаться связать φέβομαι и φεύω несколько иначе? Согласно теории индоевропейского корня Э. Бенвениста, "4-буквенные" корни с дифтонгом на самом деле представляют собой основы, то есть корень + суффикс, причем в полной ступени может находиться либо только корень (основа I), либо только суффикс (основа II) (Бенвенист, 1955, с.181-182). В целом ряде случаев теория французского лингвиста блестяще подтверждается:

Основа I	Основа II
греч. χειμών "зима" (*ǵhei-m-)	лат. hiems "зима" (*ǵhi-em-)
лит. ragū "сватаю" (*rag-k-)	лат. precor "умоляю" (*pr-ek-)
ст.-сл. д р ъ в о (*der-u-)	греч. δένδρε(F)ον "дерево" (*dr-ey-)
греч. δόρυ "дерево" (*dor-u)	рус. <u>дрова</u> (*dr-ou-)

Расчленив таким же образом основу *bheu-g-, получаем:

Основа I	Основа II
*bheu-g-: греч. φεύω	*bhū-eg ^u -: греч. φέβομαι
*bhou-g-: лат. fūgī,	*bhū-og ^u -: греч. φόβος "страх"
лит. baugùs	*bhū-ēg ^u -: лит. bėgti, ст.-сл. б ъ ж а т и

Таким образом, в плане отражения двух состояний корня и чередования е/о в корне или суффиксе мы имеем полную аналогию в случаях **der-u-/*dr-eu-* и **bheu-g-/*bh_u-eg^u-*, **dor-u-/*dr-ou* и **bhou-g-/*bh_u-og^u-*. Следовательно, с позиций теории Э.Бенвениста о двух состояниях индоевропейского корня сопоставление *φέωω* - *φέροω* можно защищать.

Переход **bh_u- > *bh-* вполне закономерен, ср. лат. *amā-ban* (< *bh_uam), греч. *φίτω* "побег, отпрыск" (*bh_uītu), ст.-сл. б и м ъ "мы были" (*bh_uīmos) и греч. *φύω* "расту, порождаю", лат. *fuī* "я был", ст.-сл. б н т и (Brugmann, 1897, с.294-295; Lejeune, 1972, с.81; Leumann, 1977, с.132). Затруднение вызывает только природа суффикса: *-g-* или *-g^u-*? Можно было бы предположить, что в качестве суффикса выступал лабиовелярный *g^u*, перешедший в чистый велярный после гласного *u* в ступени **bheug^u-* (Hirt, 1900, с.135). Однако мнение об утрате губного призвучья лабиовелярным после *u* в латинском не подтверждается ни одним надежным примером. Против такого перехода говорят лат. *flu(v)ō* "теку" (ср. перфект *flūxī*), *fru(v)or* "пользуюсь, наслаждаюсь" (ср. *frūctus* "плод, польза"), *stru(v)ō* "строю" (ср. перфект *strūxī*), *uveō* "являюсь мокрым" (ср. греч. *ὕροος* "мокрый"). Следовательно, лат. *fugiō* не может восходить к **bhug^u-*. Поэтому чередование суффиксов *-g-/-g^u-* надо объяснять по-другому.

Если предположение о делабиализации *g^u* после *u* несостоятельно, то можно допустить обратный процесс: лабиализацию *g > g^u* (или *g_u*) под влиянием *u* (прогрессивная ассимиляция): **bh_u-eg- > *bh_ueg^u- > *bheg^u-*. Некоторой аналогией такому явлению может служить вторичное развитие лабиовелярных под влиянием соседних звуков в латинском, кельтских и германских языках. Например, лат. *soquō* < *quequō < **rek^uō*, *quīnque* < **renk^ue*, *quecus* < **renk^uus* и т.д. (Reichelt, 1922, с.65-66).

Как известно, Г.Райхельт, считая лабиовелярные вообще вторичными по отношению к чистым велярным, возникновение значительной части их объяснял именно таким образом (Reichelt, 1922, с.65-70). И хотя трудно себе представить, чтобы в результате ассимиляторных процессов возникли новые фонемы, в отдельных случаях развитие лабиовелярных под влиянием соседних губных звуков вполне вероятно. Возможно, что таким же образом можно объяснить происхождение лабиовелярного в корне **uek^u-* "говорить, слово"

(греч. (F)ῥῶς "слово", лат. vox "голос", др.-инд. vacah "слово" и т.д.) (Reichert, 1922, с.66), в греч. ὀψός (*ὀψός < *vopsok^uov) "сок" наряду с лат. vīsus (< *veukos) то же. Но такое возникновение лабиовелярных стало возможным только после создания новых фонем: k^u, g^u, g^uh.

Греч. ὄψατα "я увидел" (перфект), ὄψομαι "я увижу", ὄμμα "глаз", ὀφθαλμός "глаз". Для этой семьи слов имеются индо-иранские, армянские, албанские, германские, латинские, балтийские, славянские и тохарские соответствия, но только греческий язык удостоверяет лабиовелярное качество гуттурального. Корень восстанавливается в виде *ok^u—"видеть, глаз" (Рокотпу, 1949-1969, с.775-777). Но в греческом языке встречаются и формы, в которых можно восстановить чистый велярный звук. Ср. беот. ὀπταλλός "глаз" наряду с лак. ὀπτίλος, эпидавр. ὀπτίλλος. Ср. также личное имя Πολύοιτος, видимо, относящееся к тому же корню (Schwyzer, 1934, с.299). Поскольку гипотеза о делабиализации лабиовелярных перед согласными в греческом не подтверждается, здесь следует видеть "непоследовательную кентуимость". Ср. также ὀπιον ὀφθαλμόν Нев."глаз" с экспрессивной геминацией. Объяснение, связывающее утрату губного призвучья с геминацией, выглядит не очень убедительно из-за лесб. ὀπτατα "глаза", где экспрессивная геминация, видимо, не помешала лабиовелярному перейти в губной. Правда, можно объяснить ὀπτατα из *ὀπτατα (откуда и ὀμματα), как это нередко делают. Однако швейцарские параллели, приведенные Э.Швицером (Schwyzer, 1934, с.317), такого перехода не подтверждают, так как в существование прогрессивной ассимиляции верится и без того. Трудность в том, что такая ассимиляция невероятна в греческом из-за обилия примеров перфектных форм на -μυα, -μύενος и т.д. Видимо, ὀπτατα можно толковать как аналогическую форму, развивавшуюся из *ὀπκον под влиянием ὀμμα.

Кроме того, готские формы ahjan "думать", aha "мысль, разум", ahna "дух" трудно оторвать от греч. ὀψομαι (*ὀμυ = гот. ahj-) "мысленно видеть, представлять себе", восходящего к тому же корню *ok^u-. Однако в данном случае германские формы показывают согласный, восходящий к чистому велярному k, а не лабиовелярному k^u (Zupitza, 1896, с.72-73; Boisacq, 1923, с.701, 723; Георгиев, 1932, с.26; Specht, 1935, с.211). От этой

же группы слов трудно отделить греч. *βίβος* "робость, медлительность", *βιβεῖν* "бояться", *βιβηρός* "медлительный, робкий", ср. по значению греч. *ὄβσεύομαι*, атт. *ὄττεύομαι* "опасаюсь, боюсь" (Voisard, 1923, с.695; Pokorny, 1949-1969, с.774). Таким образом, чистый веларный к подтверждается примерами из греческого и германских языков. Ф.Шпехт, возводя индоевропейское название обороны к тому же корню **ok^u*- "глаз" (от многочисленных дырок, буквально "с глазками, дырявая"), приводит примеры "непоследовательной кентумности" еще в кельтских (др.-кипр. *ocet* "оборона"), германских (гот. *augo* "глаз", др.-в.-нем. *aswiuni* "species" и т.д.), греческом языках (*ὄξίνα εργαλείον τι γεωργικόν, αἰθροῦς γόμφους ἔχον, ἐλιόμενον ὑπὸ βοῶν* Hes. "некое земледельческое орудие, имеющее железные зубья, влачимое быками") (Sprecht F., 1935, с.210-211). Наконец, в "сатэмных" языках встречается чередование *k/k̂*: др.-инд. *ákṣi* "глаз", но авест. *aśi* "глаза" (N.-Acc. dual.), которое может восходить только к *aḱwi наряду с авест. *aīwuxštar* "смотритель", где *-xš-* восходит к **-k^us-* или **-ks-*. Обычно считается, что форма *axši была заменена на *aśi* под влиянием *uśi* "уши" (Schmidt, 1889, с.389), но Г.Гюбшман доказывал, что авест. *uśi* значило, скорее всего, "разум, смысл, ум" и никогда - "ухо", поэтому оно не могло послужить образцом для авест. *aśi* "глаза" (Hubschmann, 1894, с.116-117).

Приняв все эти чередования *k/k̂/k̂*, можно объяснить их только тем, что к корню **ok-* было присоединено распространение *-u-*. После *k* нему могли присоединиться и другие суффиксы: *-n-*, *-i-*, *-s-*, *-t-*, *-l-* и т.д. (Hirt, 1904-1905, с.391).

* *ok-*: греч. *βίβος*, гот. *aha*;

* *ok-n-*: греч. *βίβος*, арм. *акп* "глаз, дыра";

* *ok-t-*: авест. *ōtallaos*, др.-кипр. *ocet*, лат. *осса* "оборона" < *otca < *otca < *oceta (Hirt, 1916-1917, с.230).

* *ok-s-*: греч. *ὄξίνα* "оборона", др.-инд. *ákṣi*, авест. *aśi*;

* *ok-u-*: греч. *ὄκωπα*, *ὄπη* "дыра", *ὄψ* "взгляд, вид, лицо" и т.д.;

* *ok-u-es-*: ст.-сл. *о к о*, gen. sg. *о ч е с е* (здесь необходимо предположить лабиовеларный, возникший из группы "кц", ввиду отсутствия "первой палатализации" к перед *е*);

* *ok-u-i-*: лит. *akiv* "гз", алб. *vū* то же (Х.Педерсен утверждал, что *ū* в алб. *vū* могло развиться из *i* только под

влиянием губного звука. Он считал, что этим губным был сохранившийся в албанском лабиовелярный (Pedersen, 1900, с. 318). Так как такой пример сохранения лабиовелярным губного придатка был бы единичным (ср. алб. *pesë* < *penkʰe, а не *pesi "пять"), логичнее считать, что переход *i* > *ü* вызвало *ç*. Как известно, в албанском лабиовелярные и группы "гutturальный + *ç*" совпали перед передними гласными);

**ok-ç-th-*: греч. ὀφθαλμός (Sprecht, 1944, с. 254) (в особые гуттуральные свистящие *kʰ^s, *gʷ^z, *gʷh^z или в особые группы *кр и т.д. (Schwyzer, 1934, с. 325-326; Lejeune, 1972, с. 37-39) поверить трудно (Merlingen, 1957). Но для метатезы типа **-tkʰ-* > **-kʰt-* (Merlingen, 1957, с. 60) в этом слове оснований нет, поэтому, скорее всего, надо предположить чередование суффиксов *-s/-t-/-th-*);

**ok-ç-t-*: лак. ὀκτίλος;

**ok-ç-el-* (или **ok-el-*): лат. *oculus* "глаз" и т.д.

Греч. *κέντε* "пять", лат. *quinque* то же, др.-инд. *pañca* др.-ирл. *сóic*, галл. *kerke-*, гот. *fiuf*, лит. *penki* то же и т.д. недвусмысленно говорят в пользу реконструкции индоевропейского *penkʰe "пять". Никаких чередований *k/kʰ*, никаких следов группы *ku в этой семье слов не обнаруживается. Однако числительное *penkʰe имеет такой необычный вид среди всех прочих, что его уже давно пытались объяснить как композит, состоящий из **pen-* и *kʰe* "и" (ср. лат. *-que*, греч. *τε*, др.-инд. *са*) (Pedersen, 1893¹, с. 272); Cuny, 1924, с. I-2; Pisani, 1929², с. 41). Слабое место этой гипотезы, как справедливо указал Э. Полеме, отсутствие объяснения первого элемента **pen-* (Polomé, 1968, с. 99). Построение В. Пизани, основанное на двух семантических параллелях, конечно, не очень убедительно (**pen-* "кормить", лат. *penus* "пища" и далее "кормить" > "сильный, толстый", ср. др.-инд. *puṣṭāḥ* "толстый" и *puṣ-* "кормить"; "сильный, толстый" > "большой палец", ср. лат. *pollex* "большой палец" и *polleō* "являюсь сильным", лат. *tumēō* "пухну" и нем. *Daumen* "большой палец"; тогда *penkʰe значило бы "и большой палец, и пятый" (Pisani, 1932², с. 164)), но остальные предположения вообще ни на чем не основаны. Гипотеза самого Э. Полеме, связывающего хет. *pan-ku-* "весь" и индоевропейское *penkʰe "пять" (сначала "все", то есть конец счета) (Polomé, 1968, с. 100-101), также не свободна от недостатков. Во-первых, странно было бы, что *penkʰe сохра-

нилось во всех индоевропейских языках, а слово, от которого оно якобы образовано, только в хеттском. Во-вторых, хет. pankuṣ все-таки звук в звук совпадает с греч. παχύς "толстый", др.-инд. bahū "большой, огромный, обильный", также являясь основой на -u-, и потому скорее всего восходит к индоевропейскому *bhṛ̥ǵhu-. Итак, более надежным кажется старое понимание *penk^ue как *pen-k^ue, где *pen- может просто означать "пять", то есть при окончании счета "раз, два, три, четыре и пять" (Pisani, 1929², с. 41). Вопросительно-неопределенное местоимение k^ui-, k^uo-, к которому восходит k^ue "и", будет рассмотрено в следующей главе.

Далее следует несколько случаев, в которых уже давно отмечалось чередование типа k/k^u ("непосредовательная кентумность"). Обычным объяснением здесь служило чередование распространителей "велярный/лабиовелярный". Однако трудность как раз и состоит в том, чтобы признать лабиовелярный звук распространением, поскольку известно, что они вообще не выступают в качестве суффиксов. Например, "морфема g^u была бы исключительной" (Chantraine, 1968-1980, с. 74), "...речь должна идти о распространении g^u... Не разрешенная загадка кроется как раз в этом "распространении" (Frisk, 1970, с. 1025) и т.д.

Греч. μάρπτω "хватаю", βράφα· συλλαβεῖν... Нес."схватить", μάρπτis "хищник", βράπτειν· ἐσθίειν ... Нес."есть" и βράζα· συλλαβεῖν, δαμῆν, καταπτεῖν Нес."схватить, укусить, пожрать", βρανεῖν· συνιέναι Нес."понимать", δυσβράβανον· δυσχερές· βράβανα γὰρ τὰ ἄγρια λάχανα· ἔστι δὲ δύσπλυτα... δύσληπτον· δυσκατανόητον Нес."трудное, тягостное. Ведь βράβανα-дикие овощи, а их трудно отмыть ... трудноуловимое, малопонятное", βράβανα "зелень, дикие овощи" (ср. лат. legō "собираю" и lignum "дрова", буквально "собранное") показывают чередование -и-/-п- в исходе корня. Единственное более или менее надежное соответствие - др.-инд. mṛśāti "трогает, хватает" - показывает в исходе корня ś, восходящее к индоевропейскому *k̥. Предположение Э. Швицера об ассимиляции μ-и > μ-п (Schwyzler, 1934, с. 302) само по себе неправдоподобно, так как в греческом языке почти все ассимилятивные и диссимилятивные процессы регрессивны, а не прогрессивны (ср. *κάρπος > καρός, - κῆρος > -κόρος, но *ρεκῆον > κέπων, где регрессивная диссимиляция лабиовелярного с губным произошла, а прогрессивная - нет). Далее, в случае с двумя губными в слове

скорее следует ожидать далабиализации первой из них, то есть дисимилиации (ср. γλέτω из βλέτω, γέφυρα из βέφυρα, κρησφύγετον из *κρησφύγετον (Keropoulos, 1962, с.43-50). Поэтому обратное, чтобы такая позиция возникла вследствие ассимиляции, невероятно. Остается старое объяснение — чередующиеся суффиксы k/k^u (Walde, 1926, с.283). Трудность его состоит, как сказано выше, именно в необычном суффиксе k^u (Frisk, 1970, с.178). Вероятно, выделение распространения $-u-$ может несколько прояснить картину. К основе *mer-k-, в нулевой ступени *m₀-k- (др.-инд. m₀śāti, греч. βραμίειν, βράζω, βράμιον, διαβράμιον) был присоединен суффикс $-u-$, что дало греч. *μάρπω (< *m₀-k-u-ō), откуда со вторичным суффиксом $-t-$ возникла форма μάρπτω (Nirt, 1904-1905, с.391). Если сохранять связь греч. βράμιον "дикие овощи" одновременно и с греч. μάρπτω "хватаю", βράζω "схватить", и (как было давно предложено) с др.-в.-нем. wogaha "морковь", др.-англ. wogu то же, рус. морковь (Frisk, 1960, с.263; Фасмер, 1967, с.656), то след суффикса $-u/-u-$ можно обнаружить в прасл. *m₀ky < *m₀k-u. Отказаться от сопоставления греч. βράμιον - βράζω трудно, так как βράμιον отличается от διαβράμιον только приставкой. Тогда, если διαβράμιον можно понимать как "то, что трудно взять", βράμιον будет означать просто "то, что берут, собирают".

Греч. βλάβη "вред", βλάπτω "врежу", ἄβλοπές ἄβλαβές Κρήτες Нес."безвредное", горт. ἄβλοπία "безвредность", καταβλάπασθαι "повредиться". С этой группой слов сопоставляется др.-инд. marśayati "ранит, повреждает", m₀kṭáh "раненый", marśáh "вред, ущерб". Трудно отказаться от сопоставления с лат. mulcō "быю, плохо обращаюсь", mulceō "трогаю, глажу" (Brugmann, 1900, с.86, 101; Reichelt, 1922, с.74; Boisacq, 1923, с.120-121; Frisk, 1960, с.239-240; Chantaine, 1968-1980, с.177), но этому сравнению мешает лабиовелярный в греческом βλαπ- (< *μβλαπ- < *mlk^u-; βλάβη — ассимилированная форма из *βλάπη, ее возникновению способствовала неясность губного в βλάπτω, ср. крит. ἄβλοпές, ἄβλοπία (Schwyzler, 1934, с.257)). Вычленив корень *mel- с общим значением "касаться, трогать", можно выделить распространение $-k/-g-$ (ср. лат. mulgeo "дою", греч. ἀμέλω то же, лит. mēlžu то же, ст.-сл. м л ъ з ꙗ то же, др.-англ. melcan "доить") (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.418). Так как чередование $-k^u/-g-$ выглядело бы странно, в то время как чередование $-k/-g-$ — дело вполне обычное, имеет смысл предположить, что к основе *mel-k-

(лат. *mulcō*, *mulceō* из **molc-* или **mlc-*) был присоединен суффикс *-ц-*, что дало **melc-*, откуда греческое βλακ- (< **mlc-*) и, возможно, др.-инд. *marśayati* (так как *melkeietī дало *бн*, согласно гипотезе о "первой палатализации", др.-инд. *marśayati).

Греч. ὀκός "сок", лат. *sūcus* то же, лтш. *svakas* "смола", др.-прусс. *sackis* то же, лит. *sakaĩ* "сок", ст.-сл. с о к ъ, тох. В *sekwe* "гной". Др.-инд. *sunōti* "выжимает сок", *sutāh* "выжатый", *sōmah* "сома", греч. ὕετ "идет дождь", лит. *sulà* "березовый сок", др.-инд. *sūrā* "лурманящее питье" и др. позволяют реконструировать корень **seu-* с гуттуральными распространениями **seu-k-* / **seu-g-* (ср. лат. *sūcus* "сок" - *vīgō* "сосу") (Specht, 1944, с. 56; Walde, Hofmann, 1954, с. 622-623). Но каким образом установить отношение между лат. *sūcus*, греч. ὀκός и ст.-сл. с о к ъ

(Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 662; Chantraine, 1968-1980, с. 810)? Неубедительно выглядит предположение о том, что к слабой ступени корня **su-* был присоединен суффикс *-e-* / *-o-* и лишь затем добавлен гуттуральный суффикс (**su-e-k-*), в то время как к полной ступени **seu-* гуттуральный суффикс присоединялся непосредственно (**seu-k-*) (Persson, 1891, с. 8-9; Specht, 1944, с. 56-57). Неприемлемо и мнение Ф. Зольмсена о том, что *sūk-* в лат. *sūcus* представляет собой нулевую ступень от **svæk-*, ср. лтш. *svėki* "смола" (Solmsen, 1901, с. 208), ведь в лат. *sūcus* -ū- долгое. Между тем все названные формы хорошо укладываются в схему Э. Бенвениста, характеризующую два состояния индоевропейского корня. Основа **svæk-* могла выступать в двух видах:

**seu-k-* (основа I) и **sv-ek-* (основа II), ср.
*seu-k-ov > лат. *sūcus*;
**sv-ek-* > лтш. *svėki*;
**sv-ok-* > лтш. *svakas* и, так как группа *sv-* уже в индоевропейскую эпоху могла переходить в *v-* (Solmsen, 1901, с. 197-209), **sv-ok-* > **vak-* > ст.-сл. с о к ъ, лит. *sakaĩ*. Тогда греч. ὀκός, тох. В *sekwe* должны восходить к **sv-ok^u-ov* с лабиовелярным суффиксом (отсутствие густого придыхания в греч. ὀκός Ф. Зольмсен объяснял тем, что слово это рано стало медицинским термином и с распространением ионийской медицинской науки приняло ионийскую форму, по крайней мере, в литературном языке (Solmsen, 1901, с. 207)). Ни балтийские, ни славянские соответствия этому не противоречат. Однако может ли лат. *sūcus* восходить к **seu-k^u-ov*? Очевидно, нет, так как, хотя в латинском языке лабиовелярные перед *o* регулярно

теряли губной призвук, как и перед *u* (Bersu, 1885^I), это было возможно только перед постоянным гласным. В конце корня, где лабиовелярный оказывался перед разными гласными, он в существительных и прилагательных во рогу склонения регулярно сохранялся, ср. *antīquus* "древний"; *coquus* и *socus* "повар", но *coquus* "поварской", *coquina* "кухня"; *equus* "лошадь"; *hircus* и *hirquus* "козел", *hircinus* и *hirquinus* "козлий", *hirquitalliō* "становлось возмужалым"; *longinquus* "дальний"; *obliquus* "косой"; *propinquus* "близкий", но *sucus* "сок", *sucidus* "сочный". Может быть, поэтому Ф.Зольмсен считал, что лат. *sucus* является *u*-основой по происхождению (*sūquus*) (Solmsen, 1901, с. 208). Но ни один из индоевропейских языков не подтверждает такой реконструкции, а примеры, взятые из Апулея (*sucus* gen. sg., *sucium* gen. pl.) (Метаморфозы, IX, 32; X, 13), вряд ли можно считать надежными. Скорее, эти формы показывают смешение второго и четвертого склонений в латыни второго века нашей эры.

Кроме того, *sūgō* "сосу" = *sucus* "сок" предполагают чередование *-k-/-g-*, но не *-k^u-/-g-*. Наконец, предположение о делабиализации лабиовелярных после *u* в латинском также не выдерживает критики, ср. лат. *flu(v)o*, *fru(v)or*, *stru(v)o*, *uveō*. Следовательно, налицо чередование *-k-/-k^u-*, которое нельзя объяснить обычными фонетическими процессами. Это чередование дополняется чередованием *-k-/-k̂-* в "сатэмных" языках; ср. лтш. *sūkt* "сосать", но ст.-сл. с ъ с - а т и, восходящее к **suk̂-*. Предположение о распространении *-k-/-g-* выглядит гораздо естественнее, чем установление чередования **-k^u-/*-k̂-/*-g-*. Тогда следует признать вторичность лабиовелярного в **suk̂^uos* > греч. ὀκός, тох. В секве. Возможно, он обязан своим возникновением суффиксу *-u-*, вторично присоединенному к основе **seuk-/*suek-*. Скорее всего, однако, он возник под ассимилятивным воздействием начального *-u-* в ступени корня **suek-/*suek-*. Это предположение подтвердилось бы тем, что лабиовелярный засвидетельствован в греческом и в тохарском В в ступени **suek-* и что балтийские и славянские формы, соответствующие этой ступени корня, показывают непалатализованный велярный. Палатализованный гуттуральный *k̂* может появиться в нулевой ступени **suk̂-*.

Греч. ἀμείβω "меняю". Слово давно и довольно надежно со-

поставлено с лат. *migro* "переселяюсь, переменяюсь" (Walter, 1862, с. 430; Fick 1881, с. 213), образованным, очевидно, от *migros "меняющий место" (Walde, Hofmann, 1954, с. 86-87; Frisk, 1960, с. 90). Латинское *mīnus* < *moinos "дар", *mūtō* < *moitō "меняю", ст.-сл. мѣнѣнѣ и а < *moinā и т.д. ведут к выделению корня **mei-*/**moi-* "менять" (Fick, 1881, с. 213; Persson, 1891, с. 15). Тогда в греч. ἀμείβω лат. *migro* надо выделить распространение $-g^u$, однако такая морфема была бы исключительной (Chantraine, 1968-1980, с. 74). Чтобы избежать этого, можно в виде распространения реконструировать $-g-$, так как велярные и палатальные суффиксы — обычная вещь (Sprecht, 1944, с. 289-290). К основе **meig-* в дальнейшем был прибавлен суффикс $-u-$, находящийся в отношении чередования с суффиксом $-ro-$ (греч. *νείκος* — *νεκρός*, *κράτος* — *κρατέρος*):

**meig-u-* > греч. ἀμείβω;

**meig-ro-* > лат. *migros, откуда потом *migro*.

Если считать корень **mei-* исходным и для **mei-g-* "менять", и для **mei-k-* "смешивать" (чередование распространений $-g-/k-$), то след основы **meig-* можно увидеть в греч. *μείγνυμι*, *μίγνυμι* "смешиваю".

Греч. *ῥαβός* "искривленный, кривоногий", *ῥοιός* "искривленный, кривой". На основании сопоставлений с гот. *wraiqs* "сиолобс" ("кривой"), лит. *ráišas* "хромой", авест. *urvaēsa* — "поворот, круговорот", др.-инд. *vriś* "палец" (то есть "сгибающийся") и др. выделяются распространители $-k-$ и $-g^u$ (Sprecht, 1944, с. 131). Однако чередование $-k-/g^u-$ выглядит гораздо менее вероятным, чем обычное $-k-/g-$. Поэтому более надежной кажется реконструкция П. Перссона и Г. Райхельта: *urēi-g-uos > греч. *ῥαβός*, ср. авест. *urvaēz-* в *urvizō*. *maīdua* "перевязывающий середину туловища" (Persson, 1912, с. 501-502; Reichelt, 1922, с. 44).

Если связь греч. *σῆφομα* "гнию", *σῆφρός* "гнилой" с др.-инд. *kuāku* "гриб" верна (Lidén, 1897, с. 51-52), то греческое $-π-$ может восходить к группе $-k_2-$: *kiāku-o-pai > *σῆφομα*. Возможно, что греч. *σῆφρός* возникло под влиянием аналогии с *σῆψω* "гнию", и т.д. из более древнего *самρός (чередование суффиксов $-u-/ro-$).

На этом заканчивается рассмотрение лабиовелларных и групп "гуттуральный + u " в греческом языке в конце корня. Конечно, анализу были подвергнуты отнюдь не все случаи. Уже в предшест-

вующем изложении было высказано достаточно догадок и предположений, чтобы не увеличивать дальше их число, в особенности там, где для них не найдено фактической опоры. Кроме того, некоторые корни, содержавшие лабиовелярный и сохранившиеся в греческом, будут рассмотрены в разделе, посвященном латинскому языку.

Лабиовелярные и группы "гutturальный + u" в латинском языке

Развитие лабиовелярных звуков в латинском языке имеет две особенности. Во-первых, поскольку в позициях перед о, u, согласным лабиовелярные переходили в чистые велярные, нередко индоевропейские лабиовелярные в латинском уже неразличимы без помощи других индоевропейских языков, ср. лат. *oculus* "глаз", *vōx* "голос", *ascia* "топор", *agnus* "ягненок", *nox* "ночь". Во-вторых, поскольку лабиовелярные как фонемы сохранялись в латинском языке, они могли вторично возникать в ходе истории латинского языка там, где их не было в индоевропейском. Это процесс может служить параллелью к более древнему — процессу возникновения лабиовелярных в индоевропейском языке.

Лат. *oblīquus* "косой, боковой", *līquus* "oblīquus". Сравнение с лат. *licinus* "криворогий", *lixulae* (сабин.) "баранки, лепешки из муки, сыра и воды", греч. *λιροί* "οἱ ὄξοι τῶν ἐλαφείων κεράτων" Нес:"ветви оленьих рогов", *λιριφίς* "косо, сбоку", *λέχιος* < *λέμοριος (Schwyzler, 1934, с.327) "косой" ведет к вычленению суффикса -u-, так как лабиовелярный k^u восстановить невозможно из-за лат. *licinus*, греч. *λιροί*, *λιριφίς* (Persson, 1912, с.151; Reichelt, 1922, с.48; Walde, Hofmann, 1954, с.124-125). Следует отметить чередование суффиксов -u-/-go- в лат. *līqu-* и греч. *λιρο-*. Лат. *līmus* "косой", *līmen* "порог, косяк", *līmes* "межа, рубеж" могут представлять не только нераспространенный корень **lei-* > **lī-* (Persson, 1891, с.187), но и **lei-k-s-m-*, ср. лат. *iumenta* "вьючные животные" < *ioumenta*.

Лат. *tinguō* наряду с *tingō* "мочу, крашу". Как показывает греч. *τέγγω* "мочу", др.-в.-нем. *thunkōn*, нем. *tunken* "окунять; макать", исконным звуком был чистый велярный -g-, а -gu- возник под влиянием аналогии лат. *unguō* "мажу" — перфект *ūnxī* "я помазал" (Pedersen, 1893², с.300; Reichelt, 1922, с.49-50; Walde, Hofmann, 1954, с.684).

Точно так же объясняется возникновение лабиовелярного в

лат. *instinguō* "побуждаю, подстрекаю" наряду с *instīgō* то же, *distinguō* "разделяю", *stinguō* "гашу". Ср. греч. *στίζειν* "колоть, клеймить", аорист *ἔστιξα* "я уколол", *στίγμα* "клеймо" и т.д. (Pedersen, 1893², с.300; Brugmann, 1897, с.603; Walde, Hofmann, 1938, с.706-707; 1954, с.592). Умбр. *anstintu* неясно ни по форме, ни по значению (Ernout, 1961, с.109).

Не древняя группа *-ghu-* отражена в лат. *lingua, lingua* "язык". Ср. гот. *tuggō* "язык" и подвергшиеся некоторым изменениям др.-инд. *jihvā* "язык", авест. *hizvā* то же, др.-прусск. *insuwis* то же, ст.-сл. ꙗзъкъ (Pokorny, 1949-1969, с.223).

Лат. *lingueō* "являюсь слабым, вялым". Сравнение с греч. *λίγω* "прекращаю(сь)", *λαγύζω* "ослабляю", *λαγρός* "вялый, мягкий" и т.д. показывает, что в корне был чистый велярный. Латинское *-gu-* либо возникло вторично, как в лат. *urgueō* "жму, давяю" наряду с *urgeō* то же (Pedersen, 1893², с.300; Brugmann, 1897, с.603), либо *-u-* является суффиксальным, в пользу чего, как кажется, говорит др.-исл. *slákkva* "гаснуть" (Petersson, 1912, с.131; Reichelt, 1922, с.48). Тогда заслуживает внимания чередование *-c/-g-* в лат. *lingu-*, греч. *λαγρός*.

Лат. *coinguō* "разрезаю ножом" (в религиозном языке) восходит к *co-in-scō* (от *secāre* "разрезать, рассекать") со вторичным *-u-*, как *instinguō*. Возможно, тут сыграло роль и влияние лат. *inseque* наряду с *insece* "расскажи" (Reichelt, 1922, с.79; Walde, Hofmann, 1938, с.244).

Лат. *brevis* "короткий". Как показывают греч. *βραχύς* "короткий" (< *μβραχύς < *μραχύς < *mrghús), авест. *шэгэи* "короткий", др.-инд. *shūh* "внезапно", др.-в.-нем. *sturg* "короткий", лат. *brevis* восходит к *mrghuis. И хотя переход *mr->br-* выглядит нерегулярным (Osthoff, 1890, с.89-III; Sommer, 1914^I, с.225-226), что, впрочем, не доказано (Petersson, 1912, с.929; Reichelt, 1914, с.321-325), во всем остальном сопоставление настолько безупречно, что отказаться от него нельзя (Wackernagel, 1920, с.22-23; Reichelt, 1922, с.48; Walde, Hofmann 1938, с.115; Frisk, 1960, с.264). Кроме того, переходу *frevis > brevis (если *mrevis действительно должно было дать *frevis) мог способствовать средний звонкий *v*, ср. лат. *barba* "борода" < *farba < *bhardhā (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.76). Относительно соответствия *-u/-u-* в греч. *βραχύς* - лат. *brevis*, ср. греч. *ἑλαχύς* "маленький"

лат. *levis* "легкий", греч. βαρύς "тяжелый" — лат. *gravis* то же, греч. ἡδύς "сладкий" — лат. *suaavis* то же.

Возможно, что лат. *fru(v)or* "наслаждаться, пользоваться" восходит к *frūg-ū-or*, то есть содержит суффиксальное *-ū-*, ср. лат. *frūgēs* "плоды", гот. *brūkjan* "пользоваться" (Pedersen, 1893², с.300; Brugmann, 1897, с.603; Walde, Hofmann, 1938, с.552-553; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.256-257).

Лат. *pinguis* "жирный, толстый" должно восходить к **pŋgu-* (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.508), ср. лат. *brevis* — греч. βραχύς, лат. *levis* — греч. ἕλαχύς и т.д. Однако напрашивающееся сравнение с греч. παχύς "толстый, жирный" должно быть отвергнуто из-за др.-инд. *bahūh* "обильный, большой". Тогда восстанавливается и.-е. **bhŋghu-*, что должно бы дать в латинском **finguis*. С другой стороны, начало латинского слова может быть сопоставлено с др.-инд. *pīvaṇ-* "жирный", греч. πῖον то же. Однако реконструкция **pī-ṣ-g^uo-* (Brugmann, 1898, с.352) или **pi-n-guis* (Specht, 1944, с.130) выглядит неправдоподобной из-за необычного суффикса *-g^u-*. Поэтому кажется оправданной гипотеза о скрещении двух слов в латинском *pinguis*: одного, восходящего к корню *-pī-* (ср. греч. πῖον "жирный", πῖμαλή "жир"), и другого, восходящего к **bhŋghu-* > лат. **fingu-* (ср. греч. παχύς) (Brugmann, 1898, с.350; Walde, Hofmann, 1954, с.306). Э.Цупица считал колебание "звонкий придыхательный/глухой" (*bh/p*) индоевропейским (Zupitza, 1904, с.388), что, однако, спорно.

Лат. *unguis* "ноготь, коготь": *-ū-* должно быть суффиксальным, как показывают германские формы с чистым велярным (например, гот. *ganagljan* "прибивать гвоздями"). Кельтские формы др.-кимр. *eguin* "unguis", кимр. *ewin* "ноготь" также говорят в пользу суффиксального *-ū-*, так как придыхательные лабиовелярные в кельтских языках совпали с чистыми велярными. Формант *-u-* выступает в лит. *pagūtis* "ноготок", ст.-сл. н о г ъ т ь (но ср. лит. *nagà* "копыто", ст.-сл. н о г а) (Osthoff, 1894, с.273; Brugmann, 1897, с.596; Reichelt, 1922, с.48; Specht, 1944, с.253; Walde, Hofmann, 1954, с.818-819; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.747; Szemerényi, 1964, с.240). Греч. ὄνυξ, -υχος "ноготь, коготь" трудно для истолкования. Начальное *ō-*, скорее всего, протетическое, срединное *-u-* возникло из *-o-* либо под воздействием суффиксального *-ū-* (Szemerényi, 1964, с.240), либо благодаря диссимиляции с начальным *ō-*, ср. греч.

ὄνυα "имя" наряду с ὄνοα то же (Chantraine, 1968-1980, с. 805).

Лат. *nūdus* "голый" обычно возводится к и.-е. **nog^uodhos*, откуда и гот. *paqaf̥s* "голый" (Walde, Hofmann, 1954, с. 185), однако более правдоподобной выглядит реконструкция **nog^u-edos*, тогда *-f̥-* в гот. *paqaf̥s* восходило бы к и.-е. *-t-*, как и *-t-* в др.-ирл. *nocht* "голый". Ведь чередование суффиксов *-t-/d-*, по мнению Ф. Шпехта, обычно, в отличие от чередования *-t-/dh-*, (Specht, 1944, с. 251). Далее, др.-швед. *nakuþer*, др.-в.-нем. *nakut* "голый" побуждают выделить в слове суффикс *-u-*. Тогда латинское *-(g)u-*, гот. *-q-* восходят к группе **gu-* (Reichelt, 1922, с. 41). Балтийские и славянские формы (лит. *núogas* "голый", ст.-сл. н а г ъ) могут отражать как лабиовелярный (возникший из древней группы *-gu-*), так и чистый велярный.

Сложнее дело обстоит с др.-инд. *pagnáh* "голый" и греч. *γυμνός* то же. Если эти слова родственны, то они, видимо, содержат одинаковый суффикс *-no-*. Если для греческого слова надо восстановить праформу с лабиовелярным, то то же самое надо сделать и для др.-инд. *pagnáh* (< **nog^uno-*, где *-g^u-* восходит к древней группе *-gu-*). Тогда получается следующее чередование суффиксов: **nog-u-t-/nog-u-d-/nog-u-n-/nog-u-m* (хет. *neku-manza* "голый").

Однако трудность как раз и состоит в том, чтобы объяснить греч. *γυμνός*. Его *-μν-* обычно выводится из *-g^un-* (греч. *αχνός* < **ag^unos*), а вокализм *-u-* сравнивается с вокализмом греч. *νύξ* (Frisk, 1960, с. 333; Chantraine, 1968-1980, с. 242). Но такое объяснение невероятно, так как после *u* в греческом следовало бы ожидать чистый велярный, ср. греч. *ὑγιής* "здоровый" из **su-g^ui-* (Grammont, 1909, с. 372). Следовательно, *-μν-* в *γυμνός* не может восходить к **-βν-< *g^uh-*. То же самое относится и к *λυμνός* *γυμνός*. Нес., обычно выводимому из **vuμνός* (Frisk, 1960, с. 333; Chantraine, 1968-1980, с. 242). Тогда в греч. *γυμνός* непонятно не только *γ-*, но и *-μν-*, и *-u-*. Ф. де Соссюр предположил, что в греческом языке *-ομνο->-υμνο-*. Тогда **nog^unos > *voμnos > *vuμnos* (Saussure, 1892, с. 92-93). Но даже если такой переход и имел место, как объяснить изменение **vu-* в *γυ-*? Исходя из сравнения с др.-инд. *pagnáh*, можно восстановить праформу **n^og^unos* **vuμnos*, но как от **vuμnos* перейти к *γυμνός* (Meillet, 1896,

с. 136)? И этот путь, очевидно, заводит в тупик. М. Граммон на основании сравнения с авест. $maγnō$ "голый" (по его мнению, из $*paγnō$ благодаря метатезе) восстановил в греческом слове суффикс $-mō-$. Тогда $*vuγmōs > *vuhmōs > *vunmōs > *vumōs > lumvōs$ (диссимиляция носовых), с другой стороны, $*vuγmōs > *γunvōs$ (метатеза) $> γumvōs$ и $*vuγma > *luγma$ ($\acute{\alpha}πολύματος$ $\acute{\alpha}πογύμνωσις$ Hes. "обнажение") тоже из-за диссимиляции носовых (Grammont, 1909, с. 371-374; Kretschmer, 1912, с. 335). Но все это построение выглядит очень уязвимо. Во-первых, авест. $maγnō$ проще всего объясняется диссимиляцией из $*paγnō$, что позволяет объединить его с др.-инд. $paγnāh$ (Justi, 1864, с. 222). Во-вторых, даже если группа $-γm-$ действительно произносилась как $γm$ (Grammont, 1909, с. 373), это отнюдь не вело к полной ассимиляции $-γm-$ $>$ $-vm-$, ср. греч. $πράγμα$ "дело", $λυγμός$ "икота", $στύγμα$ "клеймо" и т. д. Сам М. Граммон признавал это, возводя $*luγma$ к $*vuγma$. В третьих, непонятно, почему $v-$ и $-γ-$ в $*vuγmōs$ должны были подвергнуться метатезе ($*vuγmōs > *γunvōs$), тем более, что $-γm-$ должно было перейти в $-vm-$.

Так как $-mv-$ не может восходить к $-g^u_m-$ (где $-g^u_m-$ корневое, а $-m-$ суффиксальное), возникает соблазн всю группу $-mv-$ считать суффиксом $-mno-$, контаминированным из суффиксов $-m-$ и $-no-$ (ср. греч. $\deltaίδυμος$ наряду с $\deltaίδυμος$ "двойной"), или суффиксом медиального причастия (ср. греч. $στάμνος$ "сосуд", $\betaέλεμνον$ "копье, дротик"). В. Пизани, принимая суффикс $-mno-$, возводил греч. $γumvōs$ к $*voγumvōs < nog^u_mnos$ (Pisani, 1928, с. 345-348). С этим предположением можно согласиться (за неимением лучшего), но, поскольку для реконструкции Θ оснований нет, лучше восстановить форму $*nogu-mnos$, где $*nogu-$ = др.-швед. $naku-$, др.-в.-нем. $nasku-$ // хет. $neku-$ (хет. $nekumanza$ "голый"). Э. Стертевант возводил греч. $γv-$ именно к группе $-gu-$, правда, он считал, что $γumvōs$ возникло из $*\acute{\alpha}γumvōs < *ngumnos$ (Sturtevant, 1930, с. 222), что менее вероятно, чем диссимиляция двух слогов $-no-$ в $*nogumnos >$ греч. $γumvōs$. Итак, если эта реконструкция верна, греч. $γumvōs$ является еще одним свидетельством в пользу того, что гот. $paqafis$, лат. $nūdus < *noguodōs$ содержали группу $"gu"$.

Что касается греч. $lumvōs$, то, возможно, оно вообще не связано с корнем $*nog-$. Утверждение М. Граммона, что при изменениях общаев, развитии цивилизации понятие "голый" не изменяет-

ся, а потому не изменяется и слово для него (Grammont, 1909, с. 374), опровергается хотя бы русским голий, которое почти вытеснило из употребления нагой. Видимо, в этом понятии есть известная экспрессия. И чтобы усилить ее или, наоборот, избежать, возможны изменения слова. Может быть, греч. λυμός как-то связано с глаголом λύω "развязываю" (к греческой одежде это значение очень подходит), то есть λυμός - "раздетый". Ср. греч. λύομαι ζώνην, θώρακα, στολήν "развязываю, снимаю пояс, панцирь, одеяло", ἀπολύω κρήβεον "снимаю головную повязку", ὑπολύομαι ἐμβαδάς "снимаю с себя башмаки".

Кипрская форма ἀπολύματος (видимо, gen.sg. от *ἀπόλυμα) может быть сопоставлена с греч. λυγίζω "сгибаю, скручиваю" (Sturtevant, 1930, с. 222).

Анализ слова: γ-, λ- (отрицательная частица) + *υμός "одежды" (Juret, 1940, с. 211) не убеждает.

Истолкование следующей группы слов несколько сомнительно, но, поскольку оно вообще возможно, оно требует признания в ней группы "гуттуральный + ц". Лат. ūvidus "мокрый, влажный", ūveō "являюсь мокрым", ūvor "влажность". Греческое ὑρός "мокрый" заставляет реконструировать праформу с лабиовелярным g^u . Это решение подтверждается германскими формами, например, др.-исл. vokr, , асс. vokrvan "влажный, сырой". Правда, отсутствие "са-тэмных" параллелей оставляет в неизвестности, было это g^u исконным или восходит к $g+u$ (Walde, Hofmann, 1954, с. 849; Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 746; Frisk, 1970, с. 955-956; Chantaine, 1968-1980, с. 1151). Однако кельтские формы др.-ирл. úr "свежий, сырой", кимр. ir "сочный, свежий, сырой" могут восходить только к *ūgros. В полной степени также восстанавливается чистый велярный др.-ирл. féar "трава", кимр. gwair "сено" < *ūeg-r- (Osthoff, 1894, с. 283). Поэтому Г. Остгоф отрывал кельтские слова от лат. ūvidus и т.д., как кажется, без оснований. Предложенная им связь с корнем *suk^u-/*suek^u-/*suk^u- (ср. греч. ὀκός "сок") (Osthoff, 1894, с. 284) выглядит неправдоподобной. Начальное *sū- в кельтских языках дало бы не *u-, а v- (Brugmann, 1897, с. 329), поэтому Г. Остгоф считает исходной форму *wek^u-го-в > др.-ирл. féar. Однако в семье *suek^u- встречаются формы с начальным *sū- и *v-, но нет форм с начальным *u-. Следовательно, в латинских и германских словах надо реконструировать группу * -g^u-, возникшую благодаря присоединению к корню

*ceg-/*ūg- суффикса -ц-. Таким образом, и здесь можно отметить чередование суффиксов -u/-ro-: лат. *ūg-ц-eiō > ūveō и греч.

*ug-ro-s > ύρός.

Лат. fīvō, fīgō "втыкаю, прикрепляю". Относительно этого глагола было сделано два противоречащих друг другу предположения. С одной стороны, fīvō объявлялось вторичной формой, созданной по модели: unguō:ūnxi, а fīgō — исконной (Brugmann, 1897, с. 603; Walde, Hofmann, 1938, с. 495—496). С другой стороны, вторичной объявлялась форма fīgō, созданная по fīxi, fīxim, а fīvō — древней, восходящей к *fīg^uō (Ernout, Meillet, 1959—1960, с. 234). К. Бругман, считая fīvō, вернее, даже *fīg^uō, аналогической формой, опирался на греч. θιγγάνω "касаюсь". Сейчас это сопоставление отвергается, греч. θιγγάνω связывается с лат. tingō "касаюсь, леплю", др.-инд. déhi "скрепляю раствором", гот. digandin "κλάσαντι." (Dat. sg.) "слепившему" и т.д. Представителем этой же семьи является греч. τείχος "городская стена, вал". С точки зрения семантической греч. θιγγάνω, пожалуй, одинаково близко и к лат. tingō "леплю", и к лат. fīgō "втыкаю". С точки зрения словообразовательной греч. θιγγάνω, видимо, ближе к лат. tingō: и тут, и там носовой инфикс. Но вот с точки зрения фонетики сопоставление греч. θιγγάνω — лат. tingō небезупречно. Как известно, в словах, содержащих два придыхательных согласных звука, в греческом языке происходит диссимиляция первого из них (как и в древнеиндийском), ср. греч. παχύς, др.-инд. bahúh (и.-е. *bhng^hhú-), греч. πέθω, лат. fīdō (и.-е. *bheidhō) и т.д. Так как индоевропейская праформа восстанавливается в виде *dheigh-/*dhigh-, в греческом следовало бы ожидать *τιγγάνω, ср. τείχος. Поэтому и принимается предположение, согласно которому звонкий придыхательный после носового переходил в греческом в звонкий согласный, то есть *dhingh- > греч. θιγγ-, откуда по аналогии -γ- перешло и в аорист: θιγγεῖν "коснуться" вместо *τιγγεῖν (Chantraine, 1968—1980, с. 437). Однако, во-первых, сама такая аналогия была бы невероятна, ведь в греческом даже внутри одной парадигмы сохраняются различия придыхательных и непрдыхательных смыхных: θρίξ "волос" — τριχός "вóлоса", а аорист и презенс еще дальше отстояли друг от друга, в них нередки и супплетивные формы. Во-вторых, против самого перехода *-ng^h- > -γγ- говорят многочисленные примеры типа: греч. πυνθερός "тесть", πυνθάνομαι "выведываю, узнаю", τυγγάνω "по-

падаю, встречаюсь", ἐλέγχω "покрываю позором", ὀμφαλός "пупок", γόμφος "гвоздь", ἕγγελος "угорь" и т.д. Таким образом, сопоставление греч. θιγγάνω - лат. *tingō* выглядит не таким уж безупречным и, соответственно, сопоставление греч. θιγγάνω - лат. *fiḡō* получает больший вес.

Наиболее надежные соответствия у лат. *fiḡō* встречаются в литовском языке: *dýgti* "колоть", *dugùs* "колючий". Если допустить, что к корню **dhīg-* мог присоединиться суффикс *-u-*, сохранившийся в лит. *dugùs*, то лат. *fiḡō* может являться архаической формой, восходящей к *fiḡ-u-ō, ср. также *fībula* "застежка" < *fīguebla (Reichert, 1922, с.48). Греч. θιγγάνω и лит. *dýgti* представляют корень без распространения *-u-*.

Лат. *aqua* "вода", гот. *ahva* "река", др.-исл. *р*, др.-англ. *Ѡа* то же. Индоевропейская праформа восстанавливается в виде **ak^hā* или **ak^hā* (Walde, Hofmann, 1938, с.60). Несомненных "сатемных" параллелей нет, поэтому решить вопрос о природе гуттурального не так просто. Ведь названия рек лит. *Акѐлѐ*, рус. *Ока* вовсе не обязательно должны восходить к тому же корню (Фасмер, 1971, с.127). Как известно, некоторые ученые восстанавливали др.-инд. *aśvā "река", иран. *aśrā то же на основании арийских названий рек типа *śśva-rathā*, Ὑδ-ἄσπης, Ζαῖρ-ἄσπης, Ἰο-ἄσπης (Fay, 1896, с.3-7; Bonfante, 1934, с.225; Mayrhofer, 1956, с.62). Другие лингвисты, возражая против такого толкования, утверждают, что арийцы часто сравнивают реку с кобылицей, и потому название лошади в названии реки не удивительно, то есть речь идет о "лошадинных" гидронимах (Елизаренкова, Топоров, 1959, с.131; Порциг, 1964, с.304). Но этот аргумент может быть повернут и в другую сторону: арийцы сравнивали реку с лошадию именно потому, что в их языке названия той и другой совпали: **ek^hā* > др.-инд. *aśvā* и **ak^hā* > др.-инд. *aśvā*. Поэтому же из их языка и было в конце концов вытеснено слово *aśvā "река, вода". В названиях рек гораздо более обычными являются образования от корня со значением "вода" и т.п. (Solmsen, 1922, с.42-45), чем смелая метафора, причем неоднократно повторенная. Что касается гидронимов лит. *Аśvā*, рус. *Осва*, то, во-первых, связь рус. *Осва* с семьей **ek^hos* весьма сомнительна (Трубачев, 1960, с.48), а, во-вторых, лит. *Аśvā*, рус. *Осва* вполне могут отражать и.-е. **ak^hā* "вода, река". С точки зрения вокализма эта реконструкция даже точнее, чем реконструкция **ek^hā*.

Таким образом, видимо, есть некоторые основания восстанавливать праформу *ak_uā "вода, река", очевидно, образованную от корня *ak- "острый, резкий; быстрый". Что к корню *ak- мог присоединиться суффикс -u-, показывает лат. acus, -ūs "игла", ср. лат. ācer < * ācros "острый" (чередование -u-/-ro-). Как известно, нередко слова, называющие реку, ручей и т.п., бывают образованы от корней со значением "бежать, течь". Ср. лат. rīvus "река", ст.-сл. рѣка и гот. rīpan "бежать"; греч. ποταμός "река" и πίπτω "падаю", πέτομαι "лечу"; ст.-сл. токъ, потокъ и течи "бежать, течь" и т.д. (Buck, 1949, с.41-43). Тогда и.-е.*ak_u-ā можно понимать как "быстрая, бегущая (вода)". В согласии с этим предположением находится тот факт, что это слово в германских языках (гот. ahva др.-англ. ēa и т.д.) имеет значение "река", то есть "бегущая вода".

Лат. quercus "дуб", quercuētum "дубовая роща, дубрава". Из сопоставления с др.-в.-нем. forha "сосна", ferch "дуб", гот. fairguni "горы", галл. Hercūnia (silva) "Герцинский лес", лит. perkūnas "гром" восстанавливается праформа *perk_uus (Nirt, 1892, с.479; Wiedemann, 1904, с.3; Sproch, 1937², в, 10-11). Основа на -u- еще явно сохраняется в лат. quercus, gen.sg. quercūs, гот. fairguni, галл. Hercūnia, лит. perkūnas. Латинское начальное qu- возникло из *p- под влиянием последующего -qu-, ср. quercuētum. Поэтому в слове восстанавливается лабиовелярный, иначе бы *p- не перешло в qu-. Но тогда получается группа *-k_u-, которая не могла существовать в индоевропейском языке. Единственный выход из затруднения - предположить первичную основу *perk-. Распространенная посредством -u-, она принимает вид *perku-. В формах склонения перед гласными -u- > -ū- возникает группа -k_u-, например, N.sg. *perkus, Gen.sg. *perkūos, Dat.sg. *perkūei и т.д. (Kuryłowicz, 1935, с.17). А возникший таким образом в косвенных падежах лабиовелярный повлиял на начальный звук *p-, обусловив его переход в qu-. В дальнейшем лат. quercus перешло в главный тип склонения основ на -u- (Семереньи, 1980, с.189-190), но след группы *-k_u- сохранился в производном quercuētum и в начальном лат. qu- < *p-.

При таком понимании отпадают все сомнения в принадлежности галл. Hercūnia к этому же корню. О. Видеман считал, что в галльском следует ожидать *perp-, а не herc-, так как, во-первых, k_u в галльском должно было дать p, а, во-вторых, кельтским языкам

также свойственна ассимиляция $p-k^u > k^u-k^u$ (в кельтских языках $k^u > p$ (кроме ирландского), а и.-е. p исчезает) (Wiedemann, 1904, с.8-9). Но и.-е. * pek^u- вполне закономерно дало галльское $Heroc^u-$.

Возможно, но недоказуемо, что сюда же относится и греческое название острова $K\acute{e}p\eta\acute{\iota}\rho\alpha$ "Керкира" (Frisk, 1960, с.831; Chantraine, 1968-1980, с.520). Во всяком случае, и здесь перед нами группа $-k^u-$. Отклонение от норм греческой фонетики объясняется тем, что этот топоним был заимствован из догреческого субстрата.

Лат. $lupus$ "волк". Это слово так часто привлекало к себе внимание исследователей, что вся обширную литературу, ему посвященную, здесь нет возможности рассматривать. Лат. $lupus$ обычно сопоставляется с названиями волка др.-инд. $v\acute{r}kaḥ$, лит. $vilkas$, ст.-сл. в л ь к ъ, которые возводятся к и.-е. * ul^u- . В этом случае перед нами встают два затруднения: латинское $lu-$, не сводимое к * ul^u- , и латинское $-p-$, не сводимое к * $-k^u-$. Затруднения вызывают и греч. $λύκος$ "волк" ($λυ-$ < * ul^u- ?), и гот. $wulfs$ то же ($-f-$ вместо $-hv-$). Наиболее подходящим объяснением для лат. $lu-$, греч. $λυ-$ может быть индоевропейская метатеза * ul^u- > * $lu-$ (Brugmann, 1897, с.260; Schwyzler, 1934, с.352; Schulze, 1966, с.129,219; Lejeune, 1972, с.43-44). В данном случае метатеза могла быть вызвана еще и табуистическими изменениями слова. Но объяснить латинское $-p-$ вместо $-q-$ гораздо труднее. Обычно считается, что $lupus$ - это сабинское заимствование, которых немало в латинском языке, ср. лат. $bōs$ "бык", $porĭna$ "харчевня" и т.д. (Froehde, 1889, с.107; Osthoff, 1894, с.279; Eglout, 1909, с.68,195). Однако, как указал Й. Шриijnen, заимствование римлянами названия волка, при той огромной роли, которую играло это животное в римской мифологии, в высшей степени невероятно (Schrijnen, 1924, с.336-339). Кроме того, самнитское название волка было $hirpus$, а не $lupus$, на что тоже обратил внимание Й. Шриijnen (Schrijnen, 1924, с.339). Далее, замечателен тот факт, что в индоевропейском праязыке наряду с корнем * ul^u- реконструируется и корень * $ulp-$ /* $lup-$, также служащий для обозначения хищного животного семейства собачьих (лисы, шакала, волка) или даже других хищников. Сравест. $uturpis$ "собака", др.-инд. $lopāsāḥ$ "шакал, лиса", греч. $ἄλω-$

κῆ "лиса", лат. vulpēs "лиса", лит. lārė "лиса", vilpišys "дикая кошка" (Рокоту, 1949-1969, с. II 79). В эту же семью естественным образом может войти и лат. lupus "волк", и гот. wulfs то же (прагерм. *wulfaz), чье -f- тогда будет восходить непосредственно к индоевропейскому *-p- (Spiegel, 1864, с. 366-369; Müller, 1888, с. 315; Zupitza, 1896, с. I 6-I 7; Ferguson, 1912, с. 504; Schrijnen, 1924, с. 336). Мнение о том, что лат. lupus и гот. wulfs получили свое -p- вместо -k^u- под влиянием слов из семьи лат. vulpēs (Pisani, 1932^I, с. 87), только излишне усложняет картину. Точно так же выведение греч. λύκος < *luk^uos из скрещения форм *ul^uk^uo- и *lupo- (Lejeune, 1972, с. 43) не внушает доверия, так как -k^u- в *ul^uk^u- восстанавливалось только на основании лат. lupus, гот. wulfs. Если лат. -p-, гот. -f- закономерно восходят к индоевропейскому *-p-, то никаких следов лабиовелярного в оставшихся индоевропейских названиях волка не обнаруживается.

Этому противоречит тохарское В walkwe "волк", как кажется, восходящее непосредственно к и.-е. *ul^uk^uos. Однако трактовка лабиовелярных в тохарских языках настолько сложна, что здесь требуется небольшое отступление. А. ван Виндекенс, занимавшийся специально этой проблемой, сформулировал следующее правило: лабиовелярные выступают в виде "ku" (диалект А), kw/ku (диалект В), если они вводят последний слог слова, не находясь после r и перед i, e, i, u, u (но после иге. o > тох. А а в предшествующем слоге - для диалекта А). Примеры: тох. А saku "гной", тох. В sekwe то же < *sok^uos; тох. В walkwe "волк" < *ul^uk^uos (Windekens, 1969, с. 504-505).

Еще два примера, приведенных А. ван Виндекенсом, скорее всего, обязаны своим u/w рефлексу слогового носового: тох. В säkw/säku "счастье" < *sk^un-; тох. В šaṅkw "пасть, зев" < *seng^un (Windekens, 1969, с. 493, 495, 505). Ведь примечательно, что в тохарском А лабиовелярные выступают как ku в начале слова перед сонантами r, l, m, n (Windekens, 1969, с. 503; 1976, с. 90). Сам А. ван Виндекенс считает, что сонант этот был неслоговым, единственно на основании сопоставления тох. А kuryar "торговля", kuryart "торговец" с греч. ἐπρίψην "я купил" (Windekens, 1969, с. 503). Но, как будет показано ниже, есть некоторые основания считать, что в данном случае перед нами чередование *kur-/k^ur-, аналогичное чередованию *gun-/g^un- в

греч. γυνή — беот. βουή "женщина". Тогда не придется возводить тох. В kätu- "покупать" к *k^urii-, тох. В kām- "приходить" к *g^um- и т.п. (Windekens, 1969, с.508-509). Мнение о двойной трактовке тохарских слоговых плавных и носовых защищал В.И.Георгиев (*r > тох. äx/ur и т.д.) (Георгиев, 1958², с. 8-10).

Итак, остаются два примера в пользу сохранения индоевропейского лабиовелярного в тохарском. Но почему лабиовелярный не мог сохраниться после r? Неизвестно. Ведь после l (тох. В walkwe), n (тох. В saikw) он сохраняется. Очевидно, этот пункт введен в "правило", чтобы объяснить примеры: тох. А arkant-, тох. В erkent- "черный" < *org^uont-; тох. А yärk, тох. В yärke "почитание" < *erk^uos (Windekens, 1969, с.511).

Далее, непонятно, почему бы не сохраниться и начальному лабиовелярному? Но нет ни одного случая, когда начальный индоевропейский лабиовелярный был бы представлен в тохарском как kw перед гласным. Ср. тох. В kā "почему" < *k^ua; тох. А kātš, тох. В kātso "живот" < *g^uōti-; тох. В kes- "гасить" < *(s)g^uos-; тох. А ko, тох. В keu "корова" < *g^uōu- и т.д. (Windekens, 1969, с.509)

Наконец, странным кажется и то, что лабиовелярные должны были утратить губной призвук перед e, i (Windekens, 1969, с.502). Ведь именно в этой позиции во всех языках "кентум" они лучше всего противопоставлялись велярным.

Итак, во всех "кентумных" языках делабиализация лабиовелярных находится в зависимости от соседства с u/ū, во многих — от положения перед o, согласным, но ни в одном языке — от соседства с r, e, i или от места в слове. Поэтому следует предположить, что лабиовелярные в тохарских языках регулярно переходили в чистые велярные, и потому сохранение их в тох. В walkwe, sekwe нуждается в объяснении.

Выше было высказано предположение, что лабиовелярный в названии сока возник благодаря наличию u в начале слова в ступени *w^u-ok-ov > *w^uok^uov > *w^uok^uov > *w^uok^uov > греч. ὀκός "сок"; тох. А saku, тох. В sekwe "гной". Тогда можно предположить, что в тох. В walkwe сохранилось -u-, обязанное своим возникновением воздействию начального u-. Такое сохранение поздней группы "гуттуральный + u" наблюдается в тох. А maku "ногти", тох. В makwa то же; тох. А yuk "лошадь", тох. В yakwe то же. В этом случае -kw- в тох. В walkwe является не рефлексом и.-е. -k^u-, а продуктом собственно тохарского разви-

тия: *ul̥kos > *ul̥kuos > тох. В walkwe.

Следовательно, греч. λύκος, др.-инд. vṛkaḥ, лит. vilkas, ст.-сл. в л ь к ъ могут восходить непосредственно к и.-е. *ul̥kos/*lukos.

В названии волка предполагался корень *uel- с суффиксом -k- (ср. греч. ἔλιω "ташу", лит. velkù то же, ст.-сл. в л ь к ъ < *(s)uelk- (Chantraine, 1968-1980, с.340)), то есть волк понимался как "таскающий" (Sprecht, 1939, с.26). Ср. у Гесиохия: греч. ὄλιος* λύκος "волки" и ὄλιος* οἱ τῶν ὄφεων σαρμοί. καὶ αἱ μηχαναί, δὲ ὧν αἱ νῆες νεωλιούνται "следы змей и сооружения, с помощью которых корабли вытаскиваются на сушу", ὄλιος* τὸν ἔλιοντα κλοῖον "буксирное судно", ὄλιος* ὁδός "дорога"; та же связь у русск. волк и волок ('волокуша', 'дорога вообще' и др.-СРНГ) - с волоку (генетически связано с греч. ἔλιω). Следовательно, при корне *uel- могли быть распространители -k- и -p-. Итак, две основы от одного корня могли выступать в следующих видах: *ul̥k-/*luk-/*ul̥p-/*lup-. Видимо, к этой же семье может быть отнесено и название рыси, имеющее поразительное сходство с названием волка: др.-в.-нем. luhs "рысь" (< прагерм.*luhaz < и.-е. *lukos, ср. греч. λύκος < и.-е. *lukos), лит. lūšis "рысь", рус. рысь < *льсь < *lūkis, греч. λύξ "рысь" (Müller, 1888, с.316; Frisk, 1970, с.144). Относительно значения ср. лит. vilpišys "дикая кошка". Получается следующая картина:

*ul̥k-o- > др.-инд. vṛkaḥ, лит. vilkas, ст.-сл. в л ь к ъ;

*lu-k-o- > греч. λύκος, др.-в.-нем. luhs;

*lū-k-i- (с палатализацией к перед i) > лит. lūšis,

рус. рысь;

*lu-p-k- > греч. λύξ;

*ul̥p- > лат. volpēs, лит. vilpišys, гот. wulfs;

*lu-p- > лат. lupus.

Лат. frequēns "частый, полный", farciō "набиваю, наполняю". Обычно с этими словами сопоставляются греч. φράσσω (< *φρά-ιω "огораживаю", φράγμα "ограждение", φράγμος "забор, перегородка" и т.д. (Walde, Hofmann, 1938, с.456-457; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.217). Тем более удивительно, что в словаре Ю. Покорного дана праформа *bharek^u-/*bh_grek^u- (Pokorny, 1949-1969, с.110-111). Если сравнение с греческими словами верно (а это сравнение единственно возможное), то нам следует восстановить

чистый велярный *k* : **bhar-k-*/**bhr-ek-*, причем *-k-* не входит в состав корня, а является суффиксом, так как, по замечанию А.Мей (корень, начинающийся на звонкий придыхательный, не кончается на глухой согласный (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.217). Может быть реконструкция *-k-* подтверждает др.-инд. *bhṛśāṅ* "сильный, частый, обильный" (Lewy, 1913, с.159; Mayrhofer, 1963, с.523). Следовательно, в лат. *frequēns* надо выделить суффикс *-uent-* (Lewy, 1913, с.159).

Лат. *siat* "мочится". Общепринятыми сопоставлениями служат греч. ἴζαλ· διηθήσαλ Hes "процедить", ἰμῶς "влага", ἰμυαλέος "влажный", др.-в.-нем. *sīhan* "цедить", др.-инд. *siñcāti* "льет", ст.-сл. с ѡ ц а т и. Корень может быть восстановлен в виде **seik-*/**sik-*, лат. *sicāre было заменено на *siāre* под влиянием *miāre* "мочиться" (Solmsen, 1912-1913, с.469). Ю. Покорный, однако, восстанавливает праформу **seik^u-* (Pокорный, 1949-1969, с.893-894), видимо, без достаточных оснований. Греч. τρύφος "цедильный мешок для вина", скорее всего, относится к основе **seip-*, ср. др.-в.-нем. *sib*, др.-англ. *sefe* "сито", др.-инд. *sipiti* "струится" (Schwyzer, 1934, с.299; Frisk, 1970, с.935). В то же время греч. ἰμῶς, ἴζαλ и т.д. говорят в пользу чистого велярного. Кажется, что лабиовелярный удостоверяют кельтские имена собственные, например, галл. *Bēquana*. Но ведь в галльском языке лабиовелярные регулярно переходили в губные. Поэтому, даже если *Bēquana* и принадлежит к той же семье (что необязательно), это слово, скорее всего, показывает вторичную группу *-k^u-* (Loth, 1894, с.98-99).

Лат. *aula* "горшок". На основании сопоставления с др.-инд. *ukhā* "котелок", гот. *aūhns* "печь", др.-англ. *ofen*, др.-в.-нем. *ovan*, греч. ἰπνός "печь, очаг" корень реконструировался в виде **auk^u(h)-*: **uk^u(h)-*: **uek^uh-* (Walde, Hofmann, 1938, с.84; Pокорный, 1949-1969, с.88; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.33). При этом, однако, реконструкция глухого придыхательного лабиовелярного сразу не внушает доверия. В пользу лабиовелярного говорили греч. ἰπνός и германские формы с губным согласным, который, впрочем, не является регулярным рефлексом индоевропейского лабиовелярного. Кроме того, трудности вызывал вокализм греческого ἰπνός. Попытка объяснения Э.Швицера: **uk^u-nos* > **huk^unos* > ἰπνός (Schwyzer, 1934, с.258) неудачна, так как после *u-* в

греческом $-k^u$ должно было перейти в $-k-$.

После расшифровки крито-микенских табличек выяснилось, что $\dot{\iota}p\acute{o}\varsigma$ отражено в них как $i-ro-no$, и, следовательно, о лабиовелярном не может быть и речи. Губной согласный в др.-англ. *ofen*, др.-в.-нем. *ovan* также является закономерным рефлексом индоевропейского p . В таком случае для реконструкции $*auk^uh-$ нет никаких оснований. Лат. *aula* восходит к $*auksla$, ср. лат. *auxilla* "olla parvula" ("маленький горшочек") (Нидерман, 1949, с. 124-125).

Лат. *fluō* "теку", перфект *flūxī*. Обычно восстанавливается праформа $*bhleug^uō > *flū(v)ō$, ср. греч. $\phi\lambda\upsilon\zeta\epsilon\iota\nu$ "бить ключом" (будущее время $\phi\lambda\upsilon\zeta\omega$); $\phi\lambda\upsilon\tau\alpha\iota\nu\alpha$ "прыщ, волдырь, пузырь", $\omicron\lambda\nu\acute{o}\phi\lambda\upsilon\zeta$ "пьянствующий", то есть предполагается корень $*bhleu-$ "изобиловать, пухнуть" с распространением $-g^u-$ (Walde, Hofmann, 1938, с. 519-520). Однако лабиовелярные, как уже говорилось, не встречаются в суффиксах, и лат. *cōnflūgēs* "сливающиеся воды" говорит в пользу индоевропейского $-g-$. Тогда можно предположить, что лат. $*flūgō$ было заменено на *fluō* под влиянием $*fūō$ "теку" ($*stēu-$, ср. греч. $\acute{\rho}\epsilon\omega$ "теку", рус. струя), впоследствии вытесненного из латинского языка (Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 242-243), или что перед нами презенс на $-uō$: $*bhleug-uō$, или, наконец, что лат. *fluō* непосредственно сопоставимо с греч. $\phi\lambda\upsilon\omega$ "бью ключом, klokoču, теку в изобилии", ст.-сл. б л ю $\dot{\iota}\dot{\zeta}$, а лат. *flūxī* и т.п. восходят к расширенной основе $*bhleug-$.

Лат. *linquō* "оставляю". У этого слова много соответствий в индоевропейских языках, во всех случаях реконструкция корня $*leik^u-/*lik^u-$ выглядит бесспорной. Если предположить, что группа $-k^u-$ в конце корня возникла в очень отдаленное время и что следов этого $-u-$ не осталось, кроме, может быть, др.-инд. $rekūh$ "плодородный, обильный", то корень $*leik-/*lik-$ без распространения $-u-$ можно увидеть в лат. *licet* "позволено", *liceō* "продаюсь, стою" с обычным переходом значения "оставлять" > "позволять". В этом случае у лат. *licet* появляется много соответствий, в то время как до сих пор оно было абсолютно изолированным. Ср. также др.-инд. *ric-* "продавать, отдавать за цену" (Vaníček, 1881, с. 238; Planta, 1893, с. 340-341).

На этом рассмотрение лабиовелярных в конце корня заканчивается. Нерассмотренными остались корни $*eug^uh-$ (греч. $\epsilon\upsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$

"обращаюсь с мольбой", лат. *voveō* "даю обет"), **pek^u*- (греч. πέσσω "пеку", лат. *coquō* то же), **uek^u*- (греч. ἔπος "слово", лат. *vōx* "голос"), **uog^uh-* (греч. ὄνις "лемех", лат. *vōmis* то же) (ассимилятивное воздействие начального губного?), **alg^uh-* (греч. ἀλφή "заработок") **dheg^uh-* (греч. τέφρα "зола, пепел", лат. *foveō* "грек"), **eng^u*- (греч. ἄρν "железа", лат. *inguen* "пах"), **iēg^u*- (греч. ἦβη "юность"), **neg^uh-go-* (греч. νεφροί "почки", лат. диал. *nefrōnēs* то же), **ong^u*- (лат. *unguō* "мажу"), **reg^u*- (греч. ἔρεβος "мрак, тьма"), **sek^u*- (греч. ἑπομαι "следую", лат. *sequor* то же), **seng^uh-* (греч. ὄμφη "голос, пение"), *(s)*lag^u*- (греч. λαμβάνω "беру"), **sneig^uh-* (греч. νίφα (Acc. sg.) "снег", лат. *pinguit* "идет снег") и некоторые другие, с недостаточно надежной этимологией. Для них оказалось пока невозможным обнаружить какие-либо следы того, что их лабиовелярный происходит из чистого велярного. В принципе этого следовало ожидать, ведь не каждый палатальный звук можно аргументированно вознести к велярному в любом слове, но это не опровергает гипотезу Г.Хирта. А раскол велярного ряда на лабиовелярный и велярный восходит к еще более древней эпохе. В заключение — несколько цифр. Всего в конце корня лабиовелярный восстанавливался в латинском и греческом языках (по данным словарей) примерно в 50 случаях. Из них приблизительно в 30 с большей или меньшей степенью надежности восстанавливается чередование типа *k^u/k* или *k^u/ku*, где лабиовелярный *k^u* может восходить к группе "*k + u*", *g^u(h)* — к группе "*g(h) + u*".

Глава III. Лабиовелярные в начале корня в греческом и латинском языках

Всего в греческом и латинском языках лабиовелярный восстанавливается в начале корня (по данным словарей) примерно в 52 случаях. Из них в 29 случаях корень содержит сонант, преимущественно плавный, редко носовой. Уже это обстоятельство говорит о возможной связи между лабиовелярными и сонантами. Далее, характерно, что очень многие случаи так называемой "непоследовательной кентумности" приходится как раз на корни, содержащие сонант. Например, греч. βελόνη "игла", δέλλιθες "осы" — др.-ирл. *galar* "болезнь", кимр. *galar* "скорбь, плач" (*g^uel-/ *gel-); греч. βάλανος "желудь", лат. *glāns* то же — греч. γαγγλίον "опухоль", γέλυς "головка или зубчик чеснока", лат. *galla* "чернильный орешек" (*g^uel-/ *gel-); греч. δελφύς "матка" — галл.-лат. *galba* "толстяк", др.-в.-нем. *kilbur* "овцематка" (*g^uel-bh-/ *gel-bh-); греч. βέλεαρ "приманка, наживка" — др.-ирл. *gelim* "пожираю" (*g^uel-/ *gel-); греч. γυνή, θεοτ. βαυά "жена, женщина" — греч. γίγνομαι "рождаюсь", лат. арх. *genō* "рождаю" (*g^uen-/ *gen-); греч. βιβρώσκω "пожираю", лат. *vorō* то же — греч. γέργυρος "дыхательное горло" (*g^uer-/ *ger-); греч. θερμός "горячий", лат. *fortius* то же — лит. *žagūjos* "пылающие угли", др.-прусск. *sari* "жар" (*g^uher-/ *gher-); греч. κέλομαι "двигаюсь, устремляюсь" — κέλομαι "подгоняю, побуждаю, двигаю" (*k^uel-/ *kel-); лат. *fel* "желчь" — греч. χόλος то же (*g^uhel-/ *ghel-) и т.д. Конечно, можно во всех подобных случаях видеть похожие по значению и форме истинно различные корни, но это уже будет скорее *petitio principii*, чем истинное решение проблемы. В этом случае мы рискуем оказаться в порочном кругу, формулируя на основании некоторых сопоставлений звуковые законы, а потом проверяя и подтверждая эти законы теми же самыми сопоставлениями, как писал Э.Цупица (Zupitza, 1904, с.387).

Если же принять приведенные выше и подобные сопоставления, то связь между "непоследовательной кентумностью" и наличием в корне плавного (или носового) сонанта бросается в глаза. Это наблюдение было сделано уже давно. Ф.Рибеццо, Г.Райхельт, В. Георгиев по-разному пытались объяснить это явление. В.Георгиев

ев постулировал делабиализацию лабиовелярных в позиции перед смичным, сонантом и даже слоговым сонантом (носовым или плавным) (Георгиевъ, 1932, с. 71-86, 98), что и вызвало чередование велярного и лабиовелярного звуков в одном корне. Эта гипотеза была встречена весьма скептически (Kretschmer, 1937, с. 65; Sprech, 1937^I, с. 172) и в настоящее время должна быть оставлена (см. с. 68-69). Сам автор даже не упоминает о ней в своих последних работах, посвященных индоевропейским гуттуральным (Георгиевъ, 1958^I, с. 28-57; Georgiev, 1981, с. 41-62).

Ф.Рибеццо и Г.Райхельт придерживались точки зрения о вторичности лабиовелярных по отношению к чистым велярным. Ф.Рибеццо связывал наличие "непоследовательной кентумности" преимущественно в корнях, содержащих плавный сонант, с тем, что лабиовелярные возникали как раз в этих корнях, в позиции перед слоговым сонантом. Правда, с ходом его рассуждений согласиться трудно. Он постулировал, что любой индоевропейский корень структуры Ter, Tel (где T - любой согласный) мог иметь дублет с так называемым "vau mobile" - $T_{\underline{e}r}, T_{\underline{e}l}$. Соответственно, в нулевой ступени корень приобретал вид $T_{\underline{r}}/T_{\underline{r}}$, то есть $k_{\underline{r}}/k_{\underline{r}}$, $g_{\underline{r}}/g_{\underline{r}}$ и т.д. А далее вариант $k_{\underline{r}}$ сообщал тембр и тому неопределенному гласному, который сопровождал слоговой плавный. Так возникли лабиовелярные звуки (Ribezzo, 1903, с. 105-112). Но дело в том, что "vau mobile" - это исключение, а не правило, и вводить его во все корни поэтому вряд ли допустимо. Группы $T_{\underline{r}}$ могли упрощаться уже в индоевропейскую эпоху (Solmsen, 1901, с. 197-209), но обратное развитие: $t -> T_{\underline{r}}$ абсолютно невероятно. Кроме того, если корень ter имел дублет $t_{\underline{e}r}$, соответственно существовали и $t_{\underline{r}}/t_{\underline{r}}$, то почему не возникло лабиодентальных звуков (что-то вроде $t^{\underline{h}}$, $d^{\underline{h}}$, $d^{\underline{h}h}$)? Видимо, объяснение Ф.Рибеццо не может быть принято, но его наблюдение остается очень ценным.

Г.Райхельт выдвинул четыре возможные причины для возникновения лабиовелярных из чистых велярных: ассимиляция губному согласному, входящему в состав того же или синонимичного корня (Reichelt, 1922, с. 65-74); диссимиляция по отношению к i , входящему в состав корня (Reichelt, 1922, с. 74-76); развитие губного призвука в сочетаниях "носовой + велярный" (Reichelt, 1922, с. 79-80) и, наконец, положение перед слоговым плавным или носовым. В этой позиции слоговой сонант выступает в виде u_r, u_1, u_n . Далее,

по аналогии с сочетаниями ur , ul , un , которые могут принимать вид ur , ul , un , а также в полной степени выступают как uer , uel , uen , развивается звук $\bar{u}$, воспринимаемый как составная часть предшествующего веларного. То есть $gr > g^u r > g^u \bar{r}$ или $gr > g^u r / g^u er$ (Reichelt, 1922, с.76-78). Данное объяснение убедительно в том плане, что оно не прибегает к исчезнувшему "van mobile", основывается на реальных рефлексах слоговых плавных в разных индоевропейских языках. Известно, что рефлекс слогового плавного с огласовкой u появляется в германских, славянских, балтийских, древнеиндийском языках. Однако гипотеза Г.Райхельта уязвима в двух отношениях. Во-первых, если отражение слогового плавного с огласовкой u было свойственно всем индоевропейским языкам, то почему лабиовеларные развились только в языках группы "кентум"? Во-вторых, почему в позиции перед слоговым плавным дентальные смычные не переходили в лабиодентальные? Все же думается, что именно гипотеза Г.Райхельта способна дать правильный ответ на вопрос о причинах и способе возникновения индоевропейских лабиовеларных.

Прежде всего, как говорилось выше, следует признать общеиндоевропейский статус лабиовеларных. Далее следует обратиться к индоевропейским слоговым плавным. Вопрос этот очень сложен и вполне заслуживает быть темой самостоятельного исследования. Здесь он будет затронут лишь в самых общих чертах. При всей простоте отражения слоговых плавных (и носовых) в индоевропейских языках обращает на себя внимание тот факт, что гласный u при рефлексе слогового плавного выступает и в языках группы "кентум", и в языках группы "сатэм": в германских, славянских и балтийских (наряду с i), древнеиндийском (перед гласным, наряду с i) языках. Напротив, рефлексы с огласовкой i обнаруживаются только в "сатэмных" языках (наблюдение Ю.В.Откупщикова), а из "кентумных" в кельтских, где $g > gi$. Но поскольку здесь гласный стоит после сонанта, а не перед ним, как обычно бывает, кельтское $gi < g$ можно считать поздним продуктом самостоятельного развития. Кроме того, как уже давно было замечено, иногда гласный u выступает при рефлексе слогового сонанта в армянском, греческом, латинском, кельтских, тохарских, фракийском, хеттском языках (Brugmann, 1897, с.453-455; Георгиев, 1958¹, с.91-92, 123; 1958², с. 8-10; Иванов, 1963, с.90-91; Напр, 1983, с.12,22). Например,

арм. *ekul* "он проглотил" (*g^u₁-), кур "корм" (*g^u_r-), лат. *gurgēs* "бездна" (*g^u_r-), *gula* "глотка" (*g^u₁-), др.-прусс. *gurcle* "глотка", рус. *горло* < *g^u_rdlo (*g^u_r-), греч. ἄγυρις "собрание", ст.-сл. Г р ъ с т ъ, рус. *горсть*, ср. греч. ἀγείρω "собираю" (*g_r-/*ger-), греч. μύλη "мельница", μύλλω "растираю", ср. рус. *мелью* (*ml-/*mel-) и т.д. Поскольку такое отражение слоговых сонантов является нерегулярным, спорадическим, оно должно представлять собой лишь остатки древнего состояния. Интересно, что *ur, ul* как отражения *r, l* выступают в греческом, латинском, древнеиндийском, балтийских и славянских языках преимущественно после губных и гуттуральных звуков (Reichert, 1922, с.62-64). Мнение о том, что *ur, ul* отражают губной призвук только лабиовелярных и губных (Семереньи, 1980, с.79-80, 162), не подтверждается: ср. греч. ἄγυρις "собрание" и ἀγείρω "собираю", κίρτος "верша из камыша, клетка" и κάρταλος "корзина", др.-прусс. *kurwis* "бык" и греч. κέρας "рог" и т.д.

Итак, призвук *u* при рефлексе слогового сонанта после гуттуральных и губных согласных характеризует почти все известные индоевропейские языки, как "сатамные", так и "кентумные". Тогда если вспомнить давно высказанную гипотезу о том, что на месте слогового плавного или носового на самом деле звучал некий редуцированный гласный, сопровождаемый согласным плавным или носовым (Schmidt, 1895; Schmidt-Wartenberg, 1896; Кацнельсон, 1954, с.47-49; Фортунатов, 1956, с.238-255), то можно сделать предположение, что звук *u* и был этим редуцированным гласным, свойственным еще общеиндоевропейскому праязыку. В самом деле, ведь *i* и *u* — это самые напряженные, краткие гласные, и на роль редуцированного они подходят больше всего. Далее, *u* — огубленный гласный, поэтому он мог появляться после губных. Но он еще и задний гласный, поэтому он мог появляться и после гуттуральных, самых задних из согласных звуков. Напротив, зубные по месту образования ближе всего к звуку *i* и потому после них призвук *i* при рефлексе слогового сонанта был бы не удивителен.

Можно предположить, что слоговые сонанты были неустойчивыми звуками, которые могли распадаться на гласный призвук и сонант и снова объединяться в слоговой сонант. Ср., например, развитие слоговых плавных в славянских языках: и.-е. *r̥ > прасл. *^hr̥ > *^hr̥ > *^hr̥ > рус. *ор* (Бернштейн, 1961, с.207, 271).

В корнях типа ker в нулевой ступени $k_{\circ}r$ переходило в k^u_r . В дальнейшем, может быть, чисто фонетически, а не под влиянием аналогии с группой kur , как полагал Г. Райхельт, $k^u_r > k^u_{\circ}r$ (метатеза гласности, как в славянских языках) (предположение Ю. В. Откупщикова). Так возникли лабиовелярные звуки. Под действием аналогии они проникли в полную ступень корня $k^u_{\circ}r/k^u_{\circ}er$. Но аналогия могла действовать и в другую сторону, тогда возникало отношение $k_{\circ}r/ker$. В дальнейшем слоговые плавные снова могли распадаться на гласный призвук + сонант, но гласный был уже другим. Интересно, что в "сатэмном" ареале большое распространение получил гласный i : балто-славянское ir , il , др.-инд. ir перед гласным, алб. ri/ir . Не исключено, что такое отражение слоговых плавных в "сатэмном" ареале как-то связано с позднейшей палатализацией велярных звуков, ср. $*k_{\circ}r-nā > *k^i_{\circ}r-nā > ст.-сл. сьрн а$ (гипотеза Ю. В. Откупщикова).

Почему в результате отражения r как u_r развились только лабиовелярные, а не лабиодентальные и не лабиолабиальные звуки? Что касается зубных звуков, то после них как раз рефлексы ur, u_l почти не засвидетельствованы. Весьма возможно, как уже говорилось, что после зубных у слоговых сонантов развивался призвук i , ср. др.-инд. $tirāti$ "проникает насквозь", ст.-сл. $т ъ р ѣ$ "тру". Поэтому лабиодентальные t^u и т.д. просто не могли возникнуть. После губных нормальным рефлексом r, l было u_r, u_l , но поскольку губные и без того являются губными звуками, то к их артикуляции от этого ничего существенно нового не прибавилось, и они остались без изменения: $bhr > bh^u_r > bh^u_{\circ}r > bhr$, ср. развитие $*bh_{\circ}r > *bh-$ в греч. $φῆτυ$ "побег, отпрыск" ($*bh_{\circ}r_{\circ}itu$) от $φῆω$ "расту".

Каким же образом вновь возникшие лабиовелярные звуки фонологизировались? Думается, что на этот вопрос ответить нетрудно. Группы "гуттуральный + u ", видимо, по своему произношению были очень близки ко вновь возникшим лабиовелярным, ведь их рефлексы практически не различаются ни в одном из языков группы "нентум". Вследствие этого сходства они совпали, а поскольку группы " $k_{\circ}$ " могли выступать в тех же позициях, что и чистый k , новые лабиовелярные звуки стали фонемами. Так возникло противопоставление:

$k^u_{\circ}r$	k^u_e	k^u_i	k^u_o	k^u_a	(из $k_{\circ}e$ и т.д.)
	ke	ki	ko	ka	ku kt

В дальнейшем под влиянием аналогии веларные проникли в позиции перед слоговыми сонантами, а лабиовеларные — в полную ступень корня, перед гласным е или о. Не исключено, что некоторую роль в поддержке вновь возникших лабиовеларных фонем мог сыграть какой-нибудь субстрат, где такие фонемы были.

Самое уязвимое место этой гипотезы — хронология. Каким образом могли сохраниться старые рефлексы слоговых сонантов в виде *ur*, *ul*, *up*, *um* наряду с новыми рефлексами? Можно предположить, как сделала Г. Райхельт, что переход $u_r > u_r^u$ был не фонетическим, а аналогическим и в одних случаях происходил, а в других нет. И там, где он происходил, возникали новые плавные слоговые сонанты, потом давшие новые, регулярные, рефлексы. Но в такую мощь аналогии трудно поверить, тем более что слишком мало было образцов для нее. К тому же как тогда объяснять дублиеты типа *kur*-/ k^u_r в таких случаях, как лат. *gurdus* "глупый, тупоумный" — греч. βραδύς "медленный, тупой", лат. *furnus* "хлебопекарная печь" — *forpnus* "нечь", греч. γυνή "жена, женщина" — беот. βανῆ то же?

Можно предположить, что развитие группы u_r шло в двух направлениях параллельно: либо гласность полностью переходила к сонанту, тогда $u_r > u_r^u$, либо носителем гласности становился призвук *u*, тогда $u_r > ur$ (в случае u_r , следовательно, гласность была равномерно распределена между двумя элементами: u_r^u). Тогда возможно развитие: $kr > k^u_r > kur/k^u_r$, что и привело к образованию пар типа греч. γυνή < *gunē и беот. βανῆ < * $g^u_r nā$, лат. *gurdus* < *gurdus и греч. βραδύς < * $g^u_r dus$ и т.д. Таким образом может объясняться наличие в греческом рефлекса слогового r в виде *ur* при регулярном $\alpha\rho/\alpha$, в латинском — рефлекса *ur* при регулярном *or*, в армянском — *ur* при регулярном *ar* и т.д. Интересную картину показывают балто-славянские языки, где наряду с закономерным *ir* часто выступает рефлекс *ur*, причем фонетических объяснений этого явления обнаружить не удается (Чекман, 1976, с.21).

Для проверки этой гипотезы в данной главе будут рассмотрены слова, содержащие лабиовеларный в начале корня. Материал был отобран по этимологическим словарям, предпочтение было отдано наиболее надежным сопоставлениям. Группы "гуттуральный + *u*" в начале корня рассматриваться не будут (за одним исключением),

так как их совпадение с лабиовелярными в этой позиции признается всеми.

Исключение — это корень *k_uā- > греч. πᾶ-, в производных которого беот. ταππατά (понимаемое как τὰ ππάτα, N₂-Acc.pl. от πᾶα "владение, имущество"), именах собственных беот. Θι-όπκαστος, Γυνόπκαστος видят свидетельство в пользу перехода и.-е. *k_u- > греч. -π- (Schulze, 1895, с. 318-320; Brugmann, 1897, с. 312; Bechtel, 1921, с. 256, 258; Schwyzer, 1934, с. 301; Frisk, 1970, с. 507-508; Lejeune, 1972, с. 83-84; Chantraine, 1968-1980, с. 882-883 и др.). Однако гемината в абсолютном начале слова τὰ ππάτα совершенно невероятна. Поэтому уже давно слово было интерпретировано как τ' αππατά < *τ' αν(α)πατά, ср. ἀππασόμενος = ἀναππασόμενος (Reichert, 1922, с. 45-46; Lejeune, 1972, с. 84).

Если два оставшихся имени собственных свидетельствуют в пользу перехода *k_u- > -π-, то против него говорят принадлежащие тому же корню греч. πέπᾶαι, ἐπᾶσᾶμην, κατεπᾶσαστο, ἐμπιπᾶσᾶμαι, ἐχέπᾶμον (γένος), ἐπᾶματίς, имена собственные Εὐπᾶτᾶς, Καλλιπᾶτᾶς, Εὐκαστος и гомеровское полупᾶμονος (Gen. sg.) "очень богатого", в котором долгота и краткость слогов удостоверяют отсутствие геминаты (~~~~). В других греческих словах, содержащих группу *k_u, *g(h)u, геминаты также не обнаруживаются:

фесс. πεφειράκιοντες, φιλόφειρος (*gh_uer-, ср. ст.-сл. з в Ъ р ь);
παφάσσω, διαφάσσειν διαφαίνειν Нев. (*gh_uok^u-/*gh_uek^u-, ср. лит. žvākė "свеча");
ἄφитός, ἄφινтрός (*gh_uoig^u-, ср. ст.-сл. з в Ъ з д а);
φλίβω (*bhlīg^uō, ср. лат. flīgō, ст.-сл. б л и з ь);
καταπάσσω, ἀλίπαστος и т.д. (*k_uet-, ср. лат. quatīō, лит. kutėti).

Таких примеров гораздо больше, чем примеров с геминатой, причем они из разных диалектов. Объяснение такого количества отклонений аналогией (Brugmann, 1900, с. 261-262) явно неправдоподобно.

Примеров перехода *k_u- > -π- всего два, и оба они — из беотийского диалекта. Именно в беотийском засвидетельствованы формы с ассимиляцией -μπ- > -π-: ἔππαα, ἔππασις, ἀππασόμενος (Lejeune, 1972, с. 146-147, 313). Поэтому можно предположить, что

перед нами имя из трех основ: *θεο-εγ-παστος > *θεο-εππαστος > >θειοππαστος. Таких имен в греческом очень мало, но они есть, ср., например, Ἀνέγγιλης, Ἐμπεδοκλῆς, Εὐάρχιππος, Εὐδῆμιππος, Εὐέμπολος, Ἰππαρόδωρος, Κλεέμπορος, Φιλάμβουλος, Χαροπί(δο)δαμος и т.д. (Bechtel, 1917). Имена из трех основ были и в древнеиндийском языке (Milewski, 1969, с. 29-30).

То, что *ἔππαστος могло существовать, показывают ἔμπᾱσις (корк., мег.), ἰνᾱσις (арк.), εἰπᾱσις (беот.), ἔππᾱμα (беот.), ἔμπᾱσιομαι (арг.). Если допустить, что *ἔππαστος существовало в качестве имени наряду с πᾱστος (ср. Ἐπίτιτος наряду с Κτήτος), то возможно, что все это имя и вошло составной частью в имя сына его носителя, то есть θειοππαστος *ἔππαστου, как Εὐδῆμιππος Εὐδῆμου. Думается, в качестве гипотезы это объяснение выдвинуть можно. Если за девянсто лет объяснить имена θειοππαστος, Γυνοππαστος регулярными процессами не удалось (переход -κϰ- > -πϰ- вызывает слишком много возражений, гипокористическое происхождение геминаты тоже невероятно), то, наверное, по обычным канонам они и не объяснимы. Во всяком случае, мнение о переходе и.-е. -κϰ- > греч. -πϰ- должно быть, наконец, оставлено.

Теперь перейдем к лабиовелярным в начале корня в греческом и латинском языках.

Греч. βαίνω "иду, хожу", лат. veniō "прихожу". Многочисленные индоевропейские соответствия позволяют с несомненностью восстановить индоевропейский корень в виде *g^uā-/*g^uem-, правда, отношение двух этих форм друг к другу остается неясным (Frisk, 1960, с. 210). Примеры "непоследовательной кентумности" привести для этого корня, пожалуй, невозможно, поскольку греч. γαμέω "женюсь" сюда явно не относится (Георгиев, 1932, с. 85; Kretschmer, 1937, с. 65; Sprocht, 1937^I, с. 172-173). Однако некоторые данные могут, как кажется, косвенно говорить в пользу вторичности лабиовелярного в этом корне.

Прежде всего, корень *g^uem- содержит носовой сонант, который мог становиться слоговым в нулевой ступени: *g^uṁ-. Следуя изложенной выше гипотезе, можно предположить, что g^u возникло из g в позиции перед u_ш, то есть *gṁ- > *g^uṁ- > *g^uṁ-/ *gum-. Примеры с огласовкой u у сонанта ш можно найти в германских языках, что закономерно (ср. др.-англ. cuman "приходить" наряду с гот. quman то же), и в тохарских языках, что не столь закономерно (ср. тох.А kumšam "я прихожу", kumñäš "он приходит" (Ге-

оргиев, 1958², с.8-10; Краузе, 1959, с.76; Windekens, 1969, с.489)).

Еще интереснее обстоит дело с корнем *g^uā-. В целом ряде слов можно предположить наличие этого корня в нулевой ступени в виде *gu. Ср. др.-инд. *agregūh* "движущийся вперед", *ádhriḡuḥ* "неудержимо идущий вперед", *vanargūh* "бродящий в лесу", где -gu-, вероятнее всего, представляет корень *g^uā- или, вернее, *g^uā- в нулевой ступени (Ribezzo, 1903, с.102; Hirt, 1927, с.232; Mayrhofer, 1956, с.19, 31). Очень вероятно, что к этому же корню восходит элемент -gu- в греч. *ἐγ-γύ-ς* "близко" (собственно "идуший близко"), *μεσση-γύ(ς)* "посреди, между" (собственно "идуший посредине"), крит. *κρείγυς* "старик, вождь, посол", предполагающем *κρέσ-γυς (Schwyzler, 1934, с.276), ср. мик. *pe-re-ku-ta* (*κρεσσυτῆς*) (Chadwick, Baumbach, 1963, с.239-240), греч. *κρέσ-βυς* (с -β-, извлеченным из *βαίνω*) "старик, вождь, посол" (собственно "идуший впереди") (Bezzenberger, 1878, с.345; Ribezzo, 1903, с.102; Hirt, 1927, с.232; Frisk, 1960, с.437; 1970, с.215, 593; Chantaine, 1968-1980, с.309, 689, 936-937). Весьма возможно, что сюда же присоединяется и лит. *žmo-gùs* "человек" как "идуший по земле, находящийся на земле" (ср. лит. *žėmė* "земля") (Fraenkel, 1965, с.302-303). Эти сопоставления дают основание представить корень *g^uā- в виде *g^uā-, то есть видеть в нем начальную группу "гуттуральный + ц". Однако такая структура корня нехарактерна для индоевропейского языка, поэтому следовало бы ожидать чередования *geu-/ *g^u-. И ступень *geu- в самом деле обнаруживается в др.-инд. *purogavāh* "вождь" (видеть в др.-инд. *purogavāh*, греч. *κρέσβυς* корень *g^uou- "бык, корова", понимая композиты как "бык, идущий во главе стада" (Bloomfield, 1908, с.78-81), нет никаких оснований), ср. др.-инд. *purō-gāh* "вождь", *purō-gamaḥ* то же, буквально "идуший впереди" (Mayrhofer, 1963, с.309-310). Далее, ту же ступень можно признать в др.-инд. *jávate* "спешит", авест. *java* "спешит" и др.-инд. *jáviṣṭhaḥ* = авест. *zavīštya-* "самый быстрый", лит. *gvóti* "идти" (Fraenkel, 1965, с.304; Mayrhofer, 1956, с.424-425). Наличие вариантов корня *g^uā-* и *g^uā- особенно отчетливо проявляется в литовском языке, где наряду с *g^uā- > *gó-ti* имеется также вариант *g^uā- > *gvó-ti*. Таким образом, можно восстановить чередование ступеней *geu-/ *g^u-, приведшее к возникновению корня *g^uā-. Вероятно, здесь находит себе объяснение и "непоследовательная сатэмность" в авест. *zavīštya-/java*: z- в zāv- отражает древнее g-, впоследствии

палатализованное, в то время как за $\check{y}$ - в $\check{y}$ ava скрывается индоевропейский лабиовелярный, проникший по аналогии в полную ступень корня. Следовательно, формы *g^uem- и *g^uā- представляют собой два разных корня, объединившихся позднее вследствие сходства формы и значения.

Греч. δέλλιθες σφήνες, ἢ ζῶον ὅμοιον μελίσση Нев. "осы, или животное, подобное пчеле", βελόνη "острие, игла", ὀβελός, ὀβελός "вертел, рожон". Индоевропейский корень *g^uel- "колоть; боль, смерть, мука" (Pokorny, 1949-1969, с.471), ср. лит. gėlti "колоть", gėlia "больно", gėla "сильная боль"; ст.-сл. ж е л ѣ т и , ж а л ь ; др.-ирл. at-bail "он умирает"; др.-в;нем. que-lan "терпеть муку", нем. Qual "мучение". В состав корня входит плавный сонант l. След огласовки u в нулевой ступени, возможно, еще сохраняется в др.-прусс. gulsennin (Асс.) "боль" (Reichelt, 1922, с.78). Вариант с чистым велярным можно видеть в кельтских словах: др.-ирл. galar "болезнь", кимр. galar "скорбь, плач" (Bezzenberger, 1890, с.256; Георгиев, 1932, с.21). Обычно предполагаемая связь этих слов с корнем *ǵhel-/*ǵhol- "желчь" (Walde, Hofmann 1938, с.473) семантически менее правдоподобна. Быть может, тот же корень с чистым велярным представлен в греч. γλῶχος (N.pl.) "ость колоса" Нев., γλῶχίς "кончик, стрела, острие", этимология которых до сих пор не установлена (*γλῶξ, *γλῶχός "колющий", как πτώξ, πτωμός "убегающий" > "беглец, заяц")?

Греч. βάλλω "бросаю". Индоевропейский корень *g^uel(ə) = "бросать", ср. авест. ni-γtā-ire "они повергаются", др.-инд. guráte "он поднимает", ud-gūrṇaḥ "поднятый", тох. А В klā- "падать" (Mayrhofer, 1956, с.340; Frisk, 1960, с.215-217; Chantraine, 1968-1980, с.163). Призвук u рефлекса слогового сонанта хорошо сохранился в древнеиндийских формах: guráte, аорист. ud-a-gurisaṭa, перфект uj-ju-gure, ud-gūrṇaḥ.

Греч. βάλανος "желудь", лат. glans, glandis то же. В индоевропейских языках сохранились только производные от корня *g^uel-/*g^ul̥- (Sprecht, 1939, с.56-57; 1944, с.60), ср. лит. gylė, gylė "желудь", gilėndra "богатый урожай", рус. желудь (<*želodь). Рефлекс -ul- слогового l̥, возможно, сохраняется в др.-инд. gulī "шар", gulikā "шарик, жемчужина", gulaḥ "glans penis, clitōris", gúlmaḥ "опухоль", guṇikā то же, guḍaḥ "шар, мяч" (Froehde, 1886, с.298; Ribezzo, 1903, с.III; Reichelt, 1922, с.78;

Walde, Hofmann, 1938, с.580). Сходных по значению слов с корнем *gel- очень много, ср. лат. galla "чернильный орешек", gliscō "пухну", греч. γαγ-γα-ίον "опухоль", γέλυις "головка или зубчик чеснока" и т.д. (Solmsen, 1909, с.223-228; Persson, 1912, с.64-76; Георгиевъ, 1932, с.20; Walde, Hofmann, 1938, с.580, 604-605; Pokorny, 1949-1969, с.357; Frisk, 1960, с.296). Считать *gel- и *g^uel- сходными, но исконно разными корнями, как это обычно делается, вовсе не обязательно. Такой случай чередования g^u/g, как было показано выше, не единичен. Кроме того, объединив корни *gel- и *g^uel-, можно получить этимологию названия желудка. Как уже говорилось, все названия желудка представляют собой разные производные от корня *g^uel-/*g^ul-, нигде в чистом виде не сохранившегося. Предполагалось, что исчезнувшее корневое имя было названием дуба и что исчезло оно по табуистическим причинам (Sprecht, 1939, с.56-57). Поскольку для дуба существовало слово *perk^uus, хорошо сохранившееся в индоевропейских языках, это объяснение Ф.Шпехта выглядит не очень убедительно. Предположение Э.Швицера о связи греч. βάλλω с βάλλω "бросаю" (тогда βάλλω сначала просто "упавший плод") (Schwyzer, 1939, с.74) было бы убедительным, если бы в латинском и балто-славянских языках имелся глагол, соответствующий греческому βάλλω. Если же принять гипотезу о том, что *g^ul-/*gul- являются слабой ступенью корня *gel-, хорошо засвидетельствованного в индоевропейских языках, то название желудка можно понимать как "округлый плод, шарик".

Следующий корень; *g^uelbh- "материнская утроба"; "детеныш" (Pokorny, 1949-1969, с.473), по сути дела, представляет собой предшествующий корень *g^uel-/*gel- с суффиксом -bh-, который может получать огласовку e или o: *g^uel-bh- и *g^ul-ebh-, *g^uol-bh- и *g^ul-obh-. Параллелизм в форме и значении между основами *g^uelbh- и *gelbh- наблюдается полный. Ср. греч. βελός "матка", др.-инд. gārbhañ "материнская утроба; зародыш" (= греч. βολός * ἡ μήτρα Нев."матка" с аналогическим β- вместо β-), возможно, что сюда же относится лат. volva (из volva, вероятно, под влиянием народной этимологии (к volvō "вращаю")) "матка" (Naves, 1889, с.116; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.752) и ст.-сл. ж л б б ъ, рус. желоб (Hirt, 1899, с.258; Persson, 1912, с.77). С другой стороны, можно сравнить относящиеся к основе *gelbh- слова: галло-лат. galba "praepinguis" ("толстяк"), лат. galbulus

"кипарисовый орех" (маленький круглый предмет), *globus* "шар", *glēba* "глина, ком земли", др.-исл. *kalfi* "икра (ноги)", англ. *calf* то же, нем. диал. *Kalb* "мускул", др.-в.-нем. *kolbo* "початок, дубина", гот. *kalbō* "молодая корова", др.-в.-нем. *chalba* "телка", англ. *calf*, др.-в.-нем. *kalb*, нем. *Kalb* "теленок", др.-в.-нем. *kilburra* "овцематка" и т.д. Развитие значений можно представить следующим образом: "выпуклость, шар" > "живот, материнская утроба" > "зародыш, дитя" (Fick, 1890¹, с.286; Zupitza, 1896, с.77-78; Persson, 1912, с.74).

Тот же корень может получать и зубной суффикс *-t-*, например: гот. *kilpei* "материнская утроба", *in-kilpō* "беременная"; др.-англ. *cild* "ребенок", англ. *child* то же, др.-инд. *jartūh*, *jartāh* "vulva", *jathāraṁ* "живот, желудок, материнская утроба" (Persson, 1912, с.74). Возможно, что вариант с лабиовелярным **g^uel-t-* представлен в греч. βέλτα "αἰδοῖον γυναικείον". Это старое сопоставление (Bezzenberger, 1890, с.248; Fick, 1890², с.405; Mansion, 1904, с.228) было отвергнуто В.Шульце, который считал, что буквой Δ просто обозначался данный орган из-за их внешнего сходства, отсюда вторичное значение названия буквы βέλτα (Schulze, 1906, с.611-612). Однако единственный пример обозначения αἰδοῖον γυναικείον в греческом с помощью знака V обнаружен только в окрестностях Тира, причем вершина треугольника направлена вниз (Schulze, 1906, с.611), так же, как и на древнеиндийских изображениях (Pischel, 1907, с.178). В древнеиндийском языке *trikoṇam* "треугольник" действительно имеет значение "vulva" (Pischel, 1907, с.176-178), но нет никакого сомнения в отсутствии связи между древнеиндийским V (*trikoṇam*) и аттическим βέλτα. Поскольку значение "материнская утроба, vulva" хорошо засвидетельствовано у основ **g^uelbh-*, **gelbh-*, **gelt-*, то его вполне можно ожидать и у основы **g^uelt-* → греч. βέλτα.

Существование параллельных корней **g^uel-* и **gel-* "глотать, пожирать" уже давно признано этимологическими словарями (Рокоту, 1949-1969, с.365). На **g^uel-* с несомненностью указывают греческие формы: βέλεαρ, эол. βλῆρ "приманка (для рыб, птиц), наживка", καβλέει· κατακίνει. Нев. "пожирает", καταβλέθει· κατακίνει. Нев. то же, βλωμός "кусочек", βλέττες· αἱ βέλλαи "пиявки". (Даже если греч. βέλεαρ и βλῆρ относятся к βάλλω (Каванскене, 1984, с.80-85), греч. βλωμός, βλέττες, καταβλέθει

свидетельствуют в пользу *g^uel-.) На *gel- с такой же несомненностью указывают др.-ирл. gelim "я пожираю", корн. gel "пиявка", др.-в.-нем. kela др.-англ. ceole, нем. Kehle "горло, глотка" и т.д. (Bezzenberger, 1890, с.256; Reichelt, 1922, с.78; Георгиев 1932, с.20; Walde, Hofmann, 1938, с.625-626). Если считать *gel- исходным, то *g^uel- должно было возникнуть аналогическим путем под влиянием нулевой ступени корня *gl₂- > *gul- / *g^ul-. Возможно, следы варианта *gul- еще сохраняются в лат. gula "глотка", арм. ekul "он проглотил" (аорист. 3 л. ед. числа от klanem "поглощаю").

Можно предположить, что вариант с чистым велярным встречается в греч. γάλα "молоко", то есть сначала "глотаемое". Видимо, речь должна идти о материнском молоке (Müller-Graupa, 1930, с.69-72). До сих пор греч. γάλα, лат. lac (< *glac) "молоко" остаются без этимологии, так как реконструкция O.Семереньи: *mlg- > греч. *μλαγ- > *βλαγ- > γλαγ- выглядит неправдоподобной (Szemerényi, 1958, с.173-174).

Попытку Ф.Шпехта связать лат. ingluvies "зоб, зев, глотка", gula "глотка" с лит. įlyngti "становиться мокрым" (*gel-) (Sprecht, 1927, с.8-10) следует признать неудачной (Walde, Hofmann, 1938, с.612-613), поскольку без объяснения остаются греческие слова, бесспорно указывающие на лабиовелярный (предположению о диссимиляции *δέρεαρ (к корню *g^uer-) > δέλεαρ (Schmidt, 1881, с.153) противоречат формы типа греч. φρέαρ "колодец", κείραρ "предел", а с другой стороны, греч. βλωμός, βλέτωε (Frisk, 1960, с.360-361)). Гипотеза Г.Остгофа о скрещении корней *g^uer- и *gel- "глотать, поглощать" (Osthoff, 1894, с.287) является недоказуемой, как и его гипотеза о скрещении корней *g^uelbh-, *g^uerebh- и *gelbh- (Osthoff, 1901, с.312-313).

Греч. γυνή, беот. βανῆ "женщина, жена". В общендоевропейском языке название женщины восстанавливается в виде N.sg. *g^uenā, Gen.sg. *g^unās и *g^uenās (Schmidt, 1881, с.129; Pokorny, 1949-1969, с.473) и является абсолютно изолированным. С другой стороны, сходство с корнем *genā- "рождать(ся)" уже давно бросалось в глаза лингвистам (Schmidt, 1881, с.129; Kretschmer, 1895, с.273; Brugmann, 1897, с.547; Ribezzo, 1903, с.114; Zupitza, 1904, с.403; Георгиев, 1932, с.22; Трубачев, 1959, с.107-108). Йог.Шмидт предположил, что лабиовелярный возник в

нулевой ступени корня *g^una-, в полную ступень он проник аналогическим путем (Schmidt, 1881, с.129). Хотя объяснение его (гипотеза о четырех исходных рядах индоевропейских гуттуральных, возникших вследствие палатализации двух рядов перед передними гласными, и дальнейшем устранении одного ряда (Schmidt, 1881, с.123-124)) сейчас отвергнуто, сам процесс, возможно, выглядел именно так: *gen- > *ġen-/ġn- > *gun-/g^un-. Ступень *gun-отражена в греч. γυνή (Reichert, 1922, с.78; Hirt, 1927, с.232; Otęęski, 1963, с.14), *g^un- - в беот. βανᾶ. Ступень *ġen-представлена в греч. γένετήρ "родитель", лат. gener "зять", арх. лат. genō "рождаю", лит. žentas "зять", ст.-сл. з ѣ т ъ и т.д. В гот. qinō "женщина", др.-ирл. ben то же, др.-прусск. genno то же, ст.-сл. ж е н а лабиовелярный мог проникнуть аналогическим путем (Schmidt, 1881, с.129).

Следующий корень *g^uer(ə)-"пожирать" очень похож на рассмотренный выше корень *g^uel-"глотать, поглощать". Лабиовелярный восстанавливается на основании следующих сопоставлений: греч. βιβρώσκω "пожираю", βора "корм", βρώμα "пища", βάραθρον "пропасть", атт. δέρη, ион. δειρή (<*g^uer-ġā) "ше.", βρόυχος "дыхательное горло"; лат. vorō "пожираю", carni-vorus "плотоядный" (ср. греч. θύμο-βόρος "гложущий душу" и др.-инд. aja-garah "пожирающий коз, питон"), др.-инд. girāti "поглощает", garāh "питье", др.-в-нем. querdar "приманка", лит. gėrti "пить", ст.-сл. п о ж р ѣ т и, рус. жрать. Вариант с начальным чистым велярным *ger-представлен в греч. γέρυρος βρόυχος Hes. "дыхательное горло", γάρυρεών "язычок мягкого неба", γάρυριζέτω "полоскать горло", γορυρή "водопровод, подземная тюрьма". Мостиком между двумя формами *ger- и *g^uer-может служить нулевая ступень *g^r->*g^ur-/gur-, след которой сохраняется в греч. γορ-γύρ-η, лат. gurgēs "водоворот, бездна", gurgulio "глотка", др.-инд. gūrtāh "съеденный", ni-jalgulīti "проглатывает", арм. kur "еда, корм", др.-прусск. gurcle "глотка", лит. gurklūs "зоб, кадык", ст.-сл. п о ж р ѣ т ъ "сожраный", рус. горло (<*gurdlo) наряду с жерло (<*girdlo), ст.-сл. г р ѣ т а н ъ (Ribezzo, 1903, с.109; Reichelt, 1922, с.77; Георгиевъ, 1932, с.86; Vaillant, 1960, с.171).

Чтобы объяснить "непоследовательную кентумность" в *g^uer-/ger- и *g^uel-/gel-, Г.Остгоф предположил скрещение исконных

корней *g^uer- и *gel- "глотать" (Osthoff, 1894, с.287), что было принято Ю.Покорным (Pokorny, 1949-1969, с.365). Однако с точки зрения бругманновской сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков такое скрещение невероятно. Если *g- и *g^u-, *-r- и *-l- исконно различные звуки, а гласный e характеризует все корни, то между *g^uer- и *gel- в фонетическом отношении столько же сходства, сколько, например, между *tei- и *deu-. Поэтому надежнее выглядит реконструкция корней *g^uer-/ger- и *g^uel-/gel-, возможно, восходящих к одному корню с чередованием плавных сонантов *ger/l- (Откупщиков, 1967, с.164-190). Лабиевелярный возник в нулевой ступени *gr- > *gur-/g^ur- и потом по аналогии попал в полную ступень *-g^uer-.

Возведение Ф.Шпехтом греч. βραβύσιον, лат. vorō к корню *g^uer- на основании сопоставления с лит. gveĩštĩ "хрипеть", лтш. gveigzdis "охрипший человек" (Sprecht, 1927, с.II; 1931, с.II0) должно быть отвергнуто (Leumann, 1930, с.274; Walde, Hofmann, 1938, с.627-628).

Греч. βαρύς "тяжелый", лат. gravis то же, ср. др.-инд. gurgūh "тяжелый", гот. kaurjos (N.pl.f.) "тяжелые" и т.д. (Pokorny, 1949-1969, с.476). "Непоследовательной кентумности" в этом корне не обнаружено, но рефлекс ur слогового плавного g хорошо засвидетельствован: др.-инд. gurgūh, гот. kaurjos (прагерм. kur-), лит. gurti "улечься, успокоиться (о ветре)", лтш. gurst "уоставать", ст.-сл. ж р ъ н ы "мельница", ж р ъ н о в ъ "жернов", др.-в.-нем. curn "жернов, ручная мельница" наряду с др.-в.-нем. kuerna то же (Ribezzo, 1903, с.III; Reichelt, 1922, с.77-78; Otrębski, 1963, с.14). Чередование *gur-/g^ur- можно видеть в др.-инд. gurgūh - греч. βαρύς. Видимо, нулевая ступень *gur-/g^ur- и послужила мостиком для перехода от нигде не сохранившегося корня *ger- "тяжелый" к корню *g^uer-.

Этот же корень *g^uer- с распространением -d- со значительной долей вероятности можно видеть в греч. βραδύς "медленный, неповоротливый, тупой", лат. gurdus "глупый, тупоумный", лит. gurdūs "медленный, ленивый", лтш. guĩds "усталый, утомленный", ст.-сл. г р ъ д ъ "гордый" (Walter, 1862, с.437; Frøehde, 1889, с.105; Brugmann, 1897, с.316, 454; Ribezzo, 1903, с.III; Fraenkel, 1948, с.172; Фасмер, 1964, с.440). Сопоставление Ф.Бехтеля греч. ἀμέρβω - βραδύς (< *μραδύς) (Bechtel, 1914², с.162), во-первых,

заставляет отказаться от сравнения со всеми остальными словами, во-вторых, хуже по смыслу (ἀμέρβω "отнимаю, лишаю", а βραδύς прежде всего "медленный"). Напротив, возражения против объединения лат. *gurdus* и греч. βραδύς, выдвинутые в словаре А. Вальде - Й. Гофмана (Walde, Hofmann, 1938, с. 627), кажутся недостаточно обоснованными. По смыслу слова объединяются довольно легко: "медленный > неповоротливый > туповатый, глупый", ср. "Ἔστι δὲ ἡ ἀναίσθησία... βραδυτῆς τῆς ψυχῆς ἐν λόγοις καὶ πράξεσιν ("Невосприимчивость... это медлительность души в словах и делах") (Феофраст, Характеры, I4). Возражение относительно ожидаемого латинского *gurdvis (как греч. βραδύς = лат. *gravis*, греч. ἔλαχός = лат. *levis* и т.д.) также не представляется непреодолимым. Ср., например, греч. βαρύς "густой" и лат. *dēnsus* < **dn̥sus* "густой, частый". Как известно, не все слова одновременно подвергаются языковым изменениям. Одни делают это раньше, другие позже. Лат. *gurdus* - экспрессивное слово ("mot populaire" (Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 285)), и оно вполне могло не подчиниться тенденции к переводу основ на -u- в основы на -i-.

Итак, мы получаем вариант с чистым веларным **gur-* в лат. *gurdus* и вариант с лабиовеларным **g^urt-* в греч. βραδύς. Возможно, что к и.-е. *gurdus восходят еще и лит. *gurdus*, лтш. *guīds*, ст.-сл. Г р ъ д ъ .

Предположение об иберийском происхождении лат. *gurdus* неубедительно (Schöll, 1912-1913, с. 313-317). Напротив, лат. *bardus* "тупоумный, глупый", если и принадлежит этому же корню, должно быть заимствованием в латинском языке, так как начальное **g^u-* дает в латыни v-, а не b-. Но этрусское происхождение лат. *bardus*, вопреки А. Нерингу (Nehring, 1928, с. 122-125), невероятно. *Bardus* стоит изолированно среди лат. *bargus*, *barsus* "глупый, медлительный, немой", *barsala* "дурак", *Barginna*, *Parcilius*, действительно происходящих из этрусского (Nehring, 1928, с. 117-118, 124-125), но показывающих лишь гуттуральный суффикс. Вряд ли стоит приписывать этому слову и оско-умбское или сабинское происхождение (Ernout, 1909, с. 118-119; Devoto, 1940, с. 82), так как в этом случае трудно объяснить вокализм -a-. Скорее всего, лат. *bardus* является заимствованием из греческого **βαρβύς/βραδύς* (ср. греч. βαρβύτερος, βάρβιτος), как считали уже древние (Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 66). Возможно, заимствование редкой формы

*βαρδύς > лат. *bardus* способствовали лат. *bargus* и *tardus* "медлительный".

Далее, к этому же корню, но уже с некоторой долей сомнения можно отнести *g^ug^u-es- (или *g^ug^u-ets- (Pokorny, 1949-1969, с. 485)): лат. *grossus* "толстый", ирл. *bres*, корн. *bras* "толстый" (Osthoff, 1894, с. 266; Reichelt, 1922, с. 70). Если эти слова действительно сопоставимы, то они могут представлять собой позднейшие распространения корня *g^ug^u-, возникшего из *g^ug^u- перед гласным звуком.

Греч. βαρεῖς "северный ветер" обычно относят к корню *g^ueg^u-/*g^uog^u- "гора" и понимают как "ветер с гор". Сюда же греч. ὑπερβαρεῖος "гиперборейцы, то есть живущие за горами". Ср. др.-инд. *giriḥ* "гора", лит. *lugarà* "горный хребет", *gìrė*, *girià* "лес" ("гора" > "горный лес" > "лес"), ст.-сл. г о р а (Pedersen, 1900, с. 319; 1926, с. 66-67; Pokorny, 1949-1969, с. 477-478; Frisk, 1960, с. 252-253). Возможно, что к этому же корню принадлежит и греч. βεῖρας "холм, возвышение", если только его не связывать с др.-инд. *divād-* "скала, жернов" (Frisk, 1960, с. 358) или с греч. βειρή "шея" (Chantraine, 1968-1980, с. 258), ср. рус. грива, лат. *iugulum* "горло" и *iugum montis* "вершина горы". Тогда греч. βεῖρας < *g^ueg^u-i- (Forbes, 1958, с. 248). Если вопрос об этимологии греч. βεῖρας очень сложен, то греч. βαρεῖς, видимо, правильно сопоставляется со ст.-сл. г о р а, др.-инд. *giriḥ* и т.д. Тогда правильна и реконструкция лабиовелярного в начале корня. Лабиовелярный мог возникнуть в нулевой ступени корня: *g^ug^u- > *g^ug^u-/*g^ug^u- и по аналогии проникнуть в полную ступень. Вариант *g^ug^u- отражен в алб. *gur* "скала, камень" (Pedersen, 1900, с. 319; Reichelt, 1922, с. 77).

Может быть, три рассмотренных корня: *g^ueg^u- "глотать, пожирать", *g^ueg^u- "тяжелый" и *g^ueg^u- "гора" исконно родственны друг другу? Развитие значения можно представить так: "глотать, пожирать" > "становиться тяжелым, тучным, пухнуть" > "опухоль" на земле, "гора" (ср. лат. *tumēō* "пухну" и *tumulus* "холм") или "глотать" > "шея" > "гора". Если добавить сюда же еще и греч. βρέφος "зародыш, ребенок", ст.-сл. ж р ѣ б ѣ "жеребенок", то получится такое развитие значений: "глотать, пожирать" > "становиться толстым, пухнуть; быть беременной" > "ребенок, дитя", только корень предстанет с суффиксом -b^h-. Сходные отноше-

ния наблюдаются между *g^uel-/ *gel- "глотать, пожирать", *gel-/ *g^uel- "быть круглым, толстым" и *g^uelbh-/ *gelbh- "материнская утроба, ребенок, детеныш".

Обычно считалось, что греч. βεριῶν* λοιδόρεισθα. Λάϊωνες Нес. "бранить", βεριῶν* λοιδόροι. Οὐ αὐτοῦ Нес. "хулители", βεριῶν* λοιδόρια Нес. "брань" вместе с лат. grātus "приятный, благодарный", grātia "приятность, благодарность", grātēs (N.pl.) "благодарность", оск. brateis "grātiae", др.-инд. gṛnāti "поет, хвалит", лит. girti "хвалить, прославлять", ст.-сл. г р а н о "стих", ж р ь т и "приносить жертву", галло-лат. bardus "бард", др.-ирл. berran "заботиться", др.-в.нем. queran "вздыхать" относятся к корню *g^uer(ə)- "подавать голос; хвалить, прославлять, приветствовать; бранить, горевать" (Bezzenberger, 1890, с.248; Walde, Hofmann, 1938, с.619-620; Pokorny, 1949-1969, с.478). Если даже греч. βεριῶν надо относить к греч. βέρω, βείρω "сдираю" (Frisk, 1960, с.359), то начальный лабиовелярный все равно восстанавливается на основании оск. brateis, галло-лат. bardus, др.-ирл. berran, др.-в.-нем. queran. Давно было замечено, что наряду с *g^uer- существует и корень *ger-, *g^ǵar- "кричать, звать", к которому относятся, например, греч. γάρρισμα* λοιδόροισμα Нес. "браним", γῆρος "голос", γαργαρίς* θόρυβος Нес. "шум", лат. garriō "болтаю", gerro "болтун, пустомеля", осет. зарин "петь", зар "песнь", др.-в.-нем. keran "кричать", др.-англ. ceorran "трещать", гот. кара "забота", др.-в.-нем. chara "жалоба, плач", др.-ирл. gair "крик, призыв", кимр. garw то же и т.д. (Bezzenberger, 1890, с.248; Zupitza, 1896, с.78; Георгиев, 1932, с.22; Walde, Hofmann, 1938, с.583; Pokorny, 1949-1969, с.478). Итак, перед нами снова "непоследовательная кентумность": *g^uer-/ *ger-. Переходную ступень между корнями *ger- и *g^uer- в виде *g^ur- (> *gur- (/ *g^ur-) можно наблюдать в др.-инд. gurāte, gurati "приветствует", gūrtāḥ "приятный, желанный", gūrtiḥ "похвала", др.-исл. kurga "громко говорить", kura "плач, вопль", лит. gūrti "резко звучать", ст.-сл. ж р ь т и "приносить жертву", алб. ngurónj "вуть (о ветре)". Таким образом, в корнях *ger-/ *g^uer- / *gur- можно видеть еще одно свидетельство в пользу вторичного возникновения лабиовелярных в позициях перед слоговым сонантом (Ribezzo, 1903, с.110; Reichelt, 1922, с.77; Георгиев, 1932, с.22).

В лат. verū "рожон, вертел, копьё" начальное v- восходит

к индоевропейскому g^u , что следует из сопоставления с умбр. *berva* "verua", берг "veribus". Тогда к этой же группе слов можно отнести авест. *grava-* "палка, камышовый стебель", др.-ирл. *bir*, кимр. *ber* "копье, вертел", гот. *qairu* "кол, колючка" (Fick, 1878, с. 341; Pokorny, 1949-1969, с. 479; Walde, Hofmann, 1954, с. 766; Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 727). Очевидно, перед нами корень, распространенный посредством суффикса $-u-$: $*g^u\text{-er-}u$ (лат. *verū*) / $*g^u\text{-r-}eu-$ (авест. *grava-*). Поскольку ни чередования g^u/g , ни нулевой ступени $*gur-$ обнаружить не удастся, можно только констатировать наличие в корне плавного сонанта r и, кроме того, наличие суффикса $-u-$, который в косвенных падежах мог становиться неслоговым (в позиции перед гласным: ген. ед. $*g^u\text{-er-}u\text{-os}$ и т.д.) и, следовательно, мог ассимилировать себе начальный согласный: $g-u > g^u-u$. Наконец, в плане чередования сонантов r/l обращает на себя внимание отношение корней $*g^u\text{-el-}/*gel-$ "колоть" и $*g^u\text{-er-}u-$ "копье, вертел".

Греч. $\beta\rho\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma$ "зародыш, дитя, ребенок", ст.-сл. ж р ѣ б ъ β "жеребенок" ($*g^u\text{-er-}bh\text{-}en$). Основа $*g^u\text{-er-}bh\text{-}/*g^u\text{-r-}ebh\text{-}$ и по значению и по форме очень напоминает основу $*g^u\text{-elbh-}/*gelbh\text{-}$. Никаких других несомненных сопоставлений не обнаруживается (др.-инд. $g\acute{a}rbhañ$ многозначно). Если принять чередование r и l , то тогда $*g^u\text{-erbh-}/*g^u\text{-elbh-}/*gelbh\text{-}$ объединяются в одном "протокорне".

Греч. $\beta\rho\acute{\upsilon}\chi\omega$ ($\beta\rho\acute{\upsilon}\chi\omega$ -аналогическая форма (Frisk, 1960, с. 272-273)) "скрежещу зубами, кусаю", $\beta\rho\upsilon\chi\mu\acute{o}\varsigma$ "кусание, скрежет", $\beta\rho\upsilon\chi\eta$ "кусаю", лит. *gráuzti* "грызть", ст.-сл. г р н с т и "грызть" восходят к и.-е. $*g^u\text{-rūgh-}, *g^u\text{-rough-}$. И здесь лабиовелярный выступает в корне, содержащем плавный r . Кроме того, обращает на себя внимание структура слова. Очевидно, что к корню относится лишь $*g^u\text{-r-}$, а $-u-$ и $-gh-$ представляют собой суффикс и детерминатив. Причем корень выступает в нулевой ступени $*g^u\text{-r-}$, а суффикс — в полной: $-ou-/-\bar{u}-$. Согласно гипотезе, изложенной выше, лабиовелярные как раз и возникали в нулевой ступени корня перед слоговыми сонантами. В данном случае сонант, оказавшись перед гласным, перестал быть слоговым, но поскольку лабиовелярные уже стали самостоятельными фонемами, группа $*g^u\text{-r-}$ сохранилась, а не перешла в $*gr-$. В полной ступени корень должен был бы иметь вид $*g^u\text{-er-}/*ger$. Можно предпо-

ложить, что это тот же корень, что и в греч. βιβρώσκω, лат. vorō "пожираю": "поглощать, пожирать" > "кусать, грызть, скрежетать зубами".

Корень *g^hhen- "бить" с несомненностью восстанавливается из следующих соответствий: греч. θείνω "бью", φόνος "убийство", лат. de-fendō "защищаю", of-fendō "ударяю", др.-инд. hānti "бьет, убивает", hatāḥ "убитый" (< *g^hhntos, ср. греч. -φάτος), хет. kuenzi "убивает", арм. ganem "бью", алб. gjanj "гоно, преследую", др.-ирл. gonim "убиваю", лит. giñti "гнать", ginti "защищать", ст.-сл. ж е н ъ, г ѣ н а т и и г о н и ѣ, г о н и т и. Вариант с чистым веларным *gh- обнаружить не удастся, однако нулевая ступень в виде *ghun- хорошо сохраняется в др.-исл. gunnr "битва, бой", др.-в.-нем. gund-fano "боевое знамя", др.-прусск. guntwei "гнать", gunnimai "мы гоним", ст.-сл. г ѣ н а т и и, возможно, хет. kuanzi "они убивают" (Reichert, 1922, с.78; Veillant, 1950, с.25-26, 171; Sturtevant, Nahn, 1951, с.38; Otrebski, 1963, с.14). Таким образом, в *ghun- можно видеть один из вариантов нулевой ступени от *ghen-, параллельный *gh^hṇ- > *g^hṇṇ- с лабиовеларным, проникшим в полную ступень и вытеснившим из нее чистый веларный.

Корень *g^hher- "теплый, горячий" надежно восстанавливается из следующих сопоставлений: греч. θερός "лето", θερομαι "нагреваюсь, загораюсь", θερμός "теплый, горячий", лат. fornus "теплый", fornus "печь", fornax то же, furnus "хлебопекарная печь", др.-инд. hārah "жар, зной", gharah то же, арм. Եր "тепло, хорошая погода", Երմ "теплый", алб. тоск. zjarr "огонь, жар", гер. zjarr то же (= греч. θερμός), др.-ирл. gorn "огонь", ирл. gor "жар, зной; нарыв, язва", др.-в.-нем. garto "готовый", лит. gāras "пар, дым; сильное желание", ст.-сл. г о р ѣ т и, г р ѣ т и, п о - ж а р ѣ, г о р ь к ѣ, г о р е (Pokorny, 1949-1969, с.493-495). Нулевая ступень *ghur- обнаруживается в лат. furnus < *ghurn- (наряду с fornus < *gh^hṇn- < *gh^hṇn-), ст.-сл. г р ѣ н ѣ, г р ѣ н и л ѣ (Reichert, 1922, с.78; Vaillant, 1950, с.171). Близкий по значению и по форме корень *gher- "сиять" выступает в лит. žarūjos "пылающие угли", žerėti "блестеть", žiūrėti "глядеть", др.-прусск. sari "жар, зной", ст.-сл. з ѣ р ѣ т и, з о р ѣ (Brugmann, 1897, с.547; Hirt, 1899, с.243-244; Георгиев, 1932, с.24-25; Ро-

Копцу, 1949-1969, с.441-442). Весьма возможно, что к этому же корню относятся греч. χαρότος "с горящим взглядом(?)" (Nirt, 1899, с.244) и вся группа слов, родственных ему: греч. χαίρω "радуюсь" (Георгиев, 1932, с.24-25), χαίρων "воинственный пыл", χαρά "радость, восторг" и χαρά ὀργή ἢ ὀργίλος Hes. "гнев", а также др.-инд. háryati "желает, любит, наслаждается", авест. zara- "стремление, цель", др.-инд. hárah "злоба", hrñtē "сердиться", лат. hortor "побуждаю", др.-В.-нем. ger "желающий", gerōn "желать", нем. be-gehren "желать". Попытки понять греч. χαρότος как "Kampfesfreude blickend, blitzend" ("с воинственной радостью, глядящий") (Persson, 1912, с.128-129; Bechtel, 1914^I, с.332; Рокоту, 1949-1969, с.440) или как "gieräugig, gierig blickend" ("алчно глядящий") (Latacz, 1966, с.38-43) следует признать неудачными, так как в этом случае непонятным остается переход к обозначению серо-голубого цвета глаз (Chantraine, 1968-1980, с.1248). Напротив, все вышеназванные слова хорошо объединяются единым корнем со значением "гореть" - *gher-. Отсюда потом развились значения "горящий, горячий" и "горящий, пылающий, сверкающий", в разной степени свойственные и корню *g^her-, и корню *g^her-. Так как ни от значения "гнев" нельзя прийти к значению "радость", ни наоборот, а оба эти значения засвидетельствованы у греческого χαρ-, то очевидно, что исходным было какое-то другое, общее им обоим значение, и этим значением вполне могло быть "гореть; горящий, пылающий". Ср., например, греч. γάρος "блеск", γάρος "веселюсь, радуюсь"; греч. γάινω "грею; веселю, радую"; греч. γέλω "сияю, сверкаю; смеюсь, веселюсь"; лит. gāgas "дым, пар; сильное желание"; др.-инд. ókaḥ "пламя, жар; печаль, горе"; ст.-сл. г н ѣ т и т и "зажигать", рус. диал. гнетъ "разжигать", ст.-сл. г н ѣ в ъ; ст.-сл. г о р ѣ т и и г о р е; рус. загореться "сильно захотеться"; воспылатъ (гневом, любовью и т.д.) и т.д.

Таким образом, и *g^her-, и *g^her- могут быть возведены к единому корню *g^her-. Это один из примеров, в которых лабиовеллярный, чередующийся с чистым велярным в языках "кентум", соответствует палатальному (возникшему из *gh- перед e), чередующемуся с чистым велярным в языках "сатэм".

Лат. fel "желчь" обычно сопоставляется со ст.-сл. ж л ѣ ч ъ, ж л ѣ т ъ "желчь", ж л ѣ т ъ "желтый", лит. gėltas "желтый",

gelvas "желтоватый", лтш. *dzeltēt* "становиться желтым", др.-прусск. *gelatynan* "желтый", корень восстанавливается в виде **g^uhel-* "желтый" (Walde, Hofmann, 1938, с.473-474; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.223). К этому же корню относится ст.-сл. ж е л ъ з о , рус. железо, лит. *geležis* то же, др.-прусск. *gelso* то же и, возможно, лат. *ferrum* то же (< **g^uhel-ro-m*) (Георгиев, 1932, с.23, 84). Очевидно, что начальное **g^uh-* восстанавливается лишь на основании латинского *f-*. Однако попытку объяснить это *f-* как диалектный элемент в латинском языке (Brugmann, 1905, с.195; Ernout, 1909, с.163; Нечипуренко, 1983, с.154-155) следует признать неудачной (Plants, 1893, с.442-443, 448; Walde, Hofmann, 1938, с.473-474). Кроме того, подтверждением реконструкции начального лабиовелярного могут служить греческие формы *Τελχῖνες*, *Θελγῖνες* "тельхины", первые жители острова Родос, славшие изобретателями литейного и кузнечного дела (Prellwitz, 1889, с.148-154; Bezzenberger, 1890, с.248; Mansion, 1904, с.60; Георгиев, 1932, с.24, 84; Иванов, 1983, с.68-69). Наряду с восстановленным таким образом корнем **g^uhel-* в индоевропейских языках хорошо засвидетельствованы производные корня **ghel-*, очень близкого по значению к предыдущему: греч. *χολή* "желчь", *χόλος* то же, *χλωρός* "зеленый", возможно, *χέλυς* "черепашка" (по желтому цвету) (Meillet, 1902-1905, с.268; 1906-1908, с.376; Sreht, 1932, с.219, 255; 1944, с.120), *χαλῖος* "медь" (Prellwitz, 1889, с.148; Persson, 1912, с.31; Георгиев, 1932, с.24; Sreht, 1944, с.27, 213; Иванов, 1983, с.68-69, 100), лат. *helvus* "янтарно-желтый, буланый", *gilvus* (галльское заимствование) то же, *holus* "зелень, овощи", др.-инд. *hāriṇ* "бледный, желтоватый, зеленоватый", *hīraṇyama* "золото", авест. *zairi-* "желтый, желтоватый, золотисто-желтый", *zairāna-* "золото", *zāra-* "желчь", др.-в.-нем. *gelo* "желтый"; нем. *gelb* то же, гот. *gulþ* "золото", др.-в.-нем. *gold* то же, *galla* "желчь, яд", алб. *dhel-për* "лисица", фриг. *ζέλνια λάχωνα φρούες* Hes. "зелень", лит. *tulžis* "желчь" (< *žultis), лтш. *žults* то же, лит. *želti* "зеленеть", лит. диал. *žeĩtas* "золотой", лит. *žeĩvas* "зеленоватый", *žalvas* то же, *žālias* "зеленый, сырой", *žilas* "серый", *žilas* "красный" (о крупном рогатом скоте, например, *žalà kárvė*), др.-прусск. *saligan* "зеленый", ст.-сл. з л ъ ч ъ "желчь", з е л е н ь , з е л и ю , з л а к ъ , з л а т о и т.д.

Таким образом, выявляется два параллельных чередования :
 *g^uheil-/*ghel- в языках "кентум" (лат. *fel*, греч. *χολή*) и
 *ġhel-/*ghel- в языках "сатэм" (ст.-сл. з л ь ч ь и ж л ь ч ь).
 Видимо, "кентумное" *ghel- соответствует "сатэмному" *ġhel-, а
 "кентумное" g^uheil- - "сатэмному" ghel- (Planta, 1893, с. 448;
 Sommer, 1912-1913, с. 364-365), то есть лат. *fel* - ст.-сл.
 ж л ь ч ь, греч. *χολή* - ст.-сл. з л ь ч ь. Степень *ghul- поч-
 ти не сохранилась, следы ее можно видеть, может быть, в лат.
fulvus "темно-желтый, красно-желтый", др.-исл. *gulr* "желтый",
 гот. *gulþ* "золото", др.-исл. *gull* то же, лит. *tulžis* < *žul-
tis, лтш. *žults*, лит. *gulbė* "лебедь", лтш. *gūlbis* то же, др.-
 прусск. *gulbis* то же, ст.-сл. з л ь ч ь, ж л ь ч ь.

Исконное значение корня *ghel- теперь уже трудно опреде-
 лить. Можно только отметить, что цвета, обозначаемые производ-
 ными этого корня, "желтый", "зеленый", реже "голубой" (ст.-сл.
 г о л ь б ь, рус. голубой, др.-прусск. *golimban* "голубой") и
 "оранжевый, красно-желтый" (лат. *fulvus*, лит. *žālas*) являют-
 ся соседними в спектре.

Распределить значения "зеленый" и "желтый" между корнями
 *ġhel- и *g^uheil- полностью не удастся. Если, как считал А.
 Мейе, *ġhel- исконно обозначало "зеленый", а *g^uheil- - "жел-
 тый" (Meillet, 1896, с. 374-375), то каким же образом золото бы-
 ло названо производным от корня *ġhel- ? Мнение, что перед на-
 ми только один корень *ġhel-, что латинское *fel* и т.д. показы-
 вают нерегулярную трактовку индоевропейского ġh-, что все
 балто-славянские слова с начальным веларным, а не палатальным
 заимствованы из какого-то "кентумного" языка (Peterson, 1912,
 с. 171), конечно, очень удобно, но и очень неправдоподобно.

Лат. *frendō* "скрежешу зубами, дроблю, растираю" обычно
 сопоставляется с др.-англ. *grindan* "тереть, скрести, молоть",
 англ. *grind* "молоть, скрежетать", нем. *gründig* "паршивый, по-
 крытый коростой", лит. *gręsti* "скоблить, скрести, тереть", алб.
grundë "отруби". Если далее сопоставлять эти слова с греч.
χρόνδρος "круп" (< *χρόνδρος), *χαίνω* "задеваю, касаюсь",
χερῖας "камень, булыжник", *χερῖας* "гравий", то надо принять
 нерегулярное развитие *ghr- > лат. *fr-* (Walde, Hofmann, 1938,
 с. 545). Отказавшись от греческих соответствий, можно восстано-
 вить основу *g^uhrendh- (Ernout, Meillet, 1959-1960, с. 253). Как

кажется, можно объединить все эти слова, если *g^hhr- представить как нулевую ступень от корня *g^her-, то есть *ghr->*ghur-/ *gh^ur->*g^uhr->*g^uhr- перед гласным звуком. Полная ступень *g^her- в таком случае окажется засвидетельствованной в греческом языке.

В индоевропейских языках имеется много слов с корнем *k^uel- "вертеть, вращаться, двигаться вокруг, заботиться о ком-нибудь" и т.д. Например, греч. κέλω, κέλωμαι "двигаюсь, нахожусь", крит. τέλωμαι "буду", τελέθω "делаюсь, становлюсь, являюсь", κολέω "вращаюсь, пребываю, обитаю", κόλος "ось", ἀμφίκολος "слуга", αἰπόλος "козий пастух", лат. colō "возделываю, обитаю, заботчусь", inquilīnus "обитатель", collum "шея", др.-инд. śarati, śarlati "движется, бродит, пасет, гонит", алб. sjet "поворачиваю, приношу", др.-ирл. cúl "повозка", др.-исл. hvel "колесо", нем. Hals "шея", др.-прусс. kelan "колесо", ст.-сл. к о л о "колесо", рл. к о л а "повозка"; с удвоением: др.-инд. śakraḥ "колесо", др.-англ. hweowol то же, англ. wheel то же, лит. kāklas "шея", тох. A kukäl , тох. B kōkale "повозка", греч. κύκλος "колесо, круг". По Г. Райхельту, в основе лежит значение "гнать стадо, приводить в движение домашних животных, двигаясь за ними" (Reichelt, 1922, с.67). Интересно отметить, что пастух все время направляет стадо по кругу, постоянно поворачивая его, чтобы всем животным, и передним, и задним, корм доставался равномерно.

Наряду с этим в индоевропейских языках имеется корень *kel-, показывающий весьма сходные значения: греч. Aor. ἐκέλευ "я пригнал, причалил к берегу", Fut. κέλω, κέλης "верховая лошадь, скакун, быстрый корабль", κολεῖν ἐλθεῖν Hes. "прийти", κέλωμαι "побуждаю, призываю", κελεύω "погоняю, приказываю", κέλευθος "путь", ἀμόλουθος "спутник", лат. celer "быстрый", др.-инд. kaláyati "гонит", лит. kēlias "путь", keliūtė то же, keliáuti "бродить, путешествовать", гот. haldan "пастись скот", нем. halten "держат" (Reichelt, 1922, с.67; Walde, Hofmann, 1938, с.194-195; глизк 1960, с.817-818). Сходство между этими корнями столь велико, что иногда нелегко сделать выбор в пользу одного из них. Так, греч. βοιμόςλος "коровий пастух" возводится и к корню *k^uel- (Sausure, 1889, с. 161-162; Frisk, 1970, с.500-

501), и к корню *kel- (Osthoff, 1894, с. 281-282; Walde, Hofmann, 1938, с. 194-195), ср. ирл. buachaill, кимр. bugail "пастух". Кроме того, в значении "вращать(ся)" к этому же корню могут быть возведены греч. κλώθω "пряду", κλωστήρ "пряжа, нить" ("скрученное"), κλάθος "плетеная корзина", κλινώμαι "валяюсь, катаюсь", κλίνω "катаю, кручу", κλίω то же, может быть, лат. solus "прялка, спряденная нить" (Георгиев, 1932, с. 18; Walde, Hofmann 1938, с. 250; Pokorný, 1949-1969, с. 611-612). Промежуточная ступень между корнями *kel- и *k^uel- должна иметь вид *kl_o- > *kul-/*k^ul_o-. Нулевая ступень *kul- представлена в др.-инд. cūrītiḥ-nomen actionis от cārati; греч. κιλίω, κιλίνω, др.-ирл. cul "повозка", греч. κύλλος, тох. А kukäl "повозка". Обычно считалось, что в греч. κύλλος -υ- развилось из редуцированного гласного под влиянием лабиовелярного (Schwyzer, 1934, с. 296). Можно предположить, что греч. κύλλος, как и тох. А kukäl, восходит к *kl_o-kl_o-os > *kulklos с выпадением первого -l (диссимиляция).

Вероятно, к этому же корню *k^uel- относится греч. τῆλε, эол. πῆλυ "далеко", κῆλυ "снова", др.-инд. saṁāh "последний", кимр. pell "далеко". Исходным значением могло быть значение "конец, цель" у греч. τέλος (Pokorný, 1949-1969, с. 640; Frisk, 1970, с. 468, 891-892; Chantraine, 1968-1980, с. III3-III4).

С греч. τέλος "отряд" давно сопоставлялись др.-инд. kúlam "стадо, толпа, род", ст.-сл. ч е л я д ь, ирл. cland "потомство, род, клан", лит. kultis "род" (Pokorný, 1949-1969, с. 640; Frisk, 1970, с. 872-873; Фасмер, 1973, с. 330). Думается, что восстановление особого корня *k^uel- "толпа, семья, стая" излишне, так как вполне можно исходить из значения "гнать, побуждать, приказывать", которое хорошо подходит как к военному отряду, так и к стаду, ср. лат. agō "гоню", agmen "толпа, отряд".

Греч. τέρας "знамение, чудовище, диво", τέλωρ κελώριον, κσιρόν, μέγα Нес. "чудовищное, огромное", τέλωριος μέγας, κελώριος Нес. "огромный, чудовищный", κέλωρ "чудовище" (< *περωρ - диссимиляция (Lejeune, 1972, с. 151)). Чередование κε - (эолийское) / τε - (общегреческое) предполагает начальный лабиовелярный, следовательно *k^uer-ōr > κέλωρ и τέλωρ, *k^uer-as >

τέρας (Lejeune, 1972, с.48). К тому же корню *k^uer- относятся лит. kėras "колдовство, чары", kerėti "колдовать, сглазить, кликать беду", рус. чары, др.-исл. skaars "чудовище", др.-инд. āscaṅgaḥ "редкий, чудесный, необычный; чудо", авест. šāgā "средство" и, далее, др.-инд. karoti, krnoti "делает", кимр. pe-ri "делать", prydydd "поэт", ирл. creth "поэзия", cruth "форма, вид", лит. kùrti "сооружать, строить, делать" (Osthoff, 1899, с.109-113; 1901, с.23; Meillet, 1902-1905, с.235; Reichelt, 1922, с.77; Фасмер, 1973, с.317). Нулевая ступень *kur- обнаруживается в др.-инд. kuru "делаю", kuruté "он делает", лит. kùrti "сооружать", др.-прусс. kūra "он строит" (Reichelt, 1922, с.77). Др.-рус. кърчий "кузнец" скорее всего связано с корнем *kur- "жечь, огонь" (Абаев, 1959, с.96-99).

Греч. τоруνη* οὐτῶδες τῆ Нес. "что-то хлебное", πορύναν* μαγίδα Нес. "жертвенный пирог", πύρνον "пшеничный хлеб", πύρνος* φωμός Нес. "кусочек пищи", πύρνοι* ζεῖαὶ καὶ οὐτῶδες ἢ ὁ καταεργασμένος οἶτος. ἄλλοι χόρτος, ἄλλοι μαγίδα Нес. "полба и хлебá или обработанный хлеб. Другие: корм, третья: жертвенный пирог", πύρνα* δρύφη, κλάσματα, σιτία Нес. "раздиранье, обломки, хлеб" предполагают начальнй лабиовелярный, что видно из чередования -т-/п- (видимо, τоруνη < *терунā (Bechtel, 1914^I, с.290; Frisk, 1970, с.631)), и сопоставляются с др.-инд. śárvati "разжевывает, размалывает", śárvam "пыль, мука" (Fick, 1890^I, с.284; Bechtel, 1914^I, с.290). Основа восстанавливается в виде *k^uer- (Pokorny, 1949-1969, с.642). Вариант с чистым велярным выступает в греч. κούρυνθος* μάζης φωμός Нес. "кусочек теста, лепешки" (Ribeiro, 1903, с.107-108). Наконец, нулевая ступень, *kur- в греческом языке по аналогии с полной ступенью получила вид kur- вместо *kur-: Греч. πύρνος, πύρνον, так же, как в древнеиндийском -sur- вместо *kur-: др.-инд. śárvam. Ср. греч. βυθός "глубина, пропасть" вместо *γυθός и эол. βύπτειν "погружать" вместо *γύπτειν. Таким образом, непонятный гласный -υ- (Frisk, 1970, с.631) объясняется как древний рефлекс слогового г. Может быть, вариант *kur- в неизменном виде содержится в греч. κωρήβια "отруби" и гомер. κωρβαίη μάζα "густая похлебка"?

Греческому ἐκράτην (аорист) "я купил" соответствуют др.-инд. krīṇāti "покупает", др.-ирл. cren(a)im "покупаю", кимр.

группы "покупать", др.-лит. *krieno* "ценя" (род.п.), др.-рус. *кренути*, *крънути* "покупать", тох.А *kuḡar* "торговля", *kuḡart* "торговец", тох. В *kaḡor* "покупка"; индоевропейский корень **k^urei-* "покупать" (Рокотну, 1949-1969, с.648). Начальный лабиовелярный восстанавливается абсолютно надежно. Однако особенность этой основы в том, что корень в ней всюду выступает в нулевой ступени: **k^urei-*, полной ступени **k^uer-i-* не засвидетельствовано (кроме, может быть, тох. В *kaḡor*, но тохарское *k* многозначно). Возможно, что след редуцированной ступени **kur-* сохраняется в др.-рус. *крънути*, тох. А *kuḡar*, *kuḡart*, где *kur-* < **k^ur-*. Поэтому заслуживает внимания гипотеза Г.Райхельта, связавшего **k^urei-* "покупать" с **ker-*, **ker-dh-* в ирл. *cuirethar* "он кладет, ставит", есог "расположение, оборудование", брет. *dasori* "возвращать", ирл. *stod* "стадо, скот", кимр. *cordd* "клан, род, семья", гот. *haírda* "стадо", др.-в.нем. *herda* "стадо; обмен", нем. *Herde* "стадо", ст.-сл. ч р ѣ д а "стадо", ч р ѣ д и т и "угощать", сербо-хорв. чрјѣда "ряд, порядок, обмен, стадо", др.-прусс. *kerdan* (Acc.sg.) "время", лит. *keĩdĩus* "пастух", др.-инд. *śardhan* "стадо, толпа, множество" и т.д. Исходное значение при этом определяется как "ставить, устанавливать некоторое количество скота и назначать его как средство обмена или цену" (Reichelt, 1922, с.71). Ср., например, гот. *faíni* "деньги", лат. *pecu* "скот" и *pecunia* "деньги", рус. *скот* и нем. *Schatz* "богатство" (Benveniste, 1969, с.47-61). В соответствии с этим предположением находится и толкование Э.Бенвенистом глагола *κρίσσειν* не как "покупать" вообще, а как "платить", то есть реализовать покупку материально (Benveniste, 1969, с.128). Таким образом, и в этом корне наблюдается двойное чередование: *k^u/k* в языках "кентум" и *k̄/k* в языках "сатэм".

Лат. *squalus* "акула", греч. ἀκάλους τὸς ἰχθύας ... Нев. "рыб" (вин.п., мн.ч.) были сопоставлены с др.-исл. *hvalr* "кит", нем. *Waller, Weller* "сом", др.-прусс. *kalis* "сом" (Kretschmer, 1896, с.74; Brugmann, 1897, с.607; Zupitza, 1899, с.103; Osthoff, 1901, с.324; Solmsen, 1904, с.587; 1909, с.20-21). К этому же корню **sk^ual-* можно отнести греч. σκύλλον "вид акулы" (Bersu, 1885², с.144, 161; Osthoff, 1901, с.325; Solmsen, 1909, с.20-21; Walde, 1910, с.734; Petersson, 1921, с.164; Reichelt,

1922, с.77), стоящее гораздо ближе по значению к лат. *squalus* "акула", чем к греч. *σούλαξ* "щенок, детеныш", с которым его сопоставляют авторы словарей (Frisk, 1970, с.741-742; Chantraine, 1968-1980, с.1023). Видеть здесь группу "ku" мешает др.-прусск. *kalis* без -u-. В таком случае перед нами снова нулевая ступень с огласовкой и слогового плавного сонанта: *skl₀- > *skul-. Ступень с чистым веларным *skal- обнаружить в "кентумных" языках не удается.

Греч. *σούλαξ* "щенок, детеныш" было давно сопоставлено с лит. *skalkas* "лающая охотничья собака", *skālyti* "лаять", *kalė* "сука", норв. *skvaldra* "громко лаять", др.-исл. *hvellr* "резкий, пронзительный" и т.д. (Persson, 1893, с.275-276; Reichelt, 1922, с.77; Boisacq, 1923, с.879-880). Можно восстановить чередование ступеней: *(s)k^uel-/*(s)k^uol-/*(s)kul- < *(s)kl₀-. Видеть здесь группу "ku" мешают балтийские соответствия без -u-. Если данные сопоставления правомерны, то перед нами еще один пример возникновения лабиовеларного перед слоговым сонантом и аналогического проникновения его в полную ступень корня. Если же нет, то слова остаются без этимологии. П.Перссон видел вариант корня с начальным чистым веларным в др.-исл. *skella* "звучать", др.-в.-нем. *hel*, нем. *hell* "звонкий", греч. *καλέω* "зову", лат. *calō* "созываю" и т.д. (Persson, 1893, с.276).

В следующих корнях лабиовеларный мог возникнуть из древней группы "гуттуральный + u", впоследствии совпавшей с лабиовеларными, возникшими перед слоговыми сонантами.

Корень *g^uā- "идти, приходиться" (ср. греч. *ἔβην* "я пришел") уже рассматривался выше.

Греч. *βαθύς* "глубокий", *βῆσσα*, дор. *βᾶσσα* "ущелье, *βυθός* "глубина, пропасть", *βυσσός* то же, *βάθος* "глубина", *βένθος* то же. Отношения между *βαθύς*, *βῆσσα* и *βυθός*, *βυσσός* напоминают отношения между *g^uā- и *gu-. В *βυθ-* можно видеть слабую ступень корня *g^uādh-, где β- выступает вместо γ- под аналогическим влиянием сильной ступени. Э.Швицер, сделавший это предположение, выдвинул в подтверждение его аналогичное отношение между авест. *vi-gādhō* "ущелье, пропасти" и *guša-* "русло реки, глубина". Природы этого явления Э.Швицер не выяснил, он просто сделал вывод, что *βαθύς* и *βυθός* относятся друг к другу, как беот. *βαυῖ* к

греч. γυνή (Schwyzer, 1932, с.193-203; 1934, с.296). В подтверждение такой позиции можно привести и глоссу γυθίσσων* διорύσων Hes."подкапывающий" (Chantraine, 1968-1980, с.201), где перед -υ- выступает закономерное γ-. Чередование *gudh-/*g^uadh^h позволяет предположить, что перед нами древняя группа "гуттуральный + υ", чьи следы сохраняются еще в нулевой ступени корня *gudh-, но которая в полной ступени перешла в лабиовелярный (*guadh- > *g^uadh-), впоследствии делабиализовавшийся в языках группы "сатэм".

У этой гипотезы есть одно слабое место: форму βένθος приходится считать поздним аналогическим образованием к βάθος, созданным по модели κάθος:πένης (Schwyzer, 1932, с.201; Frisk, 1960, с.208). Все же это лучше, чем возведение βάθος к *βυθος и отделение его от βήσσα и родственных арийских форм, например др.-инд. gādhaḥ "глубокий". В этом случае βάθος и βένθος просто остаются без этимологии, поскольку попытка О.Семереньи связать βάθος, βένθος с βάπτω "погружаю, окунаю", др.-исл. kvefja "окутать", др.-инд. gabhīrāḥ "глубокий" (*g^uembh-/*g^umbh-) (Szemerényi, 1960, с.212-213) натывается на серьезные фонетические препятствия. О.Семереньи объясняет форму βάθος вместо ожидаемого *βαφός < *g^umbhus диссимиляцией *g^u - bh или, позднее, *β-φ (Szemerényi, 1960, с.214). Дело, однако, в том, что для перехода *βαφός > βάθος нет никаких параллелей. Явление диссимиляции лабиовелярных и губных в греческом языке описано было еще Ф.Зольмсеном (Solmsen, 1902). В таких случаях, как правило, лабиовелярный звук переходит в чистый велярный, ср., например, греч. κηρός < *иFαλρος, κόλλος < *иFолπος, γλέτω наряду с βλέτω, γέφυρα - наряду с βέφυρα и δέφυρα и т.д. Направление диссимиляции все время регрессивное, на месте губного или лабиовелярного возникает велярный звук. Поэтому предполагаемое О.Семереньи *g^umbhus > *βαφός должно было перейти в *γαφός. Переход же *βαφός > βάθος совершенно невероятен. На основании этих соображений этимология Э.Швицера кажется единственно возможной.

Греч. βάπτω "погружаю", βαφή "погружение". Начальный лабиовелярный восстанавливается из сопоставлений с др.-исл. kvefja "окутать", др.-инд. gabhīrāḥ "глубокий" с достаточной надежностью. Эолийская форма βύπτειν (*βύπτην)*βαπτίζειν Hes."погружать, окутать" позволила Г.Райхельту высказать предположе-

ние, что и здесь мы имеем дело с группой "гуттуральный + ц": **guabh-*/**gubh-* (Reichert, 1922, с.73). То, что следовало бы ожидать начального **γυ-*, а не *βυ-* (Frisk, 1960, с.218-219), вовсе не является непреодолимым препятствием, *β-* может быть аналогическим, как в греч. *βυθός* вместо *γυθός. Обычно считается, что *βύπτε,ν* - это новообразование по *βύπτω* "окунаю(сь)", которое само является продуктом скрещения греч. *βάπτω* "погружаю" и *δύω* "погружаюсь". Но предположение, что *βύπτω* является продуктом скрещения *δύω* и *βύπτω* выглядит гораздо правдоподобнее, чем предположение о скрещении *δύω* и *βάπτω* (Schwyzer, 1932, с.202). Подтверждением реконструкции начальной группы **gu-*/**gu-* может служить македонская глосса Гезихия *γυβῆ* 'колуμβῆ' 'Нев."погружается, ныряет". И здесь, таким образом, можно восстановить древнюю группу "*gu-*", которая, совпав с лабиовелярными, утратила губной элемент в языках "сатэм".

Неясен вопрос с лат. *saenim, coenim, cēnim* "грязь, нечистоты", *inquinō* "пачкаю, пятнаю", *cunīre* "испражняться". Обычно эта группа слов возводится к корню **k^uei-*/**k^uoi-*/**k^ui-* на основании сопоставления со швед. диал. *hven* "низкое болотистое поле" (Reichert, 1922, с.75; Walde, Hofmann, 1938, с.131-132). При этом предполагается, что в лат. *cunīre* *-u-* долгое, восходящее к индоевропейскому *-oi-* (Walde, Hofmann, 1938, с.131-132; Ernout, Meillet, 1959-1960, с.318). Однако это только предположение, к тому же не очень правдоподобное. Лат. *saenim, coenim*, скорее всего, восходит к *cēnim* и никак не связано с лат. *inquinō* (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.84), а лат. *inquinō* и *cunīre* можно связать и иначе, а именно: *cunīre* < **kun-*, *inquinō* < **kuen-*, то есть построив отношение, подобное отношению лит. *kutėti* - лат. *quatiō*. Таким образом, и здесь перед нами группа "гуттуральный + ц".

Греч. атт. *βούς* "бык, корова", лат. *bōs* то же, др.-инд. *gáuh* то же, арм. *kov* "корова", др.-ирл. *bó* "корова", др.-в.-нем. *chuo* то же, лтш. *gūovs* то же, тох. *A ko*, тох. *B keu* то же, прасл. *govędo, рус. *говядо*. Начальный лабиовелярный восстанавливается надежно, слово реконструируется в виде **g^uōus* (N.sg.), **g^uōm* (Acc.sg.) (Рокотну, 1949-1969, с.483). Уже давно Е.Курилович предположил, что начальный лабиовелярный

g^u - возник из группы gu - в слабых падежах: Gen.sg. *gues, Dat. sg. *gwei, Instr.sg. *gwe, Loc.sg. *gui и затем был распространен на сильные падежи: N.sg. *gōus > g^u ōus, Acc.sg. *gōm > g^u ōm (Kuryłowicz, 1935, с.16; 1956, с.362). Нулевая ступень корня *gu- выступает в др.-инд. śatagūh "имеющий сто коров", возможно, в лат. bu-bulcus "волопас", где bu- может быть аналогическим вместо *gu- (Ernout, Meillet, 1959-1960, с.74), ср. также др.-инд. návagvaḥ, dáśagvaḥ "получающий девять (десять) быков", śatagvī "состоящий в ста быках".

К этому же корню могут быть возведены греч. βοῶν "кричу", βοή "крик", др.-инд. gávate "звучит", перфект jóguve, лит. gaūsti "выть", ст.-сл. г о в о р ь , г о в о р и т и . Вариант с чистым велярным обнаруживается в греч. γοῶν "воплю, стенаю", γόος "рыдание, стон", др.-англ. siegan "звать"; др.-в.-нем. gi-kewan "звать, называть" (Aufrecht, 1852, с.191; Ribezzo, 1903, с.102; Hirt, 1927, с.232). Получается, что бык, корова названы по звуку, который они издают, буквально "мычащее". Ср. русское бык и др.-рус. бучати "гудеть", лит. baukti, būkauti "мычать", bukas "выпь" и т.д.

Итак, можно восстановить чередование ступеней *gou-/ *gu-/ *gou- и аналогически возникшую ступень *gdu-.

Лат. triquetrus "треугольный" обычно сопоставляется с др.-исл. hvatr "быстрый, острый", др.-в.-нем. hwas "острый", корень реконструируется в виде *k^ued-/ *k^uod- (Pokorny, 1949-1969, с.636). Однако ни латинский, ни германские языки не позволяют уточнить природу начального звука. Возможно, что за латинским qu- скрывается группа "гutturальный + u". Если сопоставление этих слов с др.-инд. sódati "подгоняет" (Walde, Hofmann, 1954, с.706; Pokorny, 1949-1969, с.636) верно, то латинское qu- восходит к группе "ku": *keud- (др.-инд. sod-) / *kued- (лат. *qued-) / *kuod- (др.-исл. hvat-) (Mayrhofer, 1956, с.400).

Вопрос о вопросительно-неопределенном местоимении уже давно занимал лингвистов. На основе сопоставлений греч. τίς, τοῦ (gen.sg.) "кого" (=ст.-сл. ч е с о, др.-в.-нем. hwas), лат. quī (арх. quei) "кто, который", др.-инд. káñ, kā "кто", греч. πῶς "как", πότερος "который из двух", гот. hwas "кто", лит. kàs "кто, что", ст.-сл. к ъ т о , к о т е р н и реконст-

руируется основа *k^uo-/*k^ue-/*k^ua- (Pokorny, 1949-1969, с.645). Из сопоставлений др.-инд. kim "что", kih "кто", греч. τίς, τί "кто, что", лат. quis, quid то же, хет. kuš "кто", ст.-сл. ч ь т о реконструируется основа *k^ui- (Pokorny, 1949-1969, с.646-647). Трудность состоит в том, что в греческом языке вопросительно-неопределенное местоимение иногда предстает с чистым велярным, а не лабиовелярным звуком, например: ион. κότερος, κῆς, κόσος, κῶτος, κῶτος, эол. ὄκαι, ὄκισσος, фесс. κίς, κίς κε, греч. πολλάκι(ς) "часто" (ср. др.-инд. pug^u-cid "много раз"). Явление это, как показал Ф.Зольмсен, основано не на каких-то особенностях отдельных диалектов, причина кроется в самом местоимении (Solmsen, 1895, с.297-298). Были предприняты разные попытки объяснения такой нерегулярной трактовки лабиовелярного звука. Ф.Бехтель предположил, что губной призвук был утрачен в словах-энклитиках (Bechtel, 1892, с.354-355). Такое объяснение кажется оовершенно невероятным и было справедливо подвергнуто критике К.Баком, указавшим, что греч. τε = лат. que = др.-инд. са "и" тоже является энклитикой и что фактически нет разницы между энклитикой и безударным слогом обычного слова, например греч. πέντε < *penk^ue (Buck, 1894, с. 157). Другое объяснение в принципе не является невероятным. Предполагалось, что губной призвук утрачивался после гласного u, а это нормально в греческом языке. То есть *полу-κίς было потом преобразовано в πολλάκις, а потом это -κίς распространилось на τεράκις и т.д., *οὔ-κίς перешло в οὔκις, откуда потом было извлечено фесс. κίς и т.д. и т.п. (Wackernagel, 1881, с.286-287; Solmsen, 1895, с.298-299; Schulze, 1897, с.907-908; Brugmann, 1898, с.12; Schwyzer, 1934, с.299). Конечно, и фесс. κίς, и ион. κῆς могут быть поняты как формы, извлеченные из οὔκις, οὔκῆς. Но Е.Курилович справедливо указал, что композиты с οὔ- не были бы достаточно сильны, чтобы устранить лабиовелярный в простых формах, поскольку они всегда ощущались как построенные из простых, а не наоборот (Kurjłowicz, 1936, с.12-13). Поэтому аналогия действовала в обратном направлении, что мы и наблюдаем в греч. οὔτις, οὔκῆς и т.д. Наконец, Г.Зольта объяснил греческие формы с чистым велярным воздействием на ионийские диалекты волны делабиализации, пришедшей из "сатемных" языков (Solta, 1965, с.286-287). Но тогда

непонятно, почему этой волной было затронуто только вопроситель-но-неопределенное местоимение, почему эта лабиализация произо-шла не только в малоазийских ионийских говорах, но и в фесса-лийском диалекте. В целом объяснение Г.Зольты кажется очень не-убедительным.

Остается сделать вывод, что фессалийские, ионийские и про-чие формы с чистым велярным вместо лабиовелярного не являются результатом какого-то диалектного фонетического или аналогичес-кого процесса и, следовательно, восходят к общегреческой и даже индоевропейской эпохе. Вновь перед нами "непоследовательная кен-тумность", чередование k^u/k .

Объяснение этому чередованию может быть предложено с помо-щью давно выдвинутой гипотезы о том, что и в этом корне лабио-велярный восходит к группе " ku " (Ribezzo, 1903, с. 100-101; Hirt, 1927, с. 232; Sturtevant, Nahn, 1951, с. 38; Otrębski, 1963, с. 14-15; Szemerényi, 1964, с. 401). Предположим, что корнем яв-ляется только один звук * k -, к которому могли присоединяться разные гласные распространители, в том числе и u . Эту основу * ku - мы и встречаем в др.-инд. и авест. $kū$ "где?", алб. ku "где? куда?", др.-инд. kva "где? куда? как?", $kutra$ "где? ку-да?", $kutaḥ$ "откуда?", $kuha$, авест. $kudā$ "где?", ст.-сл. $kъ$ де, лит. $kuĩ$ "где?", греч. сирак. $πυς$, род. $οπυς$, аргол. и крит. $οκυ$ "куда?" ($π$ - - аналогическое вместо $κ$ -), лат. ubi (возникшее благодаря переразложению из $alicubi$, $nēcubi$, $sīcu-$ bi (Leumann, 1977, с. 149)), оск. $puĩ$, умбр. $pufe$ "где?", авест. $kuθa$ "как?", $ču$ "как?", алб. $kūs$ "как?", лит. $kū$ "что?"; др.-прусск. $quei$ "кто?", алб. $kuš$ "кто?", тох.А kus "кто?" и т.д. (Neumann, 1943, с. 10-11; Pokorny, 1949-1969, с. 647-648). (Основа * k^u -, восстановленная Ю.Покорным, выглядит очень неправдоподобно, поскольку ни в одном из индоевропейских языков лабиовелярные перед u не встречаются). Таким образом, у основы * ku - засвидетельствовано преимущественно локативное значение, что подтверждает ее большую древность по сравнению с расширенными основами * $ku-i$ -, * $ku-o$ -, * $ku-e$ - (Neumann, 1943, с. 11), где u перед гласным переходит в u . Следовательно, лат. $quĩ < quei < *ku-ei$ = ст.-сл. $къ$ и "который", рус. $кой < *ku-ei$ (сопоставление Ю.В.Откупщикова); лат. $quis < *ku-is$ = греч. $τις$, др.-инд. kih , хет. $kuiš$, ст.-сл. $чь$ - то.

О том, что здесь был лабиовелярный, возникший из группы *ku-*, говорит отсутствие палатализации ("первой", по терминологии В.И. Георгиева) в "сатэмных" языках. Иначе следовало бы ожидать др.-инд. *śih, ст.-сл. *с ъ т о.

Наряду с основой **ku-* в индоевропейском существовала и форма без распространения *-u-*, отраженная в фесс. *и́ς*, ион. *и́терос*, *и́ς* и т.д. Тогда возможно, что эту же, не распространенную посредством *-u-* основу **ki-* мы встречаем в указательном местоимении: лат. *cis* "по сю сторону", *citer* "посвсторонний", греч. ион. *σήμερον*, атт. *τήμερον* (< *ki-āmeron) "сегодня", гот. *himro* "этому", лит. *šis* "этот", ст.-сл. *с ъ*, рус. *сей* и т.д. Таким образом **ku-* становится в один ряд с **ki-*, *ke, **ko-* и вопросительное местоимение связывается с указательным. К выводу о происхождении вопросительных местоимений от указательных, о единстве происхождения основ **ku-* и **ki-* и т.д. пришел Э.Герман в своем исследовании, посвященном происхождению вопросительных местоимений (Herzmann, 1943, с. II-18; Пизани, 1956, с. 156). Так получают свое объяснение и лат. *que*, греч. *τε*, др.-инд. *са "и"*, восходящие к *kie в указательном значении "так" (Herzmann, 1943, с. II-12; Пизани, 1956, с. 156).

Нам осталось рассмотреть несколько корней, показывающих чередование лабиовелярного и велярного звуков.

Греч. *βία* "сила, насилие". Начальный лабиовелярный восстанавливается из сопоставления с др.-инд. *juá*, *jiyá* "власть, насилие", *jināti* "подавляет, угнетает", др.-исл. *kveita* "преодолевать". В "кентумных" языках нет следов чередования **g^u-*/*g-*, но зато в арийских языках имеется весьма близкий по значению корень, содержащий начальный палатальный **ǵ-*. Ср. др.-инд. *jināti* "грабит, отбирает", *juāniḥ* "исчезновение, утрата", авест. *zināt* "лишает чего-либо, вредит", *zyāni* "повреждение", др.-перс. *adinā* "отнял" (Schmidt, 1881, с. 115, 131; Bartholomae, 1895-1901, с. 73, 193; Wackernagel, 1896, с. 161; Георгиевъ, 1932, с. 19). Конечно, можно видеть здесь просто два разных корня (Mayrhofer, 1956, с. 434), но с точки зрения гипотезы об одном исконном ряде индоевропейских гуттуральных это совсем не обязательно. Возможно, что лабиовелярный возник аналогически под влиянием корня **g^ueiə-*/**g^uiē-* "жить".

Греч. гомер. *βέομαι* "я буду жить", аорист. *ἐβίων* "я про-

жил", ζῶω "живу", ὑγιής "здоровый" (< *su-g^ui-ēs), лат. vī-
vō "живу" и т.д. Корень *g^ueiə-/ *g^u(i)īē- / *g^u(i)īō- / *g^uī- (Ро-
коту, 1949-1969, с.467-469). Лабиовелярный восстанавливается
надежно, ср. др.-инд. jīvāḥ "живой", лат. vīvus то же, .оск.
bivus (Pl.) "vivi", лит. gyvas "живой", ст.-сл. жи в ъ, греч.
βίος (*g^ui-ū-ōs) "жизнь", гот. qius "живой", др.-ирл. biu
"живой". Заслуживает внимания факт, что корень очень часто вы-
ступает расширенным посредством -ū-, ср. лат. vīvus и т.д., а
также др.-инд. jīvati "он живет", ст.-сл. жи в е т ь , др. -
прусск. giwa то же, лат. vīvit то же. Ф.Шпехт восстанавлива-
ет -ū- даже в греч. ζῶω (*g^uiēūō и *g^uiōūō), представ-
ляя индоевропейский корень в виде *g^uiēū- или *g^uiōū-
(Vreclit, 1935, с. III). Можно выдвинуть предположение, что на-
чальный велярный под воздействием последующего -ū- перешел в
лабиовелярный в тот весьма отдаленный период, когда возникали
эти фонемы, то есть *g^uiuos > *guīuos > *g^uiūos (регрессив-
ная ассимиляция). Само по себе это объяснение, конечно, не убе-
ждает, но если принять все сопоставления, сделанные выше, и ги-
потезу, объясняющую факты "непоследовательной кентумности", оно
не покажется невозможным.

В греч. σβέννυμι "гасу" начальный лабиовелярный восста-
навливается даже без привлечения данных родственных языков, ср.
греч. ζεῖναιεν σβέννυμεν Нес. "гасим", то есть σβεῖναιεν -
σβέννυμεν, где чередование -β-/-β- объясняется развитием ла-
биовелярного в разных диалектах. Корень *(s)g^ues-, ср. греч.
ἄβεστος "неугасаемый". К этому же корню восходят др.-инд.
jāsate "он истощен", лит. gèsti "угасать", ст.-сл. га с и т и
и га с н ̑ т и , тох.А kās-, тох.В kas- "угасать". Чередова-
ние g^u-/g- можно обнаружить, привлекая хет. kištari "угасает,
умирает" (где k- не может отразить лабиовелярный звук) (Stur-
tevant, 1930, с.226; Tischler, 1977-1980, с.592-593) и авест.
zah- "угасать" (Schmidt, 1881, с.129; Zupitza, 1904, с.403; Ге-
оргиев, 1932, с.23). (Против связи авест. zah- с др.-инд. hā-
"оставлять, покидать" (Galand, 1892, с.262; Mayrhofer, 1956, с.
425) говорит краткость гласного в zah-.) Думается, что, по-
скольку к авест. zah- присоединяется еще и хеттское kiš-,
чередование *g^ues-/ *ges- надо признать. Как его объяснить, оста-
ется загадкой.

Лат. quietē "покой" сопоставляется с др.-инд. śigāḥ "про-

медление", др.-перс. *šiyatiš* "хорошее самочувствие", гот. *hveila* "время, промежуток времени", др.-исл. *huíla* "ложе, место отдыха", ст.-сл. *п о ч и т и , п о к о и т и* (и.-е. $*k^{u}eiā-/*k^{u}iē$) (Рокоту, 1949-1969, с.638). В индоевропейском языке имелся корень со сходным значением $*k^{u}ei-$ "лежать": греч. *κεῖμα* "я лежу", лат. *cīvis* ($< *keiū-$) "гражданин ($<$ принадлежащий к числу своих, домашних)". Интересно, что в некоторых "сатэмных" языках корень этот иногда предстает с велярным звуком вместо палатального, ср. лит. *káišas* "деревня", *kišas* "деревня, хутор, двор", *kaišūnas* "сосед", лтш. *ciems* "прислуга; хутор, деревня", др.-прусск. *saumis* "поселение, деревня" наряду с лит. *šeima* "семья", *šeišūna* "семья в широком смысле, familia, прислуга, челядь", лтш. *vaime* "семья", др.-прусск. *seišīns* "родственники", ст.-сл. *с б м ъ ю*, рус. семья. Таким образом, возможно, что здесь перед нами двойное чередование: $*k^{u}/k-$ и $*k^{u}/k-$, но каким образом оно возникло, неизвестно.

Итак, были рассмотрены корни с начальным лабиовелярным, встречающиеся в греческом и латинском языках. Естественно, в стороне были оставлены слова, этимология которых является не установленной или сомнительной. Кроме того, не были затронуты греч. *βίος* "лук" ($*g^{u}iios$), *φθίνω* "уничтожаю" ($*g^{u}h̥din-?$), *φθείρω* "гублю" ($*g^{u}h̥der-?$), *δέσσωδα* "умолять", *πόθος* "желание" ($*g^{u}h̥edh-/*g^{u}h̥odh-$), *φαιδρός* "светлый" ($*g^{u}h̥eid-$), лат. *fīlum* "нить" ($*g^{u}h̥islo-$), греч. *τίνω* "плачу", *ποινή* "кара" ($*k^{u}ei-/*k^{u}oi-$), *ποιέω* "делаю" ($*k^{u}ei-/*k^{u}oi-$), *τίμιον* "знак, признак" ($*k^{u}ek-$), хотя этимология их довольно надежна. Для возникновения в них лабиовелярного не удалось найти объяснений.

В итоге из 39 рассмотренных корней 29 содержат сонант (преимущественно плавный, реже носовой), из которых около тринадцати показывают чередование лабиовелярный - велярный. В семи случаях лабиовелярный может восходить к группе "гutturальный + ц", в трех случаях наблюдается "непоследовательная кентумность" - чередование типа $*k^{u}/k$ или $*k^{u}/k̄$. Как кажется, есть некоторые основания утверждать, что и в начале корня лабиовелярные не являются исконными фонемами, но возникли в положении перед слоговым сонантом, а также из групп "гutturальный + ц".

З а к л ю ч е н и е

В результате обследования существующих точек зрения на проблему индоевропейских гуттуральных в данной работе была принята гипотеза о развитии всех трех рядов гуттуральных из одного велярного ряда. Согласно этой гипотезе, лабиовелярный ряд возник из чистых велярных в положении перед слоговыми сонантами (плавными и носовыми), а также из групп "велярный + ц " еще в общиндоевропейскую эпоху. Напротив, палатальный ряд характеризует только часть индоевропейских диалектов. В этих диалектах "са-тэм" палатальные возникли перед гласными переднего ряда, согласно гипотезе, впервые наиболее полно высказанной и обоснованной Г.Хиртом. Такая точка зрения наиболее близка к мнению О.Семереньи, весьма кратко и схематично изложенному им в его "Введении в сравнительное языкознание" (Семереньи, 1980, с.165-166).

В принципе вероятность возникновения как лабиовелярного, так и палатального рядов из ряда чисто велярных отрицать невозможно. Это видно хотя бы из факта существования двух прямо противоположных гипотез: о вторичности палатального ряда (Г.Хирт, В.Георгиев; А.Мейе) и о вторичности лабиовелярного ряда (Г.Райхельт, Е.Курилович). Другое дело, что аргументированно доказать вторичность обоих этих рядов, кроме Ф.Рибеццо, никто не брался. Целью данной работы и было выяснить, насколько выполнима такая задача. А поскольку вторичность палатальных звуков после работ В.Георгиева признается сейчас очень многими учеными, в центре внимания оказались индоевропейские лабиовелярные.

Гипотеза была проверена на довольно большом материале. По данным словарей, лабиовелярный в конце корня в греческом и латиноском языках восстанавливается примерно в 50 случаях. (Г. Жюкуа дает всего 18 случаев, но он учитывает только "трехбуквенные" корни (Jusquois, 1966, с.59).) Из них в 30 случаях с разной степенью надежности восстанавливается чередование типа k^u/k и/или выделяется суффикс $u/\text{ц}$, что позволяет сделать вывод о происхождении данного лабиовелярного звука из группы "гуттуральный + ц " (в двух случаях из велярного перед слоговым плавным). Наиболее надежной такая реконструкция кажется для корней: * $\text{ang}^u\text{h-}$, * $\text{e}g\text{h}i\text{-}$, * $\text{og}^u\text{h}i\text{-}$ (греч. ἄγχις, ὄφις, лат. anguis), * $\text{bh}eg^u\text{-}$ (греч. φέροναι), * $\text{bh}rek^u\text{-}$ (лат. frequens, греч. φράσσω), * $\text{dh}ig^u\text{-}$

(лат. *fīgō*, *fīvō*), **kek^u*- (греч. κόπρος), **ureig^u*- (греч. οὐρίβος), **uek^u*- (греч. ὄκος, лат. *sūsus*), **trek^u*- (греч. τρέτω, лат. *torqueō*), **ueg^u*-/**ug^u*- (греч. ὑγρός, лат. *ūveō*), вполне возможный — для корней **ag^uno-* (греч. ἄμνος, лат. *agnus*), **ak^ua* (лат. *aqua*), **leg^uh-* (греч. ἐλαχός, лат. *levis*), **weig^u*- (греч. ἄμείβω, лат. *sigrō*), **merk^u*- (греч. μάρπτω), **nog^u*- (греч. γυμνός, лат. *nūdus*), **perk^uu-* (лат. *quercus*) и т.д.

В начале корня лабиовелярный в греческом и латинском языках восстанавливается (по данным словарей) примерно в 52 случаях. (Г. Якоуя дает 67 случаев, но он берет все корни, а не только сохранившиеся в греческом и латинском, к тому же некоторые из них вряд ли правильно восстановлены.) Из этих 52 корней было рассмотрено 39. В 29 корнях содержится сонант (преимущественно плавный, реже носовой). Около тринадцати таких корней показывают чередование типа *k^u/k*, например: греч. βέλλιθεσ "осн" — др.-ирл. *galat* "болезнь" (**g^uel-*/**gel-*), греч. βάλανος "желудь" — греч. γέλυγς "головка или зубчик чеснока" (**g^uel-*/**gel-*), греч. βελφός "матка" — галло-лат. *galba* "толстяк", др.-в.-нем. *kilbur* "овцематка" (**g^uelbh-*/**gelbh-*), греч. βέλτα "αἰδοῦτον γυναικείον" — гот. *kilþei* "материнская утроба" (**g^uelt-*/**gelt-*), греч. βέλεαρ "приманка, наживка" — др.-ирл. *gelim* "пожираю" (**g^uel-*/**gel-*), греч. γυνή, бегт. βανά "жена, женщина" — греч. γίγνομαι "рождаюсь", лат. арх. *genō* "рождаю" (**g^uen-*/**gen-*), греч. βιβρώσκω "пожираю", лат. *vorō* то же — греч. γέργερος "дыхательное горло" (**g^uer-*/**ger-*), греч. θερμός "горячий", лат. *formus* то же — лит. *žarūjos*: "пылающие угли", др.-прусск. *sari* "жар", греч. χαροπός "с горящим взглядом", ст.-сл. з о р я (**g^uher-*/**gher-*), греч. κέλομαι "двигаюсь, устремляюсь" — иέλομαι "погоняю, двигаю, побуждаю" (**k^uel-*/**kel-*), лат. *fel* "желчь" — греч. χολή то же (**g^uhel-*/**ghel-*) и т.д.

В 7 случаях лабиовелярный может восходить к группе "гугтуральный + *u*". Это корни **g^ua-* (греч. ἔβην), **g^uadh-* (греч. βαθύς), **g^uebh-* (греч. βάπτω), **g^uou-* (греч. βοῦς, лат. *bōs*), **k^ued-* (лат. *triquetrus*), **k^uen-* (лат. *inquinō*), **k^ui-* (греч. τίς, τί, лат. *quis*, *quid*). Наконец, еще в трех случаях наличие чередования типа *k^u/k* позволяет сделать вывод о неисконности

лабиовелярного звука.

Итак, более чем в 50 % случаев данная гипотеза, как кажется, находит себе подтверждение.

Если теоретически и фактически гипотезу об одном исконном ряде индоевропейских гуттуральных, таким образом, следует признать удовлетворительной, то остается рассмотреть вопрос о типологической и фонологической ее вероятности. То, что палатальные возникают из чистых велярных, — общеизвестный факт. Как видно из наблюдений Д.И.Эдельман над язгулямским языком, и лабиовелярные могут возникать из чистых велярных в позиции перед огубленным гласным заднего ряда, причем гласный после возникновения лабиовелярного теряет признак огубленности (Эдельман, 1973, с. 541). На первый взгляд гипотеза о происхождении лабиовелярных из чистых велярных перед слоговыми сонантами типологически не согласуется с данными язгулямского языка. Но если взглянуть с фонологической точки зрения, то сходство все же имеется. Фонологически процесс возникновения лабиовелярных перед огубленным гласным можно представить как перераспределение дифференциального признака огубленности между двумя фонемами: k°/v k°/v (где $\circ$ — огубленность, v — любой гласный) (Журавлев, 1966, с.5-6). В виде такой же схемы можно представить и предполагаемое возникновение лабиовелярных в позиции перед g , g , g , g , где огубленным гласным (а есть, как мы видели, некоторые основания считать, что на раннем этапе индоевропейского праязыка слоговые сонанты сопровождалась призвуком u , то есть были огубленными) является слоговой сонант: k°/g k°/g (где g — любой сонант, плавный или носовой).

Что касается возникновения лабиовелярных из групп "гуттуральный + u ", то этот процесс является обычным случаем трансформации группы фонем в фонему, которой в прежней системе фонем не существовало (Jakobson, 1949, с.329). Есть основания полагать, что еще в латинском языке единая фонема qu фонетически реализовалась как последовательность двух звуков: k и w (Touratier, 1971, с.229-248). Итак, возникновение лабиовелярных перед слоговыми плавными и носовыми, а также из группы "гуттуральный + u " типологически и фонологически вполне допустимо.

Следовательно, можно сделать вывод, что гипотеза об одном ряде индоевропейских гуттуральных, впервые высказанная Г.Асколи,

впоследствии принятая Ф.Рибеццо и (в разных вариациях) Э.Стертевантом, С.Младеновым, Ф.Шпехтом, Э.Германном, Я.Сафаревичем, Я.Отрембским, О.Семереньи, Ю.В.Откупщиковым, получила в данной работе некоторое теоретическое и фактическое подтверждение.

- Абаев В.И. Из истории слов. Древнерусское кърчий "кузнец" и топоним Керчь // ВЯ. 1959, № 1.
- Андреев Н.Д. Периодизация истории индоевропейского праязыка // ВЯ. 1957, № 2.
- Андреев Н.Д. Чередование индоевропейских гуттуральных // *Philologica: Исследования по языку и литературе*. Л., 1973.
- Бари Х. Индоевропейски палатали. Београд; Любљана, 1927 (Глас Српске краљевске академија, 124. Разред 2, № 68).
- Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976.
- Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Иностр. лит., 1955.
- Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Бурлакова М.И. Предыстория славянских заднебных // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6.
- Гамкрелидзе Т.В. Анатолийские языки и реконструкция системы "ларингальных" в индоевропейском // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Ряды "гуттуральных" в индоевропейском. Проблема языков *centum* и *satem* // ВЯ. 1980, № 5.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Проблема языков *centum* и *satem* и отражение "гуттуральных" в исторических индоевропейских диалектах // ВЯ. 1980, № 6. С. 13-22.
- Георгиев В. Индоевропейскитѣ гутурали. София: Графика, 1932 (Годишникъ на Софийския университетъ. Историко-филологически факултетъ. Книга 28, 6).
- Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Иностр. лит., 1958.
- Георгиев В.И. Балто-славянский и тохарский языки // ВЯ. 1958, № 6. С. 3-20.
- Георгиев В.И. Праславянский и индоевропейский языки // Славянска филология. София, 1963. Т. 3.
- Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Десницкая А.В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалканские лингвистические проблемы. М., 1966 (Первый

конгрессе балканских исследований. Сообщения советской делегации).

- Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 1984.
- Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967.
- Джаукян Г.Б. О рефлексах индоевропейских заднеязычных в фригийском языке // *Kwartalnik neofilologiczny*. 1977, № 24.
- Джаукян Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982.
- Дьяконов И.М. Место фригийского среди индоевропейских языков // Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. М., 1972.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.И. Рец. на кн.: *Maurohofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I. Heidelberg, 1956; Lfg. 9-10, 1957; Lfg. II, 1958* // ВЯ. 1959. № 1.
- Елизаренкова Т.Я. Санскрит // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. М., 1982.
- Журавлев В.К. Праиндоевропейские и праславянские слоговые плавающие // Вестн. Моск. ун-та. Серия Ю. Филология. 1966, № 2.
- Иванов В.В. Проблема языков *centum* и *satem* // ВЯ. 1958, № 4.
- Иванов В.В. Хеттский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Иванов В.В. Анатолийские языки // Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- Иванов В.В. Хетто-лувийские (анатолийские) языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. М., 1982.
- Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.
- Иллич-Свитыч В.М. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964.
- Казанскене В.П. К этимологии др.-греч. *βέλεαρ* и *βλήρ* // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Кацнельсон С.Д. Теория сонантов Ф.Ф.Фортунатова и ее значение в свете современных данных // ВЯ. 1954. № 6.

- Кацнельсон С.Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // ВЯ, 1958, № 3.
- Климов Г.А. Кавказские языки. М.: Наука, 1965.
- Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959.
- Леушина Л.Т. К вопросу об индоевропейских суффиксальных чередованиях (на материале латинского языка) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (семантический аспект). Томск, 1983.
- Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М.: Наука, 1970.
- Мартынов В.В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск: Наука и техника, 1968.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Младенов С. Сравнительно индоевропейско езикование. София: Придворна печатница, 1936.
- Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978.
- Нерознак В.П. Албанский язык // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. М., 1982.
- Нечипуренко Н.К. К этимологии латинского *fel* // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (семантический аспект). Томск, 1983, с.154-159.
- Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М.: Иностран. лит., 1949.
- Откупщиков Ю.В. К этимологии литовского *agnis* // Проблемы языкознания. Л., 1961.
- Откупщиков Ю.В. Карийские надписи Африки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
- Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.
- Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы. М., 1956.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964.
- Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974.

- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980.
- Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции. Л.: Наука, 1967.
- Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973.
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования). М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Иностр. лит., 1960.
- Туманян Э.Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке. М.: Наука, 1978.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1964-1973.
- Фортунатов Ф.Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков: Краткий очерк // Избранные труды. М., 1956. Т. I.
- Чекман В.Н. О рефлексах индоевропейских *k̑, *g̑ в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. М., 1974.
- Чекман В.Н. Об отражении индоевропейских слоговых плавных в балто-славянском языковом ареале // Acta Baltico-Slavica. 1976. № 9.
- Широков О.С. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Шпехт Ф. Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны // Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы. М., 1956.
- Эванджелисти Э. Индоевропейские зубные согласные и тохарские палатализации // Тохарские языки. М., 1959.
- Эдельман Д.И. Язгулямский язык. М.: Наука, 1966.
- Эдельман Д.И. К типологии индоевропейских гуттуральных // Изв. АН СССР, Серия литературы и языка. 1973, № 32, с. 540-546.

- Agrell S. Zwei Beiträge zur slavischen Lautgeschichte.- Lund: Gleerup; Leipzig: Harrassowitz, 1918. (Lunds univ. Årsskrift. N.F.Avd. I. Bd. 14. N 32).
- Agrell S. Baltoslavische Lautstudien.- Lund: Gleerup; Leipzig: Harrassowitz, 1919 (Lunds univ. Årsskrift. N.F.Avd. I. Bd. 15. N 2).
- Agrell S. Zur baltoslavischen Lautgeschichte.- Lund: Gleerup; Leipzig: Harrassowitz, 1921. (Lunds univ. Årsskrift. N.F. Avd. I. Bd.17. N 5).
- Allen W.S. Some problems of palatalization in Greek // *Lingua*. 1958. Vol. 7.
- Allen W.S. The PIE velar series: neogrammarian and other solutions in the light of attested parallels // *Transactions of the philological society. Commemorative volume. The neogrammarians*. Oxford, 1978.
- Ambrosini R. Osservazioni sulla cronologia di alcuni fenomeni fonetici greci // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*, 1956. Ser. 2. Vol. 25.
- Ascoli G.I. Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen.- Halle: Weissenhaus, 1872. Bd. I.
- Aufrecht Th. III. Miscellen. Lateinische Etymologien // *KZ*. 1852. Bd.I.
- Bartholomae Ch. Vorgeschichte der iranischen Sprachen // *Grundriss der iranischen Philologie*. Strassburg, 1895-1901. Bd.I, Abt. I.
- Baumbach L. The Mycenaean Greek vocabulary II // *Glotta*. 1971, Bd. 49.
- Baunack J. Grammatisches // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1882. Bd. 37.
- Bechtel F. Die Hauptprobleme des indogermanischen Lautlehre seit Schleicher. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1892.
- Bechtel F. Lexilogus zu Homer: Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter.- Halle: Niemeyer, 1914.
- Bechtel F. Parerga. 46. Griech. βραδύς // *KZ*, 1914. Bd. 46.
- Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit.- Halle; Niemeyer, 1917.

- Bechtel F. Die griechischen Dialekte. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1921. Bd. I.
- Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Vol. I. Économie, parenté, société. Paris: Minuit, 1969.
- Bersu Ph. Die labialisierte Gutturale vor u im historischen Latein. Weimar: Hof-Buchdruckerei, 1885. 42 c.
- Bersu Ph. Die Gutturale und ihre Verbindung mit v im Lateinischen. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1885. 234 c.
- Bezenberger A. Homerische Etymologien // BB. 1878, Bd. 4.
- Bezenberger A. Die indogermanischen Gutturalreihen // BB. 1890. Bd. 16.
- Bloomfield M. The etymology of ΠΡΕΒΥΣ // American Journal of Philology. 1908. Vol. 29.
- Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. 2e ed. Heidelberg: C. Winter; Paris: C. Klincksieck, 1923.
- Bonfante G. Note sur la chronologie de la langue hittite // IF. 1934. Bd. 52.
- Bonfante G. Les isoglosses gréco-arméniennes // Mélanges linguistiques offerts à m. Holger Pedersen. København, 1937. (Acta Jutlandica, IX).
- Bräuer H. Slavische Sprachwissenschaft, Einleitung, Lautlehre. Berlin: De Gruyter, 1961. Bd. I.
- Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl., bearb. Strassburg: Trübner, 1897. Bd. I. Hlf. I.
- Brugmann K. Lateinische Etymologien // IF. 1893. Bd. 9.
- Brugmann K. Rez.: Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I. 2. Aufl., bearb. Strassburg, 1897 // IF. 1898. Bd. 9. Anzeiger. C. 9-13.
- Brugmann K. Griechische Grammatik. 3. Aufl., bearb. München: Beck, 1900.
- Brugmann K. Abrégé de grammaire comparée des langues indo-européennes. Paris: Klincksieck, 1905.
- Brugmann K. Griechisch ἄνθος und ὄθος // IF. 1907-1908. Bd. 22.
- Buck C. D. Do the sounds of the new guttural series (or the non-

- labialized velars) suffer dentalization in Greek? // IF, 1894. Bd. 4.
- Buck C.D. Comparative grammar of Greek and Latin.- Chicago: University of Chicago Press, 1942.
- Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Burrow T. Sanskrit $g\bar{r}$ -gur- "to welcome" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1957. Vol. 20.
- Bury J.B. Zur Lehre von der Nasalen und Liquiden // BB, 1883. Bd. 7.
- Çabej E. Über einige Lautregeln den Albanischen // Die Sprache, 1972. Bd. 18.
- Galand W. Beiträge zur Kenntniss des Avesta // KZ, 1892. Bd. 31.
- Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek vocabulary // Glotta, 1963. Bd. 41.
- Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris: Champion, 1933.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots; Vol. I-4. Paris: Klincksieck, 1968-1980. 1363 p.
- Čop B. Indogermanica minora. Ljubljana, 1971. Vol. I.
- Gunz A. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indoeuropéennes et chamito-sémitiques. Paris: Champion, 1924.
- Deroy L. Le nom grec du cheval // Revue des études grecques, 1951. Vol. 64.
- Devoto G. Storia della lingua di Roma. Bologna: L.Cappelli, 1940.
- Ernout A. Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris: Champion, 1909.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots; Vol. I-2. 4e ed. Paris: Klincksieck, 1959-1960.
- Ernout A. Le dialecte ombrien: Lexique du vocabulaire des "Tables Eugubines" et des inscriptions. Paris: Klincksieck, 1961.
- Fay E.W. The aryan god of lighting // American Journal of Philology, 1896. Vol. 17.
- Fick A. Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas.

Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1873.

Fick A. Etymologien // BB. 1878. Bd. 2.

Fick A. Zum schwa im Griechischen // BB. 1880. Bd. 5.

Fick A. Zur Lehre vom griechischen β // BB. 1881. Bd. 6.

Fick A. Die Laute der griechischen Sprache // BB. 1890. Bd. 16.

Fick A. Vergleichenden Wörterbuch der indogermanischen Sprachen.
4. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1890. Bd. I.

Fick A. Hesychglossen // BB. 1904. Bd. 28.

Fick A. Die Indogermanen // KZ. 1907. Bd. 41.

Forbes K. Medial intervocalic $-\rho\sigma-$, $-\lambda\sigma-$ in Greek // Glotta.
1958. Bd. 36.

Foy W. Rez.: Meringer R. Indogermanische Sprachwissenschaft.
Leipzig, 1897 // IF. 1899. Bd. 10. Anzeiger.

Fraenkel E. Rez.: Wood F.A. Postconsonantal W in Indo-European //
IF. 1928. Bd. 46.

Fraenkel E. Zur griechischen und lateinischen Grammatik und Wort-
forschung. 3. Griech. $\beta\rho\alpha\delta\acute{\upsilon}\varsigma$ und das davon zu trennende
 $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\rho\delta\epsilon\iota\nu$, $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ // Philologus. 1948. Bd. 97.

Fraenkel E. Zur griechischen Wortforschung. I. Griech. $\pi\rho\acute{\epsilon}\sigma\beta\upsilon\varsigma$,
 $\pi\rho\epsilon\sigma\beta\eta\eta\varsigma$, $\pi\rho\acute{\epsilon}\sigma\beta\epsilon\iota\varsigma$ und $\pi\rho\epsilon\sigma\beta\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$, $\pi\rho\epsilon\sigma\beta\acute{\upsilon}\tau\iota\varsigma$ // Glotta.
1955. Bd. 34. C. 301-307.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch: Bd. I-2.
Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht,
1955-1965.

Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg:
Winter. Bd. 1. 1960; Bd. 2. 1970; Bd. 3. 1972.

Froehde E. Etymologien // BB. 1886. Bd. 10.

Froehde F. Zur lateinischen Lautlehre // BB. 1889. Bd. 14.

Georgiev V.I. Slave agne et ses correspondances // Revue des
études slaves. 1964. Vol. 40.

Georgiev V.I. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee.
Roma: Ateneo, 1966.

Georgiev V.I. Introduction to the history of the Indo-European
languages. Sofia: Publishing house of the Bulgarian Aca-
demy of Sciences, 1981.

Golab Z. "Kentum" elements in Slavic // Lingua posnaniensis.
1972. N 16.

Grammont M. Grec $\gamma\acute{\upsilon}\mu\upsilon\varsigma$ "nu" // IF. 1909. Bd. 25.

- Grammont M. Phonétique du grec ancien. Lyon: IAC, 1948.
- Güntert H. Über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriechischen. Heidelberg: Winter, 1914.
- Güntert H. Indogermanische Ablautprobleme. Strassburg: Trübner, 1916.
- Gusmani R. Forme "satəm" in Asia Minore // *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata*. Roma, 1969. Vol. 2.
- Hamp E.P. Palatal before resonant in Albanian // *KZ*. 1960, Bd. 76.
- Hamp E.P. Prehellenic μύλη // *Živa antika*. 1983, god. 33.
- Hamp E.P. Prehellenic ἄχυρον // *Živa antika*. 1983, god. 33.
- Havet L. L'unité linguistique européenne; la question des deux k arioeuropéennes // *MSL*. 1875. Vol. 2.
- Havet L. Etudes latines. Iacur, iocinoris, ἰντερος // *MSL*. 1881. Vol. 4.
- Havet L. Varia // *MSL*. 1889. Vol. 6.
- Hermann E. Über das Rekonstruieren // *KZ*, 1907. Bd. 41.
- Hermann E. Herkunft unserer Frageföwörter. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission bei der C.H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, 1943. (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. 1943. H. 3.)
- Hesychii Alexandrini Lexicon / Recensuit et emendavit K. Latte. Hauniae: Munksgaard. Vol. I. 1953; vol. 2. 1966.
- Hirt H. Urheimat der Indogermanen // *IF*. 1892. Bd. I.
- Hirt H. Zur Lösung der Gutturalfrage im Indogermanischen // *BB*. 1899. Bd. 24.
- Hirt H. Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg: Trübner, 1900.
- Hirt H. Zur idg. Laut- und Formenlehre // *IF*. 1904-1905. Bd. 17.
- Hirt H. Rez.: Ribezzo F. Il problema capitale delle gutturali indo-europee o la riduzione glottogonica delle tre serie sistematiche ad una sola. Napoli, 1903 // *IF*. 1905-1906, Bd. 18. Anzeiger.
- Hirt H. Etymologien. 4. Lat. vacca // *IF*, 1916-1917. Bd. 37.
- Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg: Winter, 1927. T. 1.
- Hirt H. Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle: Niemeyer, 1939.
- Hübschmann H. Arisches und armenisches // *IF*. 1894. Bd. 4.

- Jahukyan G.B. Die Bedeutung der ersten (indogermanischen) und der zweiten (innerarmenischen) Palatalisierung für die Konstituierung des armenischen Konsonanten-Systems // KZ. 1975. Bd. 89.
- Jakobson R. Principes de phonologie historique // Troubetzkoy N.S. Principes de phonologie. Paris, 1949.
- Jokl N. Ein Beitrag zur Lehre von der alb. Vertretung der idg. Labiovelare // Mélanges linguistiques offerts à m. Holger Pedersen. København, 1937. (Acta Jutlandica, IX).
- Jucquois G. La structure des racines en indo-européen envisagée d'un point de vue statistique // Linguistic research in Belgium. Edited on the occasion of the 30th anniversary of the Belgian Linguistic Circle. Wetteren, 1966.
- Juret A. Notes de morphologie et d'étymologie // Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes offerts à Alfred Ernout. Paris, 1940.
- Justi F. Handbuch der Zendsprache. Leipzig: Vogel; London: Paternoster Row - Trübner, 1864.
- Kapsomenos S.G. Zur Etymologie von KPHESYTETON // Glotta. 1962. Bd. 40.
- Karstien C. Indogermanisch und Germanisch // Germanen und Indogermanen. Heidelberg, 1936. Bd. 2.
- Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934 (Suomalaisen tiedeakat, toimittuksia. Sarja B. N:o. 32.2).
- Kluge F. Etymologische Wörterbuch der deutschen Sprache. II-16 Aufl. bearb. von A.Götze. 17 Aufl. bearb. von W.Mitzka. Berlin: De Gruyter, 1957.
- Kortlandt F. I.-E. palatovelars before resonants in Balto-Slavic // Recent developments in historical phonology. The Hague, 1978.
- Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Heidelberg: Winter, 1960. Bd. I.
- Kretschmer P. Etymologisches. I. Rhod. πτωίνα // KZ. 1895. Bd. 33.
- Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1896.
- Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1909. Griechisch //

- Glotta. 1912. Bd. 3.
- Kretschmer P. Nordische Lehnwörter im Altgriechischen // Glotta. 1933. Bd. 22.
- Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1934 // Glotta. 1937. Bd. 26.
- Kronasser H. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg: Winter, 1956.
- Kuryłowicz J. Études indo-européennes. Kraków: Gebethner i Wolf, 1935. T. I.
- Kuryłowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1956.
- Kuryłowicz J. Probleme der indogermanischen Lautlehre // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962.
- Kuryłowicz J. Phonologisches zum indogermanischen Gutturalproblem // Donum Indogermanicum: Festgabe für Anton Scherer zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1971.
- Kuryłowicz J. Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław: Zakład nar. im. Ossolińskich, 1977.
- Latacz J. Zum Wortfeld "Freude" in der Sprache Homers. Heidelberg: Winter, 1966.
- Lehmann W.P. Proto-Indo-European phonology. Austin: Univ. of Texas press and Linguistic soc. of America, 1952.
- Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne, ser. I. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1958.
- Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris: Klincksieck, 1972.
- Leumann M. Literaturbericht für das Jahr 1927. Lateinische Grammatik (für 1926 und 1927) // Glotta. 1930. Bd. 18.
- Leumann M. Literaturbericht für das Jahr 1935. Lateinische Laut- und Formenlehre 1935 // Glotta. 1938. Bd. 27.
- Leumann M. Lateinische Grammatik. Bd. I : Lateinische Laut- und Formenlehre. Neuausg. 1977 d. 1926-1928 in 5. Aufl. ersch. "Lateinischen Laut- und Formenlehre". München: Beck, 1977.
- Lewis H., Pedersen H. A concise comparative Celtic grammar. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1961.
- Lewy E. Etymologien // IF. 1913. Bd. 32.
- Lidén E. Studien zur altindischen und vergleichenden Sprachge-

- schichte. Upsala: Akademiska Bokhandeln (Lundström); Leipzig: Harrassowitz, 1897.
- Lohmann J. Res.: Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933 // *Gnomon*. 1935. Bd. II.
- Loth J. Sequana. Sequani // *Revue celtique*. 1894. Vol. 15.
- Machek V. Zur Vertretung der indogermanischen Palatale // *IF*, 1935. Bd. 53.
- Magnusson W.L. Complementary distributions among the root patterns of Proto-Indo-European // *Linguistics*, 1967. Vol. 34.
- Mann S.E. An albanian historical grammar. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1977.
- Mansion J. Les gutturales grecques. Gand: Vuylsteke; Paris: Bouillon, 1904.
- Mayrhofer M. Das Gutturalproblem und das indogermanische Wort für "Hase" // *Studien sur indogermanischen Grundsprache*. Wien. 1952.
- Mayrhofer M. Kursgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: Winter. Bd. I, 1956; Bd. 2, 1963; Bd. 3, 1976.
- Meillet A. De quelques difficultés de la théorie des gutturales indo-européennes // *MSL*. 1894. Vol. 8.
- Meillet A. Varia. I. 'Ἰκκοϛ // *MSL*, 1896. Vol. 9. C. 136-137.
- Meillet A. Trois notes sur la phonétique des gutturales // *MSL*. 1896. Vol. 9. C. 372-380.
- Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave: P.I-2. Paris: Bouillon, 1902-1905.
- Meillet A. A propos de v.sl. gasi // *MSL*. 1905-1906. Vol. 13.
- Meillet A. Les alternances vocaliques en vieux slave // *MSL*. 1906-1908. Vol. 14. P. 193-209; 332-390.
- Meillet A. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes. 2e éd. Paris: Hachette et Cie, 1908.
- Meillet A. A propos de quelques étymologies // *MSL*, 1908-1909. Vol. 15.
- Meillet A. Les gutturales et le tokharien // *Germanen und Indogermanen*. Heidelberg, 1936. Bd. 2.
- Meillet A., Vendryès J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. - 2e éd. Paris: Champion, 1948.
- Meriggi P. Hieroglyphisch-hethitisch Glossar. 2. umgearb. Aufl. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962.

- Merlingen W. Idg. "þ" und Verwandtes // MNHMH'E XAPIN: Gedenkschrift Paul Kretschmer. Wien, 1957. Bd.2.
- Merlingen W. Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen. Wien: Hermann Böhlaus Nachf., 1963. T.I.
- Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław: Zakład nar. im. Ossolińskich, 1969.
- Müller-Graupa E. Primitiae. 6. γάλα, lac // Glotta. 1930. Bd.19.
- Müller H.D. Etymologien // BB. 1888. Bd. 13.
- Nehring A. Parerga zur lateinischen Wortforschung. I. Eine etruskische Wortsippe im Lateinischen // Glotta. 1928. Bd. 17.
- Ölberg H. Zur Neutralisierung von Palatalen und Velaren k vor Liquida // Studi linguistici in onore di Vittore Pisani. Brescia, 1969. Vol.2.
- Ölberg H. Zwei oder drei Gutturalreihen? // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1976. Vol. 2.
- Osthoff H. Anlautend indog. sr - im Lateinischen // Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1890. T.5.
- Osthoff H. Die Lautgruppe mr im Lateinischen, Germanischen und Altindischen // Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1890. T. 5. C. 85-137.
- Osthoff H. Labiovelare Media und Media aspirata im Keltischen // IF. 1894. Bd.4.
- Osthoff H. Griechische und lateinische Wortdeutungen // IF. 1895. Bd. 5. C. 275-324.
- Osthoff H. Air.uan, ags. éanian: griech. αμνός // IF. 1895. Bd. 5. C. 324-327.
- Osthoff H. Allerhand Zauber etymologisch beleuchtet. I. Lit. kerėti, abulg. čarŭ, sind. krtyā // BB. 1899. Bd. 24.
- Osthoff H. Etymologische Parerga. Leipzig: S.Hirzel, 1901. T.I.
- Osthoff H. Die Sippe leicht // Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1910. T.6.
- Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa: Państw. wyd-wo naukowe, 1958. T.I.
- Otrębski J. Über die Vervollkommnung der Forschungsmethoden in

- der indoeuropäischen Sprachwissenschaft // *Lingua posnaniensis*. 1963. N 9.
- Pajares A.B. Aportaciones al estudio fonológico de las guturales indoeuropeas // *Emerita*. 1971. T. 39.
- Palmer L.R. *The interpretation of Mycenaean Greek texts*. - Oxford: Clarendon press, 1963.
- Panagl O. Die aspirierten Derivate von griech. νύξ "Nacht" // *KZ*. 1971. Bd.85.
- Pedersen H. Exkurs über die Entstehung einiger Zahlwörter // *KZ*. 1893. Bd. 32. C. 271-272.
- Pedersen H. Lat. servus und servāre // *BB*. 1893. Bd. 19.
- Pedersen H. Die Gutturale im Albanesischen // *KZ*. 1900. Bd.36.
- Pedersen H. Armenisch und die Nachbarsprachen // *KZ*. 1906. Bd.39.
- Pedersen H. Die idg.-semitische Hypothese und die idg. Lautlehre // *IF*. 1907-1908. Bd. 22.
- Pedersen H. *La cinquième déclinaison latine*. København: Lunos, 1926.
- Persson P. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Upsala: Edv. Berling, 1891.
- Persson P. Etymologisches. 9. Gr. σούλαξ // *BB*. 1893. Bd.19.
- Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung: Bd.I-2. Uppsala: Akad. bokh.; Leipzig: Harrassowitz, 1912.
- Petersen W. Some Greek examples of word-contamination // *American Journal of Philology*. 1935. Vol. 56.
- Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklisis. Lund: Gleerup, 1921.
- Pisani V. *Miscellanea etimologica* // *Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei*. Classe di scienze morali, storiche e filologiche, 1928. Ser. 6. Vol.4.
- Pisani V. *Miscellanea etimologica* // *Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei*. Classe di scienze morali, storiche e filologiche, 1929. Ser.6. Vol. 5. C. 207-223.
- Pisani V. Idg. *peḡ^ue // *IF*. 1929. Bd. 47. C. 41.
- Pisani V. Rez.: Kieckers E. *Die Sprachstämme der Erde*. Heidelberg, 1931 // *Rivista indo-greco-italiana di filologia, lingua, antichità*, 1932. An. 16. Fasc. I-2. C. 86-90.
- Pisani V. *Il sistema sessagesimale e i numerali indeuropei* // *Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei*.

- Classe di scienze morali, storiche e filologiche, 1932.
Ser. 6. Vol.8. C. I48-I66.
- Pisani V. Studi sulla preistoria delle lingue indeuropee //
Memorie della Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Classe
di scienze morali, storiche e filologiche, 1933. Ser. 6.
Vol.4.
- Pisani V. Armenische Miszellen // Die Sprache. 1966. Bd.I2.
- Pishhel R. Indische Miszellen. 3. trikona // KZ. 1907. Bd. 4I.
- Planta R., von. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte.
Bd.I.- Strassburg: Trübner, 1893. Bd. I.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern:
A.Francke, 1949-1969. Bd.I (Register, Bd.2).
- Polomé E. The Indo-European numeral for "five" and Hittite pan-
ku- "all" // Pratiḍānam. The Hague - Paris, 1968.
- Prellwitz W. Die Telchiner // BB. 1889. Bd. 15.
- Reichelt H. Der sekundäre Ablaut // KZ. 1906. Bd. 39.
- Reichelt H. Studien zur lat. Laut- und Wortgeschichte // KZ.
1914. Bd. 46.
- Reichelt H. Die Labiovelare // LF. 1922. Bd. 40.
- Ribezzo F. Il problema capitale delle gutturali indo-europee o
la riduzione glottogonica delle tre serie sistematiche ad
una sola // Rendiconto delle tornate e dei lavori dell'
Accademia di archeologia, lettere e belle arti. Società
reale di Napoli. 1903. Nuova serie. An.I7.
- Ribezzo F. La teoria Ascoliana delle gutturali indoeuropee allo
state presente della glottologia // Archivio Glottologico
Italiano. 1929. Vol. 22-23.
- Safarewicz J. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzy-
kowych w prajęzyku indoeuropejskim // Sprawozdania Polskiej
Akademii Umiejętności, 1945. N 46.
- Saussure F., de. Βουκόλος // MSL. 1889. Vol. 6.
- Saussure F., de. Varia // MSL. 1892. Vol. 7.
- Schindler J. Zu hethitisch nekua // KZ. 1967. Bd. 8I.
- Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der in-
dogermanischen Sprachen. - 2. bericht., verm. u. umgearb.
Aufl. Weimar: Böhlau; London: Williams and Norgate; Paris:
Franck, 1866.
- Schmidt J. Zwei arische a-Laute und die Palatalen // KZ. 1881. Bd. 25.

- Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra.
Weimar: Hermann Böhlau, 1889.
- Schmidt J. Kritik der Sonantentheorie: Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1895.
- Schmidt-Wartenberg H. A physiological criticism of the liquid and nasal sonant theory // American Journal of Philology. 1896. Vol. 17.
- Schöll F. Zur lateinischen Wortforschung. 2. Zwei angeblich spanisch-lateinische Wörter (gurdus, cantus) // IF. 1912-1913. Bd. 31.
- Schrijnen J. "Silva lupus in Sabina" // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924.
- Schulze W. Miscellen. 2. Wurzel $\pi\alpha\tilde{\alpha}$ - // KZ. 1895. Bd. 33.
- Schulze W. Rez.: Hoffmann O. Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange mit den wichtigsten ihrer Quellen. II. Der nord-achaische Dialekt. Göttingen, 1893 // Göttingische gelehrte Anzeigen, 1897.
- Schulze W. $\delta\acute{\epsilon}\lambda\tau\alpha\ \alpha^2\delta\omicron\lambda\omicron\nu\ \gamma\upsilon\nu\alpha\lambda\mu\epsilon\tilde{\iota}\omicron\nu$ // KZ. 1906. Bd. 39.
- Schulze W. Etymologisches // Kleine Schriften. Göttingen, 1966.
- Schulze W. Der Fuchs // Kleine Schriften. Göttingen, 1966.
- Schwentner E. Griech. $\acute{\iota}\pi\pi\omicron\varsigma$ und $\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ // IF. 1927. Bd. 44.
- Schwyzer E. Neugrich. $\beta\epsilon\zeta\epsilon\alpha$ (Chios), altgriech. $\beta\eta\zeta\epsilon\alpha$ und Verwandtes // Rheinisches Museum für Philologie. 1932. Bd. 81.
- Schwyzer E. Griechische Grammatik. München: Beck, 1934. Lief. I.
- Schwyzer E. Füllsel // KZ. 1939. Bd. 66.
- Sherbatt A.G. The prehistory of the Balkans to 1000 B.C. // The Cambridge ancient history. Plates to volume III. Cambridge, 1984.
- Shevelov G.Y. A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg: Winter, 1964.
- Shields K. A new look at the centum/satəm isogloss // KZ. 1981. Bd. 95.
- Solmsen F. Zur Vertretung der Gutturale im Griechischen // KZ. 1895. Bd. 33.
- Solmsen F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Strassburg: Trübner, 1901.
- Solmsen F. Über Dissimilations- und Assimilationserscheinungen bei den altgriechischen Gutturalen. Warschau, 1902.

- Solmsen F. Slawische Etymologien // KZ. 1904. Bd.37.
- Solmsen F. Beiträge zur griechischen Wortforschung. Straassburg: Trübner, 1909. T.I.
- Solmsen F. Zur griechischen Wortforschung // IF. 1912-1913. Bd.31.
- Solmsen F. Wieder einmal Κανδαύλης // KZ. 1913. Bd. 45.
- Solmsen F. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte (Herausgegeben und bearbeitet von E.Fraenkel). Heidelberg: Winter, 1922.
- Solta G.R. Palatalisierung und Labialisierung // IF. 1965. Bd.70.
- Sommer F, Zur deutschen Wortforschung. 3. Gaul // IF. 1912-1913. Bd. 31.
- Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. 2. und 3. Aufl. Heidelberg: Winter, 1914.
- Sommer F. Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg: Winter, 1914.
- Specht F. Lateinisch-griechische Miscellen. I. gluttire, glutto // KZ. 1927. Bd.55.
- Specht F. Beiträge zur griechischen Grammatik // KZ. 1931. Bd.59.
- Specht F. Die Flexion der n-Stämme in Baltisch-Slavischen und Verwandtes // KZ. 1932. Bd. 59.
- Specht F. Zur Geschichte der Verbalklasse auf -ē // KZ. 1935. Bd. 62. C. 29-II5.
- Specht F. Das idg. Wort für die Egge // KZ. 1935. Bd. 62.
- Specht F. Rez.; Georgiev VI. Etimologija na grčeskija glagol γαμέω i negovata upotrëba u Homera i Hesioda. Sofia, 1934 // Gnomon, 1937. Bd. 13. C. I72-I74.
- Specht F. Zur indogermanischen Sprache und Kultur // KZ. 1937. Bd. 64. C. I-23.
- Specht F. Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen // KZ. 1939. Bd. 66.
- Specht F. Der Ursprung der indogermanische Deklination. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1944.
- Spiegel F. Varia. I. vřika, vehrka, wilkas, λύκος; vulf - urupis, raopis, lupus - vulpes, gurba - gadhwo, catus // KZ. 1864. Bd. 13.
- Steensland L. Die Distribution der indogermanischen sogenannten Gutturale. Uppsala, 1973. (Acta Univ. Upsaliensis. Studia slavica Upsaliensia. 12).
- Stephanus H. Thesaurus Graecae linguae, vol.I, p.I. 3 editio

- auct. ab C.B.Hase, G.R.L.de Sinner, Th.Fix. Paris: A.F. Didot, 1831.
- Sturtevant E.H. The gutturals in Hittite and Indo-European // Language. 1930. Vol. 6.
- Sturtevant E.H. The Indo-Hittite laryngeals. Baltimore: Linguistic society of America, 1942.
- Sturtevant E.H., Hahn E.A. A comparative grammar of the Hittite language. - New-Haven: Yale univ. press; London: Cumberlege; Oxford univ. press, 1951. Vol. I.
- Szemerényi O. Greek γάλα and the Indo-European term for "milk" // Glotta. 1958. Bd. 75.
- Szemerényi O. The origin of Greek βαδύς and βόθυνος // Glotta. 1960. Bd.38.
- Szemerényi O. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964 (Istituto universitario orientale di Napoli. Quaderni della sezione linguistica degli annali. 3).
- Szemerényi O. The labiovelars in Mycenaean and historical Greek // Studi micenei ed egeo-anatolici. Roma, 1966. T.I.
- Szemerényi O. The problem of aryan loanwords in Anatolian // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1976. Vol. 2.
- Thumb A. Rez.: Ceci L. Le explosive palatale nell'indogermanico. Rom, 1896 // IF. 1900. Bd. II. Anzeiger.
- Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. 3. Innsbruck: Inst. für vergleichende Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1977-1980. Lief.I.= 3.
- Touratier Ch. Statut phonologique de qu et de gu en latin classique // BSL. 1971. T. 66.
- Udolf J. Zur frühen Gliederung des Indogermanischen // IF. 1981. Bd. 86.
- Vallant A. Grammaire comparée des langues slaves. Lyon; Paris: IAC, 1950. Vol.I; Paris: Klincksieck. Vol.3. p.I, 1966.
- Vaniček A. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. - 2. umgearb. Aufl. Leipzig: Teubner, 1881.
- Wackernagel J. Zum zahlwort. 2) catur // KZ. 1881. Bd. 25.
- Wackernagel J. Altindische Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1896. Bd.I.
- Wackernagel J. Zur Etymologie von βαρύς und brevis (zu Glotta,

8, 292) // Glotta. 1920. Bd. 10.

Walde A. Leteinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg: Winter, 1910.

Walde A. Die italischen Sprachen // Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft seit ihrer Begründung durch Franz Bopp. Strassburg, 1916, Bd. 2, Abt. I.

Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen (Herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny). Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter and Co, 1926. Bd. 2, Lief. 2.

Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: Bd. 1-2-3. Neubearb. von J. B. Hofmann Aufl. - Heidelberg: Winter, 1938-1954.

Walter K. Vokaleinschiebung im Griechischen // KZ. 1862. Bd. II.

Wharmough J. The development of the Indo-European labiovelars with special reference to the dialects of ancient Italy // Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen. København, 1937. (Acta Jutlandica, IX).

Wiedemann O. Zur Gutturalfrage im Lateinischen // IF. 1892. Bd. I.

Wiedemann O. Etymologien. 4. Got. fairhvus, filhau, ahd. felga, folgen // BB. 1904. Bd. 28.

Windekens A. J., van. Etudes de phonétique tokharienne XI: le traitement des labiovelaires indo-européennes // Orbis. 1969. t. 18.

Windekens A. J., van. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. I. La phonétique et le vocabulaire. - Louvain: Centre Intern. de Dialectologie Générale, 1976.

Zupitza E. Die germanischen Gutturale. - Berlin: Weidmann, 1896.

Zupitza E. Etymologien // BB. 1899. Bd. 25.

Zupitza E. Miscellen // KZ. 1904. Bd. 37.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВЯ - Вопросы языкознания

СРНГ - Словарь русских народных говоров. Л., 1966 сл.

ВВ - Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.

IF - Indogermanische Forschungen

KZ - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung

MSL - Mémoire de la Société de linguistique de Paris

- авест. - авестийский
алб. - албанский
англ. - английский
арг. - арголидский
арк. - аркадский
арм. - армянский
атт. - аттический
беот. - беотийский
вед. - ведийский
галл. - галльский
гег. - гегский
гом(ер). - гомеровский
горт. - гортинский
гот. - готский
греч. - греческий
диал. - диалектный
дор. - дорийский
др.-англ. - древнеанглийский
др.-в.-нем. - древневерхне немецкий
др.-инд. - древнеиндийский
др.-ирл. - древнеирландский
др.-исл. - древнеисландский
др.-кипр. - древнекипрский
др.-перс. - древнеперсидский
др.-польск. - древнепольский
др.-прусск. - древнепруссский
др.-швед. - древнешведский
и.-е. - индоевропейский
иер. - иероглифический
иллир. - иллирийский
ион. - ионийский
иран. - иранский
кипр. - кипрский
корк. - коркирский
корн. - корнский
крит. - критский
лак. - лаконский
лат. - латинский
лесб. - лесбийский
лик. - ликийский
лит. - литовский
лтш. - латышский
лув. - лувийский
мег. - мегарский
мик. - микенский
нем. - немецкий
нидерл. - нидерландский
норв. - норвежский
оск. - оскский
пол(ьск). - польский
прагерм. - прагерманский
пракельт. - пракельтский
прасл. - праславянский
род. - родосский
рус. - русский
саб. - сабинский
сирак. - сиракузский
ст.-сл. - старославянский
тох. - тохарский
умбр. - умбровский
фесс. - фессалийский
фриг. - фригийский
чеш. - чешский
хет. - хеттский
швед. - шведский
зол. - эолийский
эпидавр. - эпидаврский

Албанский язык

dhelpẽr 110
 dorë 17
 geth 9
 gjanj 108
 gjej 9
 grunde 111
 gar 105
 ku 121
 kuš 121
 kūs 121
 ngurōnj 106
 p̃esë 9,42,67
 sjel 112
 vorrë 42
 sū 66
 zë 42
 zjarr 9,41,42,108
 zjarr 108
 zog 104

Анатолийские языки

Хеттский

kalli-kalli 37
 keššar 19
 kiš- 123
 kištari 123
 kuenzi 108
 kuš 120,121
 kunanzi 11,108
 nekumanza 56,76,77
 nekuz 10,53,55,77

ranku(š) 18,67,68
 zama(n)kur 18

Линийский

obatra 19
 esbe- 46
 isre 19

Лувийский

ašwa- 18,46
 iššari 19
 šurna- 18
 šuwan- 18

Армянский

ašk' 9
 akn 66
 anjuk 51
 aucanel 10
 auj 10,49,50
 cin 41
 čork' 9
 ekul 10,92,101
 ganem 108
 gog 36
 hing 10
 jag 10
 jejn 19
 jer 108
 jerm 9, 108
 kin 108
 klanem 10,101
 kov 118

kur 92,102
 k'akor 37,58,59
 k'ert'em 9
 lucanel 26
 sisejn 37

Балтийские языки

Дрежнопрусский

angurgis 50
 gelatynan 110
 gelso 110
 genno 110
 giwa 123
 guksennin 98
 gulbis 111
 gunnimai 108
 guntwei 108
 gurkle 92,102
 insuwis 74
 oaymis 124
 kalis 115
 kélan 112
 kerdan 115
 kūra 114
 kurwis 92
 lasinna 26
 lasto 26
 massi 26
 poquelbton 13
 quei 121
 queke 16
 sackis 70

¹ Составили Л. П. Дронова, Л. Т. Леушина и Г. М. Шатров.

saligan 110
sari 41,89,108,126
semīns 124
tarkue 56,57
wagnis 60

Литовский

agnūs 62
Akēlē 80
akis 66
akmuõ 22,24
angīs 42,50,51
ašmuõ 22,24
ašvā 44
Ašvā 80
bauglnti 63
baugūs 63
baukti 119
bēgti 62,63
būgti 63
būkas 119
būkauti 119
dýgti 80
dygūs 80
duktē 19
ežýs 49
gāras 108,109
gaūsti 119
geležīs 110
gēlia 98
geļšvas 41,109
gēlti 98
gērti 102
gēsti 123
gylē, gýlē 108
gilēndra 98
giñti 108
ginti 108
girē 105

girti 106
gývas 123
godoti 26
goti 97
grāužti 107
grēsti 111
gurdūs 103,104
gurklýs 102
gurti 103,106
gveřsti 103
gvoti 97
ižlugti 101
jāknos 59
kāimas 124
kaimýnas 124
kākļas 112
kalē 116
kārvē 110
kās 119
kāuti 14
kēļias 112
keliāuti 112
keliūte 112
kēras 114
keřdžius 115
kerēti 114
keturi 38
kiēmas 124
klūpti 13
krieno 115
kū 121
kultīs 113
kuř 121
kūrti 114
kutēti 14,16,95,118
kvāpas 13,15,41,42
kviečiū 13,15,41,42
lāpē 83
lāužti 26

lēngti 49
lēngvas 48,49
lēngvūs 48,49
lūšis 85
magēti 26
mēļžu 69
momā 37
nagā 75
nagūtis 75
naktīs 55
nakvýnē 54
nakvoti 54,55
nugarā 105
nūogas 76
ožýs 62
penki 38
percūnas 81
ráišas 72
sakaĩ 70
skalikas 116
skālyti 116
sulā 70
šakā 35
šeimā 124
šēkas 35
šeimýna 124
šikti 58,59
šis 122
švānkus 15
švitēti 17
tulžīs 110,114
ugnīs 62
ungurýs 42,50,51
velkū 85
vētau, vētyti 15
vilkas 47,82,85
vilpišýs 83,85
žādas 26
žālas 110,111

žālias 110
žāivas 110
žamē 97
žaryjos 41, 89, 126
zeltas 41, 55, 110
žēlti 110
želyas 110
žemē 97
ženčas 102
žerēti 108
žilas 110
žiūrēti 108
žmogūs 97
žōdis 26
žvakē 41, 95
žvērīs 41

Латышский

blāizīt 47
bliēzt 47
ciems 124
dzeltēt 110
gūlbis 111
guovs 118
gurds 103, 104
gurst 103
gvergzdis 103
kāķis 37
kvitēt 17
seime 124
sekš(ķ)ēt 58
sūkt 71
svakas 70
svēķi 70
zults 110, 111

Германские языки

Готский

aggvus 51
agizi 62
aha 65, 66
ahjan 65
ahma 65
ahva 80, 81
augo 66
auhns 66, 86
bimampjan 36
brūkjan 75
digandin 79
faihu 115
fairguni 81
fimf 67
ganagljan 75
gulþ 110, 111
kaírda 115
halðan 112
himna 122
hvas 119
hveila 124
inkilþō 100
kalbō 100
kara 106
kaúrjos 103
kilþei 100, 126
mimz 36
nahts 53, 55
naqaþs 55, 56, 76, 77
qaíru 107
qiman 96
qino 41, 102
qius 123
rinnan 81
riqis 56

tuggō 74
ūhtwō 54, 55
wraiqs 72
wulfs 83, 85
Древнеанглийский
ceole 101
ceorran 106
ciegen 119
cild 100
cuman 96
ēa 80, 81
éanian 61
éowu 61
grindan 111
hweowol 112
melcan 69
mogu 69
ofen 86, 87
sefe 86

Английский

calf 100
child 100
grind 111
wheel 112
yeau 61

Древнеисландский

gaghals 36
gull 111
gulr 111
gunnr 108
hualf 13
hvalr 115
hvel 112
hvellr 116
kalfi 100
kura 106
kurra 106

kvefja 117
o 80
skars 114
skella 116
slókkua 74
vokr 78

Древневерхненемецкий

assiuni 66
ferch 81
forha 81
galla 110
garo 108
gela 110
ger 109
geron 109
gikewen 119
gilingan 49
gold 110
gundfano 108
hel 116
herta 115
hwemen 15
kalb 100
shalba 100
chara 106
keerran 106
kela 101
kilbur 39, 89
kilburra 100
kolbo 100
kuerna 103
chuo 118
curn 103
quelan 98
queran 106
querdan 102
questa 14
luhs 85

lungar 49
moraha 69
murg 74
nackut 76, 77
nichussa 52
ovan 86, 87
sib 86
sihan 86
scutten 14, 16
thunkon 73
ūhta 54
unc 50

Немецкий

Aue 61
begehren 109
Daumen 67
drechseln 57
gelb 110
grindig 111
hacken 36
hager 35
Hacken 36
Hals 112
halten 112
hauen 14
hell 116
Herde 115
Kalb 100
Kalb 100
Kehle 101
Nixe 52
Pferd 46
Qual 98
Quast 14
Schatz 115
schütteln 14
schütten 14
tunken 73

Waller 115
Wellen 115
wölben 13

Нидерландский
oonen 61

Древнешведский
pakufer 76
paku- 77

Шведский
hven 118

Древнегреческий

ἄβλοπες 69
ἄβλοπία 69
ἄγειρω 92
ἄγνος 61, 62
ἄγυρις 92
ἄδελφός 45
ἄδην 88
αἰδοῖον 100, 126
αἰπόλος 112
ἄιόλουθος 112
ἄκτίς 54, 55, 56
ἄλίπαστος 95
ἄλλος 114
ἄλη 88
ἄλώπηξ 82
ἄμείβω 71, 72, 126
ἄμέλω 69
ἄμέρω 103, 104
ἄμνός 32, 52, 60, 61,
62, 76, 126
ἄμψην 10
ἄμφίπολος 45, 112
ἀναισθησία 104

ἀνακτάω 95	βία 122	γάνος 109
Ἄνεγιλητος 96	βιβρώσκω 11, 89, 102, 103, 108, 126	γάνυμαι 109
ἀνιγρόν 52	βίος 123	γαργαρέων 102
ἀνιγρός 52, 53	βιός 124	γαργαρίζω 102
ἀπάλους 115	βιόω 122	γαργαρίς 106
ἀπολύγματος 77, 78	βλέπτω 69, 70	γαρβρίωμεθα 106
ἀπολύω 78	βλέπω 69, 117	γελάω 109
ἀπασάμενος 95	βλέτους 100, 101	γέλγεις 89, 99, 126
ἀρτοποιός 15	βλήρ 100	γενετήρ 102
ἄσβεστος 123	βλαμῶς 10, 101, 108	γένος 41
ἄτρακτος 39, 56, 57	βοάω 119	γέργερος 89, 102, 126
ἄτρενής 56, 57	βοή 119	γέφυρα 69, 117
αὐτός 106	βορά 102	γῆρυς 106
αὐχὴν 10	βορέας 17, 47, 105	γίγνομαι 89, 126
ἄφικτός 53, 95	βόστρυχος 13	γλέπω 69, 117
ἄφικτρός 53, 95	βουκόλος 112	γλῶχες 98
βάθος 116, 117	βοῦς 19, 27, 118, 126	γλωχίς 98
βαθύς 116, 117	βραδύς 94, 103, 104	γοάω 119
βαίνω 34, 116, 126	βραδυτής 104	γόμφος 51, 80
βάλανος 39, 89, 98, 99, 126	βράκνανον 68, 69	γόςος 119
βάλλω 98 - 100	βρακεῖν 68, 69	γοργύρη 102
βανά 35, 41, 84, 89, 94, 101, 102, 116, 126	βράξαι 39, 68, 69	γυβᾶ 118
βαπτίζω 117	βράπτειν 68	γυθίσσων 117
βάπτω 117, 118, 126	βραχύς 49, 51, 74, 75	γυμνός 77, 126
βάραθρον 102	βράψαι 68	γυναικεῖος 100, 126
βάρδιαιτος 104	βρέφος 105, 107	γυνή 35, 41, 84, 89, 94, 101, 102, 117, 126
βαρδύτερος 104	βρόγγος 102	Γυνόπαστος 95
βαρύς 75, 103, 104	βρύγδην 107	-γυ(ς) 97
βᾶσσα 116	βρυγμός 107	δασύς 104
βαφή 117	βρύνω 107	δειράς 105
βδέλλα 100	βρύχω 107	δειρεῖοι 106
βέλεμον 77	βρῶμα 102	δειρή 102, 105
βελόνη 89, 98	βυθός 114, 116, 118	δειριᾶν 106
βένθος 116, 117	βύπτειν 114, 117, 118	δείρω 106
βέομαι 122	βυσσός 116	δέλεαρ 10, 39, 89, 100, 101, 126
βέφυρα 69, 117	γαγγλίον 89, 99	δέλλιθες 89, 98, 126
βῆσσα 116, 117	γάλα 101	δέλτα 100, 126
	γαμέω 96	

δελφύς 39, 89, 99, 126	ἐπιπᾶμα 95, 96	θρίξ 79
δένδρεον 63	ἐπιπᾶσις 95, 96	θρόμβος 51
δέρη 102	ἐπριάμην 114	θυγάτηρ 19
δερίαι 106	ἔρεβος 56, 88	θυμοβόρος 102
δέρω 106	Ἐύαρχιππος 96	ἰαίνω 109
δέφυρα 117	Ἐυδήμιππος 96	Ἰδριεύς 46
διαφαίνω 95	Ἐυδήμου 96	Ἰδριεύς 46
διαφάσσειν 95	Ἐυέμποκλος 96	ἰκκος 46
δίδυμος 77	Ἐυπᾶτᾶς 95	Ἰκκος 46
δίδυμος 77	Ἐυπαστος 95	Ἰμαλέος 86
διηθέω 86	εὐτρόσσεσθαι 57	Ἰμάς 86
διορύσσω 117	εὐχομαι 87	ἰκτερος 59, 60
δολφός 99	ἐχέπαμον 95	ἰκτινος 60
δόρυ 63	ἐχῖνος 49	ἰκτις 60
δρύφη 114	ἐχίς 34, 49, 125	ἰμβηρις 49, 50, 51, 52
δύπτω 118	(F) εἶδον 14	ἰννος, ἴννος 46
δυσβράκιον 68, 69	(F) εἶπον 44	ἰνπᾶσις 96
δύω 118	(F) ἔπος 27	ἰξ 53
ἔγγύς 97	(F) οἶδα 14	ἰξαι 86
ἔγγελος 42, 49, 50, 51, 52, 80	ζεῖα 114	ἰπνός 86, 87
εἰμί 104	ζεῖναμεν 123	Ἰπκαρμόδωρος 96
ἐκατόμβη 14	ζῶον 98	Ἰππειος 47
ἔκκειός 47	ζῶω 123	Ἰππερος 60
ἐλαφρός 34, 48, 49, 53	ἦβη 10, 88	Ἰππος 13, 42-47, 56
ἐλαχύς 53, 74, 75	ἦδύς 75	-ιππος 46
ἔλεγχος 49	ἦπαρ 59 - 61	ἰχθύς 115
ἐλέγχω 48, 49, 51, 80	θάμβος 51	ἰψ 53
ἐλθεῖν 112	θείνω 11, 13, 108	καβλέει 100
ἔλιω 85	θελγῖνες 110	κάθος 17
ἐμπᾶσις 96	θερμός 9, 41, 89, 108, 126	κακ(κ)ᾶ 37, 58, 59
ἔμπεδοκλῆς 95	θέρομαι 108	κακική 58
ἐμπιπασιόμαι 95, 96	θέρος 108	κακός 58
ἐπασάμην 95	θεσσασθαι 124	κάλαθος 113
ἔπειός 47	θήρ 13	καλέω 116
ἔπικτητος 96	θιγγάνω 79, 80	καλινυδέσμαι 113
ἐπιπαματίς 95	θιγεῖν 79	Καλλιπᾶτᾶς 95
ἔπομαι 44, 88	θιόπαστος 95, 96	κάλη 13, 15
ἔπος 45, 56, 65	θόρυβος 106	κάμνω 17
		καπνός 13, 15, 68, 117

κάρταλος 92	κρατύς 53, 72	μέγας 113
καταβλάπεσθαι 69	κρέ(φ)ας 27	μείγνυμι 72
καταβλέθει 100	κρησφύγετον 69	μέλισσα 98
καταπάομαι 95	Κτητός 96	μέμφομαι 36
καταπάσσω 95	κύαθος 17	μεσσηγύ(ς) 97
καταπίνω 100	κύαρ 17	μέτρον 44
κατειργασμένος 114	κύκλος 35, 45, 112, 113	μήτρα 99
καχάζω 37	κυλίνδω 113	μηχανή 85
κειῖμαι 16, 124	κυλίω 113	μίγνυμι 72
κείρω 9	κυρβαίη 114	μύλη 92
κέλευθος 112	κυρήβια 114	μύλλω 92
κελεύω 112	κυρτός 55, 92	ναῦς 85
κέλης 112	κῶμα 16	νεκρός 53, 62, 72
κέλλω 112	κῶς 120, 122	νέκυς 53, 62, 72
κέλομαι 89, 112	λαγαρός 74	νεφροί 88
κεραός 25	λαγγάζω 74	νεωλιέω 85
κέρας 92	λαμβάνω 88	νίβα 51
Κέρκυρα 82	λάχανα 110	νίζω 52
κηθίς 17	λείπω 13	νίπτρον 52
κίς 120, 122	λέχριος 73	νίπτω 52, 53
κίσσα 13, 15, 37	λήγω 74	νίφα 51, 88
κισσῶν 15	λικριφίς 73	νύκτερος 55
κλάσμα 114	λικροί 73	νύκτωρ 55
Κλεέμπορος 96	λόγος 104	νύξ 10, 45, 53-55, 76
κλώθω 113	λοιδερέομαι 106	νύχα 54
κλωστήρ 113	λοιδορία 106	ὄβελός 98
κοῖος 120	λοιδορος 106	ὄδελός 98
κοῖται 13, 15	λυγίζω 78	ὄδος 85
κολεῖν 112	λυγμός 77	οἰνόφυξ 87
κόλπος 13, 15, 117	λύγξ 85	οἷς 60
κολυμβάω 118	λύκος 47, 82, 83, 85	ὄικαι 120
κομφός 15	λυμνός 76 - 78	ὄικον 65
-κοπος 68	λύω 78	ὄικνεῖν 66
κόπρος 58, 59, 126	μαγίδα 114	ὄικνηρός 66
κορφα 44	μάζα 114	ὄικνος 66
κόρυθος 114	μακρός 113	ὄικνοῖος 120
κόσος 120	μάμμα, μάμη 37	ὄικοστος 120
κότερος 120, 122	μάρπτis 68	ὄικταλλος 39, 65
κούρη 44	μάρπτω 39, 68, 69, 126	ὄικιοί 85

ὄλκοι 85	πάσσω 14	πρόβασις 62
ὄλκον 85	Πᾶστος 96	πρόβατον 62
ὄλκος 85	παχύς 18, 68, 75, 79	πρῶτος 55
ὄλος 58	πεῖθω 79	πτῶξ 98
ὄμμα 65	πεῖραρ 101	πυθμήν 51
ὄμοιος 98	πέλομαι 89, 112, 126	πύνδαξ 51
ὄμφαλός 51, 80	πέλω 112	πυνθάνομαι 51, 79
ὄμφη 88	πέλωρ 113	πύρνα 114
ὄνομα, ὄνυμα 76	πελώριος 113	πύρνοι 114
ὄνουξ 10, 45, 75	πενθερός 51, 79	πύρνον 114
ὄξινα 66	πένθος 117	πύρνος 114
ὄπη 66	πέντε 19, 38, 44, 67, 120	πυρ 121
ὄπος 65, 70, 71, 78, 84, 126	πέπαμαι 95	πῶς 119
ὄππατα 65	πέπων 68	ῥαίβος 72, 126
ὄπτίλλος 65	πέσσω 88	ῥέω 87
ὄπίλος 65, 67	πέτομαι 81	ῥοινός 72
οπι, οπυς 121	πεφειράκιοντες 95	σαπρός 72
ὄπωπα 9, 45, 65, 66	πήλυι 113	σβέννυμι 123
ὄργή 109	πιμελή 75	σδεύναμεν 123
ὄργίλος 109	πίπτω 81	σέ 44
ορῆος 44	πίων 75	σήμερον 122
ὄσσεύομαι 66	πλοῖον 85	σῆπομαι, σῆπω 72
ὄσσομαι 65	πόθος 124	σιτώδης, -δεις 114
ὄττεύομαι 66	ποιέω 124	σιύλαξ 116
ὄυκίς 120	ποινή 124	σιύλλον 115
ὄυκως 120	πολέω 112	στάμνος 77
ὄυπως 120	πολλάκι(ς) 120	στίγμα 74, 77
ὄυρος 44	πόλος 35, 112	στιῦζειν 74
ὄυτις 120	Πολύουτος 65	στρέφω 51, 57, 58
ὄφθαλμός 39, 65, 67	πολυπᾶμονος 95	στρόμβος 51
ὄφις 34, 45, 49-51, 125	πορύναν 114	στρόφος 57
ὄφνίς 60, 88	ποταμός 81	στροφάομαι 57
ὄφομαι 45, 65	ποτερός 119	συρμός 85
πάθος 117	πράγμα 77	συστροφή 58
παιφάσσω 95	πράξις 104	σφήξ 98
πάλιν 113	πρεῦγυς 97	ταπιαματα 95
παῖμα 95	πρέσβυς 97	ταραχή 58
παννύχιος 54	πρίασθαι 52, 83, 114-5	τάρβος 58
	προβαίνειν 62	ταργαίνω 58

τάρταρον 58
 τάφος 51
 τε 67, 120, 122
 τέγγω 73
 τεῖχος 79
 τέκνω 124
 τελέθω 112
 τέλομαι 112
 τέλος 113
 Τελχῖνες 110
 τέλωρ 113
 τελώριος 113
 τέο, τοῦ 119
 τέρας 113, 114
 τετράνις 120
 τέτταρες 9, 38
 τετυχῶα 42
 τεύχω 42
 τέφρα 88
 τί 120, 126
 τίνω 124
 τίς 120, 121, 126
 τορύνη 114
 τρέπω 56 - 58, 126
 τρέφω 51
 τροπέω 57
 τρόπος 56 - 58
 τροπός 57, 58
 τρύγοιπος 86
 τυγχάνω 51, 79
 ὑγιής 76, 123
 ὑγρός 64, 78, 79, 126
 ὕδρος 60
 ὕει 70
 ὑπερβόρειοι 105
 ὑπολύομαι 78
 φαιδρός 124
 φέβομαι 62-64, 125
 φεύγω 62-64

φθείρω 124
 φθίνω 124
 Φιλάμβουλος 96
 Φιλόφειρος 95
 φῆτυ 64, 93
 φλίβω 95
 φλύζειν 87
 φλύκταινα 87
 φλύω 87
 φόβος 63
 φοῖβος 53
 φόνος 108
 φράγμα 85
 φραγμός 85
 φράσσω 85, 125
 φρέαρ 101
 φύω 64, 93
 χάριω 109
 χαλνός 110
 χαρά 109
 χάρμη 109
 Χαροπί(δο)δαμος 96
 χαροπός 109, 126
 χειμῶν 63
 χείρ 17, 19
 χέλυσ 110
 χέρας 111
 χέρμας 111
 χέρνα 17
 χερνής 17
 χερνίπτομαι 57
 χέρνιψ 52
 χλωρός 110
 χολάς 60
 χολέρα 60
 χολή 60, 110, 111, 126
 χόλος 41, 96, 110
 χόνδρος 111
 χόρτος 114

χραίνω 111
 ψυχή 104
 φωμός 114
 ὠκέ(Ε)ες 28, 47
 ὠνός 28, 47
 ὦφ 66

Μικενский

a-to-ro-qa 15
 i-ro-no 87
 i-qa 42, 47
 ke-ni-qa-te-we 52, 57
 ko-wa 44
 ku-su-to-ro-qa 58
 pe-re-ku-ta 97
 qi-ri-ja-to 52
 qi-si-pe-e 52
 te-tu-ko-we-a₂ 42
 to-ro-qa-jo-me-no 56,
 57
 to-ro-qa 56, 57

Индо-иранские языки

Арийский

Aśva-rathā 80
 Ζαρι-άσπης 80
 Χο-άσπης 80
 *Υδ-άσπης 80

Древнеиндийский

amhuḥ 51
 aktuḥ 53, 55
 āksi 66
 agnīḥ 62
 agram 62
 agreguḥ 97
 ajagaraḥ 102
 ajāḥ 62

ádhriguh 97	gárbhah 99,107	jiváh 123
áscaryah 114	gávate 119	junāti 122
ásmā 22	gāḍhah 117	gyā 122
ásvah 13,18,41,42,44,46,47	girāti 11,102	gyānih 122
ásvā 80	girih 11,105	tarkuh 56,57
áhih 49,50	gīr 11	tarjati 58
ásāvah 47	gunikā 98	tirāti 93
ásuh 28,47	gudah 98	trapate 56,58
ukhā 86	gurati 106	trikonam 100
ujjugure 98	gurāte 11,98,106	duhitar 19
udaguriṣata 98	guruh 103	ḍṛṣad- 105
udgūrṇah 98	gulah 98	dēhmi 79
kakūp 37	gulikā 98	nak 54,55
kākṣā 36	gulī 98	nāktā 54
kākhati 37	gūlmah 98	nāktiḥ 54,55
kāroti 114	gusptāh 14	naghnāh 76,77
kalāyati 112	gūrtāh 102,106	nāvagvah 119
kāh 119	gūrtih 11,106	nijalgulīti 102
kā 119	grṇāti 106	niś 54,55,56
kākah 37	gauh 118	niśā 54
kikiḥ 15,37	gharmāh 108	niśitā 54
kim 120	ca 67,120,122	pāñca 38,67
kih 120,121	cakrāh 112	pīvan- 75
kutah 121	cārati 112,113	purúcid 120
kutra 121	caramāh 113	purogamah 97
kuru 114	cārvati 114	purogavāh 97
kuruté 114	calati 112	purogāh 97
kūlam 113	cirām 123	puṣ- 67
kuha 121	cūrṇam 114	puṣṭāh 67
kū 34,35,121	cūrtih 113	bahuh 18,68,75,
kṛṇāti 24	códati 119	79
kṛṇóti 114	jartāh 100	bhṛśah 86
kétah 42	jartuh 100	markah 69
kyāku 72	jávate 97	marcāyati 69
kravīh 27	jāvīṣṭhah 97	mah- 26
krīnāti 114	jihvā 74	māñśā- 36
kva 34, 121	jāsate 123	mūhu 74
gabhirāh 117	liyā 122	mṛktāh 69
garāh 102	jīvati 123	mṛtāh 55

mṛsāti 68,69
yakṛt 59
raghuh 48,49
rikhāti 26
ric- 87
risāti 26
rujāti 26
rūsant- 26
rekuh 87
rōgah 26
laghuh 48,49,51
langhati 49
lopāsāh 82
vacah 27,65
vanarguh 34,97
vāti 16
vāpayati 16
vītāh 16
vrkah 82,85
veti 16
vēsi 16
vriś 72
śakṛt 58,59
śaknōti 35
sataguh 14,119
śatagvī 119
śatruh 26
śaphāh 26
samnīte 17
śardah 115
śasati 26
śāka- 35
śākhā 35
śrṇāti 24
śrngam 18
śete 16, 54
śōkah 109
śmaśruh 18
śvā 18
siñcāti 86

śipiti 86
sutāh 70
sunōti 70
sūrā 70
sōmah 70
hatah 108
hānti 108
hārah 108,109
hārih 110
hāryati 109
hā- 123
hiraṇyam 110
hrnīte 109

Авестийский

aiwyāxstar 66
aśi 66
ežis 49,50
ōārā 114
ču 121
grava- 107
guh - 107
hizvā 74
java 97,98
kasu- 35
kaśa 36
kudā 121
kuθa 121
kū 121
maṇō 77
maz- 26
mārezu- 74
niyāire 98
renjaiti 49
sūra 17
urupis 82
urvaēsa 72
urvizo.maīḃya
uśi 66
vigāō 116

zah- 123
zairi- 110
zan- 41
zara- 109
zaranya- 110
zāra- 110
zēvīštya- 97
zināt 122
zyāni 122

Древнеперсидский

adinā 122
šiyātis 124

Осетинский

zar 106
zarin 106

Итальяские языки

Латинский

acer 81
acus 81
agmen 113
agnus 32,60,62,73,126
ago 113
alicubi 121
amābam 64
anguilla 42,50
anguis 10,42,50,51
antiquus 71
aqua 80, 126
ascia 73
aula 86,87
auxilla 87
avillus 62
barba 74
barcala 104
barcus 104
bardus 104,105

Barginna 104	dingua 74	glēba 100
bargus 104, 105	distingo 74	glīscō 99
bōs 27, 82, 118, 126	equus 13, 44, 71	globus 100
brevis 49, 51, 74, 75	familia 124	grātes 106
bubulcus 119	farcio 85	grātia 106
cacō 37, 58, 59	fel 41, 85, 109, 111, 126	grātus 106
cachinnō 37	ferrum 110	gravis 75, 103, 104
cacūmen 37	ferus 13	grossus 105
caenum 118	fībula 80	gula 10, 92, 101
calō 116	fīdō 79	gurdus 94, 103, 104
carnivorus 102	fīgō 48, 79, 80, 126	gurges 92
oāseus 116	fīlum 124	gurgulio 102
celer 112	fiṅgō 79, 80	helvus 41, 55, 62
cenum 118	fīvō 48, 79, 80, 126	hiems 63
cervus 25	flīgo 47, 48, 95	hircīnus 71
cicer 37	flu(v)o 64, 71, 87	hircus 71
cis 122	flu(v)or 64, 71, 75	hirquīnus 71
citer 122	formus 41, 89, 108, 126	hirquitallio 71
cīvis 124	fornax 108	hirquus 71
clivus 62	fornus 94	ignis 62
cocus 71	foveo 88	ingluvies 101
coenum 118	frendo 111	inguen 88
coinquō 74	frequens 85, 86	inquilīnus 112
coinscō 74	fructus 64	inquinō 118, 126
collum 112	frūges 75	inseca 74
colo 112	fugio 63, 64	inseque 74
colus 113	fuī 64	instīgō 74
cōnflugēs 87	fulvus 41, 111	instinguō 74
coquīna 71	furnus 94, 108	invītus 15, 16
coquīnus 71	galba 99	iecur 59
caquo 15, 64, 88	galbulus 99	iouxmenta 73
coxa 36	galla 39, 89, 99	iugulum 105
cruor 27	garrio 106	iugum 105
cūdō 14	gener 102	iūmenta 73
cunīre 118	genō 89, 102, 126	lac 101
curvus 55, 62	gerro 106	langueō 74
defendo 108	gilvus 110	legō 68
densus 104	glans 98	levis 48, 49, 104, 126

liceō 87	polleo 67	turpis 56,58
licet 87	pollex 67	ubi 121
licinus 73	popīna 82	unguis 10,75
lignum 68	praepinguis 99	unguō 10,73,79,88
līmen 73	prehendo 9	urg(u)eō 74
līmes 73	propinquus 71	ūveō 64,71,78,79,126
līmus 73	quatio 14,16,95,118	ūvidus 78
lingua 74	quattuor 9,38	ūvor 78
linquō 13,87	-que 67,120,122	vannus 15
līquis 73	quei 119,121	vās,vāsum 17
longinquus 71	quercus 64,81,126	vapor 15,16
lupus 47,82,83,85	querquētum 81	venio 96
mamma 37	quī 119,121	verna 17
membrum 36	quid 120,126	verū 106
miāre 86	quies 123	vespices 14
migro 72,126	quiniseo 16	vīs 15,16
mons 105	quinque 9,38,64,67	(in)vītō 15,16
mortuus 55	quis 34,35,120,121,126	vitrum 17
mulced 14,69,70	rīvus 81	vīvō 123
mulcō 69,70	salvus 58	vīvus 123
mulgeō, 14,69	seqāre 74	volba 99
mūnus 72	sequor 88	volpēs 83,85
mūtō 72	siat 86	volva 99
nēcubi 121	sīcubi 121	volvō 99
nefrōnēs 88	squalus 115,116	vōmis 60,88
ninguit 88	stinguō 74	vorō 10,89,102,103,
nox 53,54,55,73	stru(v)o 64,71	108,126
nūdus 56,76,77,126	suāvis 75	voceō 88
oblīquus 71,73	sūcidus 71	vulpēs 83
occa 66	sūcus 65,70,71,126	
oculus 9,67,73	sūgo 70,71	Оскокий
offendo 13,108	sūquus 71	bivus 123
ovis 60	tardus 104	brateis 106
paravēredus 46	ting(u)o 73	puf 121
Parcillus 104	torqueo 39,56,57,58,126	Сабинский
pecu 115	trepit 56	hirpus 82
pecūnia 115	triquetrus 119,126	lixulae 73
penus 67	tumeō 67,105	
pinguis 75	tumulus 105	

Умбрский

anstintu 74
berus 107
berva 107
pufe 121

Кельтские языки**Галльский**

bardus 106
galba 89, 99, 126
Нероṽnia 81
керле- 67
Sēquana 86

Древнеирландский

atball 98
ben, mna 60, 102
berran 106
bir 107
biu 123
bó 118
coic 67
cren(a)im 114
cul 112, 113
fér 78
gāir 106
galar 89, 98, 126
gelim 89, 101, 126
gonim 108
gorn 108
innocht 53, 55
lingim 49
marb 55
nigid 52
nocht 76
ūan 60, 62
úr 78

Ирландский

bres 105
buachail 113
cland 113
creth 114
crod 115
cruth 114
cuirethar 115
ecor 115
escung 50
gor 108

Бретонский

dascori 115

Кимрский

ber 107
bugail 113
cordd 115
eguin 75
ewin 75
galar 89, 98
garm 106
gwair 78
ir 78
ocet 66
pell 113
peri 114
prunu 115
prudydd 114

Корнский

bras 105
gel 101

Славянские языки**Старославянский**

агньць 60, 61
агнѣ 60, 61
авьно 62
бимъ 64
близъ, близь 48, 95
блону 87
бнѣти 64
бѣжати 63
влькъ 82, 85
влькѣ 85
гасити 123
гаснѣти 123
гвоздь 14
гнѣвъ 109
гнѣтити 109
говорити 119
говорь 119
говѣдо 27
голѣбъ 111
гонити 108
гора 105
горе 108, 109
горькъ 108
горѣти 108, 109
грано 106
грѣдь 103, 104
грѣнилъ 108
грѣнь 108
грѣсть 92
грѣтань 102
грѣсти 107
грѣти 108
гѣнати 11, 13, 108
дрѣво 63

дѣшь І9
жалъ 98
желѣзо ІІ0
желѣти 98
женѣ І3, 4І, І08
живетъ І23
живѣ І23
жльть 4І, І09
жльчь 4І, І09, ІІІ
жльть І09
жлѣбѣ 99
жрьновъ І03
жрьны І03
жрьти І06
жрьбѣ І05, І07
жьрати ІІ
звонъ 42
звѣзда 95
звѣрь І3, 4І, 95
зелень 62, ІІ0
зелие ІІ0
злакъ ІІ0
злато ІІ0
зльчь 4І, ІІ0, ІІІ
зоря І08, І26
зрьбти І08
зѣть І02
икра 59, 60
камы 22
квасъ 4І
клонити 24
кола ІІ2
коло ІІ2
коса 26
котерны ІІ9
котора 26
крава 26

крывъ 27
къде І2І
къи І2І
къто ІІ9
лоучъ 26
льгъ (къ) 49
млѣзѣ 69
мрътвъ 55
мѣна 72
мѣсо 36
нагъ 76
нога 75
ногъть 75
нощъ 55
овьца 60
огнь 62
око 66
отълѣкъ І3
пожаръ І08
пожръть І02
пожрьбти І02
покоити І24
потокъ 8І
почити І24
прѣвъ 55
рѣка 8І
рѣка, рѣцѣ 28
сврака 42
свѣтъ 24
слонити 24
соколъ 37
сокъ 70
соха 35
съсати 7І
съ І22
сьрна 25, 93
съсати 86

сѣмья І24
тещи 8І
токъ 8І
тракъ 56, 57
тьрѣ 93
хохотъ 37
цвѣтъ 24
челнадь ІІ3
чесо ІІ9
четыре 38
чрьба ІІ5
чрьдити ІІ5
чьто І20, І2І
ѣ жъ 49
ѣзыкъ 5І
ѣзыкъ 74
Русский
барашки 6І
близ 48
брокать 24, 26
бросать 24, 26
бучати (др.-р.) ІІ9
бык ІІ9
волк 85
волок 85
волоку 85
воспылатъ І09
гадать 26
гнеть І09
говядо ІІ8
голубой ІІІ
голый 78
гора 47
горло 92, І02
город 22, 24
горсть 92

грива 45
дрова 63
железо IIO
желоб 99
желудь 98
жена IO2
жерло IO2
жрать IO2
загореться IO9
зеленный 4I
зород 22, 24
икра 59
какать 37, 58, 59
клонить (ся) 22, 62
ковать I4
коготь 36
кожа 62
кой I2I
копоть 42
копыто 26
корнать 62
корова 26
кренути (др.-р.) II5
крънути (др.-р.) II5
кърчий (др.-р.) II4
лежать, лег 26
лягать 49
мама 37
мелю 92
могу 26
морковь 69
нагой 78
Ока 80
Осва 80
рука 28
рысь 85
свет I7, 22
сей I22
семья I24

скот II5
(при)слонить 22
сок 70
струя 87
угорь 42, 50
уж 42, 50
цвет 22
чары II4
ятнядьє 6I

Белорусский

кімаць I6
Польский
gadac 26
gwozd 14
waż 50
wegorz 50

Сербо-хорватский

чриједа 115

Чешский

jehněd 61
jehněda 61
vitati 16

Тохарские языки

Тохарский A

arkant- 84
kāts 84
kāś- 123
kukāl 112, 113
kumsam 96
kuryar 83, 115
kuryart 83, 115
kus 121
ko 84, 118
klā- 98
maku 84
yārk 84

yuk 84
zaku 83, 84

Тохарский B

erkent- 84
karyog 115
kas- 123
kā 84
kātsō 84
kān- 84
kāry- 84
keu 84, 118
kes- 84
kokale 112
klā- 98
makwa 84
yakwe 84
yarke 84
walkwe 83, 84, 85
sañkw 83
sāk/w/sāku 83
sekwe 70, 71, 83, 84

Другие индоевропей- ские языки

Иллирийский

ἄρεις 50, 51

Bora 47

κομβους 51

lambus 49

Карийский

Ἐβρεὺς 46

Македонский

Ἐκόμιλλος 47

Пеонийское

Δυμισιός 46

Αὐλλειός 46

Фригийский

ζέλμια 110

О г л а в л е н и е

Введение	3
Глава I. Проблема индоевропейских гуттуральных	5
Глава II. Лабиовелярные в конце корня в греческом и латинском языках	43
Лабиовелярные и группы "гуттуральный + <u>ц</u> " в греческом языке	44
Лабиовелярные и группы "гуттуральный + <u>ц</u> " в латинском языке	73
Глава III. Лабиовелярные в начале корня в греческом и латинском языках	89
Заключение	125
Литература	129
Принятые сокращения	147
Указатель слов и форм	149

Олег Николаевич СОРОКИН

Индоевропейские гуттуральные
и их рефлекс
в греческом и латинском языках

ИБ 2607

Редактор Т. В. Зелёва

Подписано к печати 17.04.92 г.   Формат 60 84 1/16
Бумага типографская № 2. Печать офсетная.   Печ. л. 10,25.
Усл. печ. л. 9,53.   Уч.-изд. л. 8,5.   Тираж 500 экз.
Заказ 296   С 16.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Ротапринт ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4

